

174
233
VI 6
Годъ 21-й.

Кн. LXXX

Этнографическое Обозрѣніе

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1909, № 1.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Д. Миллера,

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янгука

и

Секретаря В. В. Богданова.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

Годъ 21-й.

Кн. LXXX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1909, № 1.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ө. Миллера,*
Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

и

Секретаря **В. В. Богданова.**

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Лю-
бителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Особый видъ обязательствъ въ первобытномъ правѣ ex donatione. (По якутскимъ матеріаламъ). Н. А. Вита-шевскаго	1
II. Малороссійскія обрядовыя неченія Курской губерні. (Съ 19 рисунк. на 5-ти фототипіяхъ въ текстѣ). Р. С. Данковской	21
III. Нѣкоторые обычаи и суевѣрія у сартовъ, связанныя съ рожденіемъ ребенка. Н. Худояръ-хана	35
IV. Вліяніе Дарвина на развитіе лингвистики и этнографіи. (Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія: 1809—1909). Н. Ф. Сумцова	40
V. Смѣсь:	
1. Молокане и баптисты Закавказья. А. С. Хаханова	45
2. Бытовые пережитки старины на покосѣ у крестьянъ Ярославской губерніи. И. В. Костоловскаго	47
3. Къ повѣрьямъ о поясѣ у крестьянъ Ярославской губерніи. Его же	48
4. Западно-сибирскіе легенды о твореніи міра и борьбѣ духовъ. П. А. Городцова	50
5. Масляница въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Н. Г. Огурцова	63
VI. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Sebillot. Le paganisme contemporain chez les peuples celto-latins. <i>В. Н. Х-ой</i> (74).—Mansikka. Ueber russische. Zaubersformeln. <i>Е. Н. Е-ой</i> (77).—Elias Lönnrots Svenska Skrifter. <i>В. А. Гордлевскаго</i> (80).—Houtsma und Schaade. Encyclopädie des Islams. <i>Его же</i> (81).—Fehmi. Histoire de la Turquie. <i>Его же</i> (81).—Nalimov. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen. 1	

Вл. Б. (82).—Lozinski Zycie polskie w dawnych wiekach.	
И. С. Рябинина (84).— <i>Karad žičь</i> . Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Е. Н. Е-ой (91).—Мильянов.	
Живот и обичаји Арбанаса. Е. Н. Е-ой (93).— <i>Zeitschrift des Vereins für Volkskunde</i> . 1908, 4; 1909, 1,2. Е. Н. Е-ой (94).—	
Ончуковъ. Сѣверныя сказки Е. Н. Е-ой (97).—Бобривскій. Горцы верховьевъ Панджа. А. А. Семенова (99).—Сиверсь. Азія. А. А. Се-ва (101).—Записки Восточнаго Отдѣленія Русс. Археол. о-ва Е. Н. Е-ой (104).—Извѣстія Археологическаго общества изученія Русскаго Сѣвера. 1909, 1.	
Вл. Б. (106).—Архангельская Карелія. Вл. Б. (106).—	74
2. Обзоръ газетъ и журналовъ.	108
3. Новости этнографической литературы	114
VII. Хроника:	
Юбилей В. В. Радлова.—Юбилей Месторфъ.—Юбилей „Калевалы“.—Изъ хроники финляндскихъ ученыхъ обществъ.—XII-й Съѣздъ Естествоиспытателей и Врачей и подсекція этнографіи.—XV-й Археологическій Съѣздъ.—Этнографія и антропология въ вопросахъ алкоголизма.—Выставка игрушекъ и народное творчество.—Собраніе куколъ въ народныхъ костюмахъ.—Жаворонки.—Прощенники.—Музыкальная этнографія и шаманство на „Сибирскомъ вечерѣ“ въ Томскѣ.—О дѣйствиі камланія на кама.—Шаманская мистерія (камланіе).—Камъ Мампый въ Томскѣ.—Киргизы и ихъ музыка.—Пѣсни каторги.—О натуральномъ и темперованномъ строяхъ.—Роль фонографа въ музыкѣ и изученіи языка.—Новое изданіе религіозныхъ текстовъ.—П. Н. Рыбниковъ и новое изданіе его собранія былинъ.—Къ изслѣдованію о русскомъ сектанствѣ.—Литература о Лапландіи и лопаряхъ.—Указатель литературы о Карелии.—Къ литературѣ о самоѣдахъ.—Древнія русскія географическія карты.—Изданія Восточнаго Института	121
VIII. Объявленія	154

Особый видъ обязательствъ въ первобытномъ правѣ: *ex donatione* ¹⁾

(По якутскимъ матеріаламъ).

Если по справедливости *obligationes ex delictu* являются, въ глазахъ юриста-соціолога, принадлежностью древняго права, то еще болѣе сѣдоку стариной вѣетъ отъ того комплекса юридическихъ отношеній, которыя охватываютъ собою обязательства, вытекающія изъ одариванія. По аналогіи съ терминами: *obligatio ex delictu*, *obligatio ex contractu*, разсматриваемыя въ настоящей статьѣ обязательства слѣдуетъ назвать *obligatio ex donatione*.

Какъ это вытекаетъ изъ смысла предлагаемаго термина, обязательство въ разсматриваемыхъ случаяхъ возникаетъ въ моментъ и въ результатъ одариванія лица, которое, послѣ акта полученія дара, является, въ глазахъ суда, носителемъ обязательства. Здѣсь это лицо несетъ на себѣ извѣстное обязательство не потому, что оно добровольно связало себя нѣкоторымъ контрактомъ,—и не потому, что совершило тотъ или другой деликтъ: ему была предложена, въ видѣ дара, извѣстная вещь, по большей части, оно не имѣло права отказаться отъ принятія этой вещи,—и такое лицо несетъ на себѣ обязательство по отношенію къ дарителю,—*obligatio* въ истинномъ смыслѣ слова, потому что противъ него,—въ случаѣ неисполненія имъ лежащаго на немъ обязательства,—открывается для дарителя искъ.

Конечно, не слѣдуетъ забывать, что разсматриваемыя явленія совершаются въ той зонѣ, гдѣ „законъ“ и „обычай“ еще недо-

¹⁾ Настоящая статья является переработкой для журнала главы изъ труда автора „Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбриологии права“,—труда, который печатается нынѣ Вост.-Сиб. Отдѣломъ Импер. Русск. Географич. Общества.

статочнo обособились, — недостаточно дифференцировались. Въ одномъ частномъ случаѣ налицо—всѣ признаки юридическаго отношенія: организованно-защищеннаго; но въ другихъ случаяхъ передъ нами—только обычай, защиту котораго беретъ на себя одно лишь общественное мнѣніе. Съ другой стороны, мы видимъ здѣсь иногда, дѣйствительно, возникновеніе обязательства, отъ принятія котораго дарополучатель охотно отказался бы,—но временами послѣдній добывается полученія нѣкоторой вещи, пользуясь именно наличностью разсматриваемаго вида договоровъ въ данной правовой системѣ. Наконецъ, съ третьей стороны—въ то время какъ въ однихъ случаяхъ дѣло сводится, дѣйствительно, къ пользованію примитивною формою для реализаціи болѣе развитыхъ отношеній,—въ другихъ случаяхъ еще болѣе древнія отношенія проступаютъ наружу сквозь этотъ примитивный приемъ наложенія обязательствъ. Однимъ словомъ, здѣсь—та лабораторія, въ которой вырабатываются и новыя отношенія, и новыя формы для послѣднихъ,—въ которой, наряду съ этимъ, старыя отношенія перегораютъ, превращаясь въ продукты болѣе высокихъ соединеній людскихъ отношеній. „Древній законъ и современный обычай“—таково заглавіе труда одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ юристовъ-мыслителей, проф. М. М. Ковалевскаго. Смыслъ этого выраженія тотъ, что то, что было нѣкогда закономъ, съ теченіемъ времени получаетъ значеніе только обычая. Какъ мнѣ кажется, съ извѣстнымъ правомъ можно было бы употребить и выраженіе: „Древній обычай и современный законъ“,—въ томъ смыслѣ, что то, что не нуждалось когда-то въ организованной защитѣ, получаетъ съ теченіемъ времени въ глазахъ народа значеніе правовой нормы. Происходитъ это отъ двухъ причинъ: какъ отъ того, что требованіе, которое ранѣе имѣло лишь относительное значеніе въ жизни народа, постепенно пріобрѣтаетъ въ его глазахъ все большую реальную цѣнность, такъ и отъ того еще, что не только содержаніе, но и форма слѣдуетъ въ своемъ развитіи извѣстнымъ законамъ.

Какъ это можно считать довольно прочно установленнымъ, родовщичество—одно изъ первоначальныхъ явленій жизни человѣческихъ обществъ. Извѣстный русскій соціологъ И. М. Кули-

перъ посвятилъ этому явленію спеціальное изслѣдованіе („Ростовщики и ростовщичество“). Знаменитый англійскій юристъ-философъ сэръ Генри С. Мэнъ фактъ задолженности низшихъ слоевъ населенія высшимъ сдѣлалъ отправнымъ пунктомъ для многихъ важныхъ обобщеній въ области развитія политическихъ учреждений, въ частности—въ области развитія такого крупнаго историческаго явленія, какъ феодализмъ. Сюда же, безъ сомнѣнія, примыкаетъ и тотъ комплексъ первобытно-правовыхъ отношеній, который выше названъ *obligationes ex donatione*.

Въ самомъ дѣлѣ.

Мы наблюдаемъ, что обязательство платить „ростъ“ можно наложить на человѣка и помимо его желанія. Платить „ростъ“ не только тотъ, кто, нуждаясь въ чемъ-либо, прибѣгаетъ къ договору займа. Якутъ обязанъ возратить скотину съ удоемъ (х а с а с) и приплодомъ тому изъ своихъ соплеменниковъ, который вздумаетъ подарить ему эту скотину,—обязанъ онъ это сдѣлать, независимо отъ того, желалъ ли онъ получить въ даръ эту скотину или не желалъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ установленія *obligationum ex donatione* якутъ прибѣгаетъ къ отдачѣ чего-либо въ ростъ помимо желанія получающаго.

Но есть важныя особенности той сферы отношеній, которыя охватываютъ собою *obligationes ex donatione*.

Это, прежде всего,—то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ обмѣнъ подарками дѣлается въ цѣляхъ закрѣпленія дружескихъ отношеній, хотя и имѣетъ своимъ побочнымъ результатомъ обогащеніе одного контрагента на счетъ другого. Нужно при этомъ вспомнить, что развитіе обмѣна шло параллельно съ установленіемъ мирныхъ сношеній между враждовавшими другъ съ другомъ и даже истреблявшими другъ друга родами, чтобы опѣнить все глубокое значеніе *obligationum ex donatione* съ точки зрѣнія юриста-соціолога.

Затѣмъ, ошибочно было бы думать, что въ этой сферѣ отношеній всегда выигрывающею стороною является экономически болѣе сильный,—какъ это мы видимъ во всѣхъ другихъ видахъ ростовщичества. Можно сказать, что, наоборотъ, большею частью здѣсь бѣдный обогащается на счетъ своего болѣе обезпеченнаго соплеменника. Чѣмъ объяснить это?—У якутовъ до сихъ поръ еще сохранился взглядъ на экономически болѣе сильныхъ соплемен-

никовъ, какъ на естественныхъ защитниковъ и покровителей всего рода. Сообразно съ этимъ, ссуда и заемъ разсматривается якутами, какъ поддержка богатыми бѣдныхъ. На этомъ основаніи, если общественное мнѣніе якутовъ осуждаетъ раздачу ссудъ и займовъ за предѣлами родовой группы, то въ этомъ нельзя не видѣть отголоска того настроенія, которымъ создается „право предпочтительной покупки“ и „право родового выкупа“,—институтовъ, такъ хорошо знакомыхъ изслѣдователямъ древнѣйшихъ правовыхъ системъ. На томъ же основаніи мы не удивляемся, если намъ приходится констатировать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ властью родовыхъ старѣйшинъ облакаются якутами лица выдающагося матеріальнаго достатка. Не только судить и управлять долженъ то і о н: „хорошъ“, въ глазахъ якутовъ, тотъ человѣкъ, который, вмѣстѣ съ качествами хорошаго судьи и администратора, имѣетъ еще и матеріальную возможность—поддерживать своихъ „людей“ ссудами и займами. Но заемъ и ссуда—не единственныя формы матеріальной поддержки, которую можетъ оказать „хорошій“ человѣкъ „черному“ человѣку. Чтобы обезпечить себѣ такую поддержку, якуту достаточно принести своему соплеменнику нѣчто въ даръ,—коня, корову, тушу мяса съ четвертью водки, продуктъ своего спеціального промысла. Само-собою разумѣется, что этою формою поддержки пользуются не только лица, стоящія на полюсѣ матеріальной обезпеченности. Бываетъ, конечно, и такъ, что очень бѣдный якутъ ѣдетъ съ „подаркомъ“, „гостинцемъ“ и т. п. къ очень богатому своему сородичу. Но нерѣдки случаи, когда ѣдетъ „гостить“ и обладатель 50 штукъ скота, напримѣръ, къ владѣльцу 200 штукъ, и именно—съ цѣлью получить въ замѣнъ подносимаго несравненно большую цѣнность. Что дѣло здѣсь сводится именно къ родственной поддержкѣ впавшихъ въ матеріальную нужду или находящихся во временномъ матеріальномъ затрудненіи,—это видно изъ многихъ данныхъ. Одинъ изъ выдающихся родоначальниковъ далъ мнѣ свѣдѣніе, что онъ съ пріѣзжающими къ нему „гостить“ бѣдными родственниками входитъ въ сдѣлку: подарка не принимаетъ, а просто даритъ пріѣхавшему 3, 5, 10 рублей деньгами. Нѣкоторые другіе родоначальники сообщали мнѣ, что къ „гощенію прибѣгаютъ именно „для поправленія обстоятельствъ“.

Таково значеніе и таковъ смыслъ *obligationum ex donatione*,

какъ объ этомъ можно заключить изъ фактовъ обычно-правовой жизни якутовъ.

Приготовляя настоящую статью къ печати, я пересмотрѣлъ всѣ карточки своей якутской библиографіи,—гдѣ у меня собрано около 2.000 записей,—и не встрѣтилъ ни одного названія, по которому можно было бы заключить, что системѣ *obligationes ex donatione* былъ когда-либо посвященъ особый трактатъ. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что вниманіе случайныхъ наблюдателей останавливали на себѣ болѣе яркія съ внѣшней стороны явленія якутской жизни,—какъ вѣрованія, свадебные обряды, и т. п. И на самомъ дѣлѣ, большинство сообщеній касаются именно этихъ сторонъ жизни якутовъ. Между тѣмъ, среди спеціалистовъ, — которыхъ только и могли бы заинтересовать *obligationes ex donatione*,—до сихъ поръ не было, насколько мнѣ извѣстно, юриста-соціолога.

Но у отдѣльныхъ авторовъ о „подаркахъ“ упоминается. Такъ В. Л. Сѣрошевскій пишетъ („Якуты“, I. 577): „безъ вѣдома домашнихъ она“ (молодая женщина) „не смѣетъ принимать даже отъ пожилыхъ мужчинъ подарковъ и не смѣетъ имъ дарить что-либо. Характерно это ограниченіе подарковъ, которые вообще такъ любятъ и уважаютъ якуты“. Въ другихъ мѣстахъ своей книги этотъ авторъ говоритъ не мало (стр. 455, 544, 545, 551, 558) о „подаркахъ“ при свадебныхъ торжествахъ; но сообщенія его здѣсь не отличаются ни полнотою, ни научною точностью, а явленія, которыя можно считать установленными, не классифицированы на основѣ научныхъ принциповъ.—Въ своемъ трудѣ „Верхоянскіе якуты и ихъ экономическое положеніе“ (въ Извѣстіяхъ В.-Сиб. отд. И. Р. Г. О-ва“, т. XXV, № 4 и 5)—мой товарищъ по экспедиціи, С. Ф. Коваликъ, говоритъ объ обрядахъ при угощеніи гостей (стр. 33) и объ обычаяхъ „гощенія“ (стр. 45).—Изъ случайныхъ замѣтокъ укажу на „Письма съ дороги“ („Восточное Обозрѣніе“ 1892 г., ном. 50), гдѣ сблизается маньчжурское слово „бильтъ“ съ якутскимъ б е л е х).—Наконецъ въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“,—что составляетъ собою перепечатку проф. Самоквасовымъ рукописи 1820-хъ годовъ съ юридическими обычаями инородцевъ, записанными самими инородцами,—въ этомъ „Сборникѣ“, въ обычаяхъ якутовъ, имѣется

особый параграфъ о „подаркахъ“ (белех), и знакомство съ относящимися сюда обычаями убѣждаетъ, что сами якуты ясно понимаютъ обязательственный характеръ ихъ „подарковъ“¹⁾.— Не сомнѣваюсь, что много интереснаго матеріала по затрогиваемому мною вопросу собрано моими товарищами по Сибиряковской экспедиціи—А. И. Поповымъ („Нравы и національный характеръ якутовъ“), В. В. Никифоровымъ („Семейный бытъ якутовъ“) и др. Но пошелъ уже второй десятокъ лѣтъ со времени окончанія работъ этой экспедиціи,—а изъ этихъ трудовъ едва-ли сотая часть увидѣла свѣтъ; сколько же пройдетъ времени, прежде чѣмъ всѣ они сдѣлаются достояніемъ изслѣдователей первобытныхъ формъ человѣческаго общежитія?...

Такимъ образомъ, настоящая статья является, кажется, первую монографіею объ *obligationes ex donatione* у якутовъ.

Въ ихъ обычномъ правѣ я встрѣтилъ 5 видовъ *obligationum ex donatione*:

I. белехти (бäläxti),—поднесеніе подарка съ правомъ получить отдарокъ той же цѣнности.

II. соболонгъ (соболон),—отплата за посѣщеніе: якутъ своимъ посѣщеніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязываетъ того, къ кому онъ пріѣхалъ, отплатить ему за это посѣщеніе подаркомъ.

III. теркютъ (төркүт),—особо интересный видъ *obligationum ex donatione*: молодая ѣдетъ съ подарками къ своимъ родственникамъ и получаетъ право на отдарокъ въ большемъ размѣрѣ по сравненію съ привезеннымъ.

IV. кэсилэнэнъ (кәсіләһән),—поѣздка съ кэси (кәсі подношеніе) въ домъ къ знакомому или родственнику, на котораго желаютъ наложить обязательство—уплатить больше привезеннаго.

V. ыаллы (ыаллы),—такая же поѣздка, отличающаяся отъ предыдущей (кәсіләһән) большею солидностью мотивовъ.

¹⁾ Сверхъ перечисленныхъ авторовъ, о дареніи говоритъ еще кн. Н. А. Бостровъ: „Дареніе между якутами весьма часто. Но если якутъ дарить чѣмъ-нибудь якута, то при этомъ имѣть въ виду, что пріятель отдаритъ его непременно вещью большей цѣны, чѣмъ подаренная; словомъ онъ закидываетъ удочку въ карманъ своего пріятеля“ (Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр. VIII, стр. 285). *Прилпч. редакци.*

Постараюсь дать детальное описаніе каждаго изъ этихъ видовъ obligationum ex donatione въ системѣ обычно-правовыхъ воззрѣній якутовъ.

1. Белехъ (б̄ä l̄ä x).

Белехъ ближе другихъ видовъ якутскихъ подношеній подходить къ понятію о подаркѣ развитыхъ правовыхъ системъ. Предметомъ даренія служатъ скотъ, одежда, какія-нибудь рѣдкія или диковинныя вещи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдарка не ждутъ. Такъ, при торжествахъ, сопровождающихъ переѣздъ молодой въ домъ свекра (к̄ы с̄с̄ ӯ к̄ т̄ а р), обязательны белехи со стороны самой молодой той женщинѣ, которая стелетъ вечеромъ постель для молодыхъ,—затѣмъ, посаженной матери (ī j̄ ä б̄ у о л̄ ä ч̄ н̄ ы),—шаману и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, играющимъ роль на свадьбѣ,—и подарки эти никогда не вызываютъ отдарковъ.

Съ другой стороны, иногда случается, что получившій белехъ при особыхъ обстоятельствахъ и не думаетъ отдаривать. Тогда могутъ говорить, что получившій подарокъ скупъ,—что онъ воспользовался добротой дарителя—и т. д.; но даже общественное мнѣніе не можетъ побудить дароприимателя вознаграждать чѣмъ-нибудь дарителя, и во всякомъ случаѣ для послѣдняго противъ перваго нѣтъ иска.

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда белехъ отдаривается, то это производится всегда безъ $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ и даже—безъ соображенія со стоимостью подаренной вещи (Мегинскій улусъ, сообщеніе родоначальника В. Я. Слѣпцова). Получивъ, наприм., коня, можно отдарить и конемъ лучшаго качества,—но можно ограничиться поднесеніемъ дарителю и ведра водки, и на этомъ обмѣнъ подарками оканчивается.

Но есть случаи, когда белехъ непременно вызываетъ отдарокъ. Такъ, наприм., на торжествахъ, сопровождающихъ первое официальное посѣщеніе женихомъ (съ его поѣзжанами) дома его будущаго тестя (т̄ ӯ с̄ ä б̄ а р а р), белехи разлаются домашними, т. е. родителями неvěсты, поѣзжанамъ жениха (но это, кажется, необязательно для родителей неvěсты). Подарки эти подлежатъ отплатѣ и именно—при слѣдующемъ актѣ свадебнаго обряда,—при упомянутомъ выше переѣздѣ молодой въ домъ свекра.

Впрочемъ, относительно послѣдняго случая я долженъ замѣтить, что здѣсь трудно отличать белехъ отъ соболонга. Разборомъ смѣшенія белеха съ соболонгомъ я займусь въ слѣдующей рубрикѣ.

Но въ моемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія, рисующія белехти (ба́лахті—5-ое дѣепричастіе *) отъ ба́лахтá, — глагола, произведеннаго отъ существительнаго ба́лах, ѣздить, ба́лахті значить ѣздить съ цѣлью поднести белехъ), именно какъ одинъ изъ видовъ obligationum ex donatione. Выдающіеся родоначальники Дюпюнского улуса, П. А. Аванасьевъ и его отецъ, А. П. Аванасьевъ, дали мнѣ свѣдѣніе, что въ ихъ мѣстности бѣдные всегда взыскиваютъ отдарки за белехи, — и судъ въ искѣ рѣдко отказываетъ. Это въ особенности имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда белехъ данъ „по неотступной просьбѣ“ или даже белехъ былъ взятъ, несмотря на видимое нежеланіе дарителя — разстаться съ запрашиваемою вещью. Такой способъ пріобрѣтенія вещи называется „кердюннъ ыларъ“ (кѳрдю́н ылар). Если вещь была взята въ подарокъ при такихъ обстоятельствахъ, — а это имѣетъ мѣсто, когда запрашиваютъ, какъ белехъ, особенно понравившуюся вещь, наприм.: лошадь съ выдающимся ходомъ, замысловатой работы сѣдло и т. п., — то, въ случаѣ предьявленія иска въ судъ, послѣдній всеже не можетъ присудить вещи большей стоимости, чѣмъ стоимость той, которая получена, какъ белехъ; но общественное мнѣніе на сторонѣ такого порядка, при которомъ за „выпрошенную“ вещь возвращается другая, вдвое и даже втрое болѣе цѣнная. Итакъ ни 0/0%: ни приплода или хасаса (х а с а с), т. е. годового количества молочныхъ скоповъ отъ скотины, взыскивать по суду за белехъ нельзя.

Богатые ни въ какомъ случаѣ не стануť обращаться въ судъ со взысканіемъ за белехъ. Но гг. Аванасевы полагаютъ, — какъ я убѣжденъ, не безъ основанія, — что въ душѣ и богачъ очень желаетъ всегда получить отдарокъ за сдѣланный кому-либо белехъ.

Наконецъ, по словамъ тѣхъ же родоначальниковъ, отказы отъ пріятія белеховъ — нерѣдки, и происходятъ даже чаще, чѣмъ

*) См. С. В. Ястремскій: Грамматика якутскаго языка стр. 236.

отказы отъ кэси и ылы (см. ниже),—еще одно доказательство, что на поднесеніе белеха, во всякомъ случаѣ, якуты смотрятъ, какъ на актъ, налагающій извѣстныя обязательства юридическаго характера на получающаго белехъ.

II. *Соболонгъ (соболон).*

Этимъ именемъ называется и тотъ видъ белеха, который практикуется хозяиномъ дома по отношенію къ гостю, даже не принесшему съ собою никакого подарка. Слово „соболонгъ“ означаетъ: трудъ, произведенная работа, усталость. Говорятъ: „атахъ соболонго“ (атахъ соболонго)—вознагражденіе за усталость ногъ. По сообщенію св. о. Иннокентія Неуроева (Баягантайскій улусъ), соболонгъ дается въ видѣ благодарности за посѣщеніе. Родоначальникъ Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцовъ, выразился такъ: въ случаѣ поднесенія соболонга, даютъ, въ сущности, подарокъ по дружбѣ (а т т ы к к а б а л а х б і а r a l l a p). Иногда соболонгъ дается не за самое посѣщеніе, а за ту услугу, которую оказываетъ при посѣщеніи гость,—наприм., за сообщеніе важнаго извѣстія. Наконецъ, тѣмъ же словомъ „соболонгъ“ называется вознагражденіе, которое полагается нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ за посѣщеніе тяжущихся, исполненіе приговора и т. п.

Но для насъ имѣетъ въ данную минуту интересъ тотъ видъ соболонга, который наблюдается при свадебныхъ торжествахъ. Какъ упомянуто выше, такихъ торжествъ два: при первомъ официальном посѣщеніи жениха съ его поѣзжанами дома его будущаго тестя (т у с а б а r a p) и при переѣздѣ молодой въ домъ ея свекра (кыс суктар).

Въ первомъ случаѣ родители невесты одариваютъ поѣзжанъ, жениха и именно за то, что они „трудили свои ноги“, совершая съ женихомъ путь до дома невесты. Отплата этого соболонга производится получившими его при слѣдующемъ актѣ свадебнаго обряда,—при переѣздѣ молодой въ домъ свекра. Отплата должна быть вдвое больше того, что получено въ видѣ соболонга. Если бы кто нибудь изъ получившихъ при посѣщеніи дома невесты соболонгъ не явился на торжества при переѣздѣ невесты въ домъ свекра, то для родителей невесты во всякомъ случаѣ открытъ

противъ такихъ лицъ искъ,—какъ о томъ сообщила мнѣ интеллигентная якутка М. Н. Андросова-Іонова.

Во второмъ случаѣ,—при переѣздѣ молодой въ домъ свекра (кыс суктѣр), естественно, соболонгъ дается родителями мужа поѣзжанамъ молодой: „хозяева“ оплачиваютъ своихъ „гостей“ за то, что послѣдніе „трудили“ свои ноги, сопровождая молодую въ ея пути отъ дома родителей до мѣста новаго ея жительства. Такъ какъ на этомъ актѣ оканчивается процессъ заключенія брачнаго союза, то особый интересъ представляетъ вопросъ, какъ и когда производится оплата полученнаго во время совершенія этого акта соболонга. Оказывается, что такая оплата производится молодой получившими соболонгъ при посѣщеніи ихъ молодою теркюттю. Подробно объ этомъ дѣйствиіи я буду говорить въ слѣдующей рубрикѣ. Пока же скажу, что, по словамъ родоначальника Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцова, противъ лицъ, получившихъ соболонгъ, но не принимающихъ молодую теркюттю, агнаты молодой имѣютъ право иска *).

Давая „подарки“ на свадьбѣ,—какъ при первомъ официальномъ посѣщеніи женихомъ дома его будущаго тестя, такъ и при переѣздѣ молодой въ домъ свекра,—иногда спрашиваютъ, желаетъ ли получающій отплатить этотъ подарокъ, или не желаетъ, и въ первомъ случаѣ даютъ больше. Такъ говоритъ св. о. Инокентій Неустроевъ. Напримѣръ, по его словамъ, на одной и той же свадьбѣ соболонгъ безъ отдачи—двѣ лисицы, а съ отдачею—конь, за котораго нужно возратить впослѣдствіи 10 штукъ скота. Пожилая жена выдающагося родоначальника Баягантайскаго улуса, Васса Слѣпцова подтверждаетъ сообщеніе отъ Неустроева,—въ такой формѣ: вмѣсто соболонга можно давать белехъ, т. е. гораздо меньшаго размѣра подарокъ, нежели соболонгъ, предупреждая, что къ дарополучателю молодая теркюттю уже не поѣдетъ. Родоначальники Дюпсюнскаго улуса, П. А. и А. П. Аванасевы, сынъ и отецъ, вносятъ въ эти сообщенія поправку.

*) На это уже имѣются указанія у одного изъ болѣе раннихъ авторовъ, писавшихъ о якутахъ, Лавганса: „Спустя нѣсколько времени, иногда года три, молодая отправляется къ своему отцу и сродникамъ, на свадьбѣ бывшимъ для полученія отъ нихъ взаимныхъ подарковъ, которые если не будутъ отдавать ея вещами одинакой цѣны, то мужъ въ правѣ на нихъ просить“ (Лавгансъ, Якуты. *Сибир. Вѣсти.* 1824 г. III стр. 147). *Примлч. ред.*

Они говорятъ, что подобнаго характера вопросовъ не ставятъ тѣмъ, кто отдаривается на свадьбѣ, и подобнаго рода заявленій имъ не дѣлають, но размѣръ предлагаемаго подарка самъ по себѣ указываетъ, что въ одномъ случаѣ ждуть подарка, а въ другомъ—его не ждуть *). Приэтомъ, по показанію тѣхъ же лицъ, давая гостю небольшой подарокъ, предупреждаютъ берущаго, чтобы онъ не обижался,—что этотъ подарокъ—безъ отдарка. Далѣе,—по словамъ родоначальника Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцова,—на свадьбѣ можно предупреждать не о томъ, что за подарокъ будетъ взыскиваться отдарокъ, т.-е.—что подносимое соболонгъ, а не белехъ, а—какъ разъ наоборотъ: предупрежденіе имѣеть мѣсто въ томъ случаѣ, когда даритель не намѣренъ впоследствии взыскивать отдарокъ. Этимъ,—по В. Я. Слѣпцову,—и опредѣляется, слѣдуетъ ли назвать подарокъ белехомъ или соболонгомъ: первый—безъ обязательнаго отдарка, второй—не иначе какъ съ отдаркомъ. Очень характерно разъяснялъ мнѣ различіе между белехомъ и соболонгомъ родоначальникъ Балгантайскаго улуса, С. В. Слѣпцовъ. Разница здѣсь заключается въ томъ, что белехъ ничѣмъ не вызванъ со стороны дароприимателя и потому ни къ чему его не обязываетъ,—соболонгъ же является оплатою за обязательство, уже наложенное на дародателя тѣмъ фактомъ, что дароприиматель „трудилъ“ свои ноги, и, въ свою очередь, налагаетъ на дароприимателя обязательство—оплатить за полученный въ видѣ соболонга подарокъ.

Въ подгородномъ Восточно-Кангаласскомъ улусѣ соболонгъ даютъ деньгами, и эти деньги возвращаются получившими дарителю съ $\frac{1}{100}$ —обыкновенно 20%. На свадьбѣ И. Г. Соловьева отцомъ его, Герасимомъ (въ то время—вторымъ, послѣ Лепчикова, богачомъ Якутскаго округа), были розданы деньги въ

*) Смутное указаніе на такое различіе есть у Р. Маака (Вилуйскій округъ, III, стр. 96): „Спустя мѣсяць или нѣсколько и ранѣе, молодые ѣдутъ къ отцу жены и другимъ ея родственникамъ, бывшимъ у нихъ на свадьбѣ и получившимъ подарки. Отцу они везутъ по стегну кобыляго мяса, болѣе богатые по осмынѣмъ ведра водки и за это получаютъ штукъ десять скота. Прочіе родственники, получившіе по лошади, также даютъ молодымъ по десяти штукъ скота, получившіе отъ одного до пяти рублей даютъ по одной штукѣ скота, а къ тѣмъ родственникамъ, которые получили не болѣе одного рубля или какой нибудь соответственный подарокъ, молодые не ѣздить“. Маакъ называетъ эти поѣздки „тѣряють“. *Прилѣч. ред.*

видѣ соболонга—по 100, по 50, по 10 рублей, и Герасимъ самъ посылалъ послѣ сказать получившимъ этотъ соболонгъ, что черезъ годъ будетъ принимать подаренныя деньги съ 20%⁰/₀. Такъ передавалъ мнѣ отъ Инн. Неустроевъ.

Но и въ тѣхъ мѣстностяхъ Якутскаго округа, гдѣ натуральное хозяйство сохранилось, соболонгъ въ настоящее время большею частью состоитъ изъ денегъ и очень рѣдко—изъ пушнины. Отплата производится также въ громадномъ большинствѣ случаевъ деньгами.

Слѣдуетъ замѣтить, что соболонгъ дается именно поѣзжанамъ, т.-е. лицамъ, которыя приглашены,—по-якутски: „позваны“ (ынырылаах). При пріѣздѣ въ домъ родителей невесты родители жениха сообщаютъ хозяевамъ дома, кто изъ пріѣхавшихъ съ ними ихъ ынгырылахи,—точно также какъ при пріѣздѣ поѣзда молодой въ домъ ея свекра ея родители сообщаютъ родителямъ мужа, кто изъ пріѣхавшихъ съ ними ихъ ынгырылахи. Это—предосторожность, необходимая въ виду того, что въ поѣздѣ обыкновенно участвуетъ и масса постороннихъ лицъ, которыхъ хозяева могутъ угощать и одаривать, какъ обыкновенныхъ гостей. По большей части даже въ условія брачнаго договора входитъ, сколько именно лицъ и кто именно будетъ угощаться и одариваться на свадебныхъ пиршествахъ со стороны жениха—въ домѣ его будущаго тестя и въ домѣ мужа—со стороны молодой. Но здѣсь мы вступаемъ въ область брачнаго права,—т.-е. выходимъ за предѣлы предмета изслѣдованія настоящей статьи.

Какъ видно изъ изложеннаго, соболонгъ налагается, какъ обязательство, на лицо, принявшее не даръ, а посѣщеніе. Здѣсь то обстоятельство, что я, хотя и съ пустыми руками, являюсь въ домъ знакомаго съ цѣлью оказать ему честь своимъ посѣщеніемъ или съ другой цѣлью,—направленною къ пользѣ и выгодѣ посѣщаемога,—уже само по себѣ налагаетъ на хозяина обязательство—отплатить мнѣ за „трудъ“ моихъ ногъ. Этимъ соболонгъ рѣзко отличается отъ другихъ видовъ якутскихъ *obligationum ex donatione*.

Такое значеніе соболонга находитъ себѣ подтвержденіе въ категорическомъ утвержденіи М. Н. Андросовой-Ионовой, что при первомъ посѣщеніи женихомъ дома родителей его невесты съ его стороны, какъ и со стороны его поѣзжанъ и родителей, никому

никакихъ подарковъ не полагается: эти всѣ лица сами прѣхали, сами „трудили“ свои ноги,—имъ некому давать соболонгъ, и некого отплачивать за трудъ ногъ, наоборотъ, они сами въ правѣ получить таковую оплату.

III. Теркютъ (*т ѳ р к ѳ т* или *т ѳ к к ѳ т*).

Это есть частный случай поѣздки маллы, о которой будетъ рѣчь въ слѣдующей рубрикѣ; съ другой стороны, вмѣсто: „поѣхала теккютю“ (*т ѳ к к ѳ т т ѳ*—5-ое дѣепричастіе отъ глагола *т ѳ к к ѳ т т ѳ*¹⁾), который въ свою очередь происходитъ отъ существительнаго *т ѳ к к ѳ т* и означаетъ: ѣздить съ теккютомъ)—можно сказать: „поѣхала съ кэси“ (см. слѣдующую рубрику). Это,—какъ то мы видѣли и при анализѣ понятій о соболонгѣ и о белехѣ,—лишній разъ подтверждаетъ, что существо обычаевъ едва уловимыми переходами превращается въ умѣ первобытнаго чело-вѣка изъ одного въ другое, и не мало трудностей представляетъ—точно формулировать содержаніе обычая, который съ научнымъ основаніемъ можно назвать юридическимъ.

Теркютъ состоитъ въ томъ, что молодая является съ подаркомъ (всегда—сѣстное) къ своимъ старшимъ кровнымъ родственникамъ или извѣстнымъ лицамъ вообще рода, изъ котораго она вышла, и получаетъ взаменъ раза въ 2 или 3 больше привезеннаго,—обыкновенно, скотомъ.

Молодая,—по сообщенію родоначальника Баягантайскаго улуса С. В. Слѣпцова,—ѣдетъ съ теркютомъ къ тѣмъ изъ своихъ кровныхъ родственниковъ, которые были одарены соболонгомъ при переѣздѣ ея въ домъ мужа (см. предыдущую рубрику). Какъ мы уже знаемъ, соболонгъ раздается родителями мужа, и притомъ—не только родственникамъ женщины, прѣхавшими съ нею, но и постороннимъ лицамъ, хотя во всякомъ случаѣ—ынгырылахамъ, т.-е. приглашеннымъ къ тому со стороны родителей молодой. Къ тѣмъ же изъ лицъ, которыя получили не соболонгъ, а белехъ, женщина, естественно, ѣхать съ теркютомъ не можетъ.

Мнѣ не разъ приходилось слышать, что молодая ѣдетъ съ теркютомъ лишь по рожденіи у нея первенца. Но родоначальникъ

¹⁾ См. С. В. Ястремскій: Грамматика якутскаго яз., стр. 236.

С. В. Слѣпцовъ (Баягантайскій улусъ) мнѣ далъ свѣдѣніе, что ѣхать съ теркютомъ женщина можетъ во всякое время, и лишь къ своимъ родителямъ—только по рожденіи у нея ребенка. Гг. Афанасьевы (Дюпсюнскій улусъ) и В. Я. Слѣпцовъ (Мегинскій улусъ) не знаютъ и этого ограниченія. Мой товарищъ по Сибиряковскоѣ экспедиціи, Э. К. Пекарскій, находитъ возможнымъ употребить здѣсь такое выраженіе: молодая ѣдетъ съ теркютомъ, обжившись въ новой обстановкѣ.

Слѣшу замѣтить, что, по сообщенію родоначальника Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцова, въ этомъ улусѣ обычай ѣздить съ теркютомъ выводится.

Хотя, какъ общее правило, съ теркютомъ можно ѣхать лишь къ тому, кто при переѣздѣ молодой въ домъ свекра получилъ соболонгъ, но это требованіе якутскаго обычнаго права не имѣетъ характера чего-либо абсолютнаго. Дѣло въ томъ, что по существу своему поѣздка съ теркютомъ—прикрашенное требованіями обычая напоминаніе о желательности помощи молодой семьѣ со стороны членовъ рода, изъ котораго вышла женщина. Якутка съ выходомъ замужъ утрачиваетъ почти всякую связь (матеріальную) со своимъ родомъ. И вотъ, поѣздка съ теркютомъ—последній актъ, въ которомъ еще проявляется эта связь. Отсюда—два слѣдствія. Съ одной стороны, ѣздить съ теркютомъ можно и не одинъ, а два и даже три раза. Объ этомъ сохранилась у меня запись, сдѣланная еще до начала экспедиціонныхъ работъ,—къ сожалѣнію, безъ ссылки на источникъ. И допустимо это,—согласно той же записи,—именно тогда, когда женщина бѣдна, а родственникъ, къ которому она ѣздитъ—богатъ. Но съ другой стороны, по сообщенію гг. Афанасьевыхъ (Дюпсюнскій улусъ), не рѣдки случаи, когда молодая ѣдетъ съ теркютомъ и къ родственнику, не получившему соболонга при ея переѣздѣ въ домъ свекра, лишь бы, опять таки, женщина была бѣдна, а родственникъ, къ которому она ѣдетъ,—богатъ. Ясно, что спеціальное значеніе поѣздки молодой съ подаркомъ—полученіе помощи по случаю ея перехода въ составъ другого рода, и что общіе признаки *obligationum ex donatione* якутскаго обычнаго права претерпѣваютъ здѣсь соответствующія измѣненія.

Есть еще одна сторона въ обычай поѣздки съ теркютомъ, заслуживающая особаго вниманія съ точки зрѣнія юриста-соціо-

лога. По словамъ гг. Афанасьевыхъ, если молодая не ѣздила съ теркютомъ къ отдѣленному брату, то по смерти отца можетъ къ нему поѣхать, какъ къ получившему отъ покойнаго наслѣдство (замужняя дочь—не наслѣдница). Очевидно, гг. Афанасьевы имѣютъ въ виду случай поѣздки къ брату, не получившему въ свое время соболонга, такъ какъ къ получившему таковой женщина ѣздила и до смерти отца. Но по по словамъ тѣхъ же лицъ женщина не можетъ поѣхать съ теркютомъ къ своему младшему брату, который былъ не отдѣленъ въ моментъ ея переѣзда въ домъ свекра,—не можетъ ѣхать послѣ его отдѣленія отъ отца или послѣ вступленія его въ права наслѣдства по смерти отца. Конечно, здѣсь сказывается убѣжденіе якутовъ въ томъ, что имущество принадлежитъ семьѣ, а не лицу, стоящему во главѣ ея. На этомъ основаніи мы можемъ сдѣлать заключеніе, что поѣздка съ теркютомъ—покушеніе на с е м е й н о е имущество,—что при посредствѣ теркюта женщина выбираетъ послѣднее, что можетъ, изъ семейнаго имущества.

Но и это положеніе не имѣетъ характера чего-либо абсолютнаго. Въ до-экспедиціонной записи,—о которой я говорилъ нѣсколькими строками выше,—у меня значится, именно, что послѣ отдѣленія младшаго брата или полученія имъ наслѣдства послѣ умершаго отца молодая ѣдетъ къ нему съ теркютомъ, при чемъ у меня прибавлено: „какъ-бы потому, что, уйдя изъ дому, она лишилась возможности воспользоваться имуществомъ отца“. Здѣсь же у меня былъ приведенъ такой расчетъ.—Положимъ, что въ моментъ ухода молодой въ замужество имущество семьи опредѣлялось суммою въ 1.000 руб. Явившись въ свое время къ отцу съ теркютомъ, молодая получила то, что ей полагалось получить съ э т о г о именно имущества. Но ко времени, когда имущество перешло въ руки младшаго брата, оно возросло, скажемъ, до 2.000 руб.,—значитъ, молодая, пользуясь случаемъ перехода имущества въ другія руки, предъявляетъ, какъ-бы, права на ростъ семейнаго имущества, происходящій отъ естественныхъ причинъ.

Кажущееся противорѣчіе этимъ устраняется. Сущность права молодой на долю семейнаго имущества послѣ ухода ея въ чужой родъ и послѣ окончательнаго, повидимому, расчета между родами за женщину остается признаннымъ и въ одномъ и въ другомъ случаѣ,—различіе лишь въ томъ, что считаютъ семейнымъ имуществомъ.

IV. *Кэсилэнэнъ* (*ка сѣланан*).

Кэси—название того, что приносится въ даръ. Кэси можетъ быть предложено однимъ якутомъ другому при всякихъ обстоятельствахъ, во всякомъ мѣстѣ и притомъ—какъ высшимъ низшему, такъ и низшимъ—высшему. Ъздить же кэсилэнэнъ (дѣепричастіе отъ глагола кэсилэ, произведеннаго отъ кэси), вообще говоря, значить поѣхать къ кому-нибудь со спеціальною цѣлью поднесенія кэси, и притомъ это допустимо только для низшихъ по отношенію къ высшимъ—бѣдные ѡздаютъ къ богатымъ, люди простого происхожденія—къ знатымъ,—и т. д.

Ниже я буду говорить почти исключительно о поѣздкахъ съ кэси.

По записанному мною давнему сообщенію моего товарища по Сибиряковской экспедиціи, В. М. Іонова, кэси—всегда съѣстное. Это подтвердилъ мнѣ при экспедиціонныхъ занятіяхъ и родоначальникъ Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцовъ. Но, по сообщенію другого родоначальника (Баягантайскаго улуса), С. В. Слѣпцова, кэси можетъ быть и не съѣстное. Родоначальники Дюпсюнскаго улуса, гг. Афанасьевы, примиряютъ это разногласіе такъ: вообще говоря, кэси—съѣстное, но можно вмѣсто съѣстного дать даже деньги, непременно при этомъ оговорившись, что съѣстного въ данный моментъ у дающаго нѣтъ (*ас оннугар харчы биарабин*—вмѣсто пищи даю деньги).

Кэси, по сообщенію С. В. Слѣпцова (Баягантайскій улусъ), вызываетъ отдарокъ, и на этомъ возникшія вслѣдствіе кэсилэнэнъ отношенія прекращаются. Это подтверждается свѣдѣніями изъ Мегинскаго улуса (В. Я. Слѣпцовъ) и Дюпсюнскаго (гг. Афанасьевы). Отдарокъ всегда бываетъ больше подарка и можетъ быть требуемъ по суду. Но тотъ, кому подносятъ кэси, можетъ, по сообщенію гг. Афанасьевыхъ, и не принять такового. А. П. Афанасьевъ говоритъ, что онъ всегда отказывается отъ кэси бѣдныхъ родственниковъ и даетъ имъ по 2, 3 или 5 рублей, не принимая кэси. Но отъ кэси, подносимаго богатыми родственниками, отказываться неловко,—какъ выразились гг. Афанасьевы. Слѣдуетъ, однако, помнить, что это—просто кэси, такъ какъ кэсилэнэнъ богатые къ бѣднымъ не ѡздаютъ.... По дальнѣйшему сообщенію гг. Афанасьевыхъ, кэси при кэсилэнэнъ дается всегда

хозяину пріѣхавшимъ къ нему въ гости лицомъ тотчасъ по пріѣздѣ. Отплата должна быть произведена въ тотъ же вечеръ или, самое большее, на утро, и если у хозяина нѣтъ подходящей для этого вещи, то онъ, опять таки—не позже утра слѣдующаго дня, долженъ сказать, что въ данную минуту отплатить за кэси ему нечѣмъ, но что онъ сдѣлаетъ это впослѣдствіи.

Сюда я долженъ внести поправку со словъ интеллигентной якутки М. Н. Андросовой-Ионовой. По ея словамъ, мясо, которое получается родителями невѣсты отъ родителей жениха при первомъ официальномъ посѣщеніи женихомъ дома его будущаго тестя *),—мясо это носить спеціальное названіе *курум*,—иногда тутъ же раздается, и именно—какъ кэси, ими ихъ родственникамъ, чѣмъ послѣдніе обязываются помочь родителямъ невѣсты при снаряженіи ея въ домъ ея свекра. Актъ этотъ носить названіе: „скармливаніе курума“ (*курум сіатар*) и считается „угощеніемъ съ почетомъ“ (*кундулур*).

Изъ вышеприведеннаго сообщенія гг. Афанасьевыхъ видно, что кэсилэнэнъ можно ѣздить и къ родственникамъ. Говоря, что этотъ видъ, *obligationum ex donatione* имѣетъ своимъ назначеніемъ поправленіе обстоятельствъ: бѣдный ѣдетъ къ богатому,—С. В. Слѣпцовъ (Баягантайскій улусъ) прибавляетъ, что въ частности, это является для бѣднаго средствомъ поправить свои дѣла насчетъ богатаго родственника. Но родоначальникъ Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцовъ находитъ, что, въ сущности, такое дѣйствіе со стороны родственника слѣдуетъ назвать *наллы* (см. слѣдующую рубрику; также—и взглядъ гг. Афанасьевыхъ), а не кэсили. Вообще, В. Я. Слѣпцовъ находитъ, что кэсилэнэнъ поступаетъ „при случаѣ“,—что это дѣйствіе является всегда, какъ побочное при наличности другого, болѣе важнаго дѣйствія или отношенія. Такъ, купившій сѣно приносить кэси продавцу и получаетъ что нибудь взаменъ,—по большей части, еще немного

*) Это указаніе опровергаетъ сдѣланное выше, со словъ той же М. Н. Андросовой-Ионовой, заявленіе, что при первомъ посѣщеніи женихомъ дома невѣсты ни съ его стороны, ни со стороны его повъзанъ и родителей никому никакихъ подарковъ не полагается. Въ литературѣ о брачномъ правѣ якутовъ указаній на подарки, привозимые женихомъ и его свитой, при первомъ посѣщеніи невѣсты, очень много. *Примлч. ред.*

сѣна; или въ видѣ кэси приносятъ, какъ рѣдкость, продукты своего особаго промысла,—наприм., рыбу, дичь, и т. п.

По поводу наличности въ моихъ записяхъ такого показанія я долженъ замѣтить, что по всей вѣроятности, мнѣ не удалось поставить В. Я. Слѣпцову достаточно ясно вопросъ. Кэси, какъ нѣчто побочное и случайное, играетъ именно ту роль, которую приписываетъ ему этотъ родоначальникъ. Бываютъ даже спеціальныя кэси этого рода. Такъ, при калымной дачѣ имѣется такъ называемый торгю-кэсите,—спеціальный подарокъ родителямъ невесты со стороны жениха. Называется онъ такъ отъ слова „торгю“—торока: предполагается, что женихъ, какъ не самостоятельный еще хозяинъ, можетъ привезти только такой подарокъ, который легко увязывается къ сѣдлу въ торока. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ кэси не всегда даже требуетъ оплаты. Есть, однако, кэси, которое, даже при незначительныхъ размѣрахъ приношенія, играетъ совершенно самостоятельную роль,—и тогда къ нему примѣнимо все то, что выше говорено о поѣздкахъ кэсилэнэнъ.

Звать кого-нибудь къ себѣ съ кэси—нельзя, въ противоположность тому, что сказать: „пріѣзжай ко мнѣ ыаллы“—можно.

У. ыаллы (ыаллы).

Интересно, прежде всего, отмѣтить взглядъ гг. Афанасьевыхъ (Дюпюнкскій улусъ), по которому различіе между кэсилэнэнъ и ыаллы зависитъ отчасти отъ размѣровъ приношенія: при ыаллы оно должно быть чѣмъ-нибудь значительнымъ. А. П. Афанасьевъ тутъ же при мнѣ воспроизвелъ возможный разговоръ свой со своимъ работникомъ о пріѣхавшихъ къ сосѣду съ приношеніемъ, при чемъ изобразилъ, какъ онъ поправилъ бы работника, если бы тотъ сказалъ, что пріѣхали кэсилэнэнъ, привезя тушу мяса, полпуда масла и четверть ведра водки: онъ сказалъ бы работнику, что тотъ ошибся,—что пріѣхали ыаллы, а не кэсилэнэнъ. Вспомнимъ еще, что приглашать кого-нибудь къ себѣ съ кэси—нельзя, но приглашать пріѣхать ыаллы—можно. Слово „ыаллы“ происходитъ отъ „ыаль“—сосѣдъ, глаголь „ыалла“ значить „пріѣхать къ сосѣду, какъ сосѣдъ“. Естественно можно приглашать человѣка „быть знакомымъ домами“, какъ говорятъ въ культур-

номъ обществѣ, но нельзя просить, чтобы человекъ поднесъ угощеніе.

И дѣйствительно, по опредѣленію родоначальника Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцова, ыаллы практикуется для укрѣпленія связей вообще. Родоначальники Дюпсюнскаго улуса, гг. Афанасьевы, добавляютъ къ этому, что нерѣдко ыаллы являются напоминаніемъ объ оказанной нѣкогда услугѣ, а родоначальникъ Баягантайскаго улуса, С. В. Слѣпцовъ,—что вновь выбранные старосты и головы ѣздятъ къ зажиточнымъ якутамъ ыаллы для возмѣщенія расходовъ, которые будутъ ими произведены при несеніи ими ихъ обязанностей. Въ этомъ случаѣ пріѣхавшій ыаллы получаетъ значительно больше привезеннаго, но дѣло этимъ и кончается, т. е. контрагенты не уравниваютъ своихъ дачъ, такъ что сдѣлка эта—собственно кэси, а не ыаллы, а словомъ ыаллы называется, можетъ быть, потому, что въ противномъ случаѣ это было бы обиднымъ выраженіемъ для лицъ, занимающихъ общественную должность.

Свѣдѣніе о поѣздкахъ ыаллы вновь выбранныхъ въ должности родоначальниковъ относится къ одному изъ отдаленныхъ улусовъ Якутскаго округа—Баягантайскому. Въ подгородномъ Мегинскомъ улусѣ ыаллы родоначальниковъ теперъ почти совсѣмъ вывелись (родоначальникъ этого улуса, В. Я. Слѣпцовъ).

Отъ приношенія ыаллы можно отказаться, сказавъ: „не желаю, чтобы ты пріѣзжалъ ко мнѣ ыаллы“. Но разъ отношенія начаты, то въ случаѣ отказа продолжать ихъ для стороны, которая считаетъ, что подаренное ею въ разное время больше полученнаго, открытъ искъ.

Ыаллы приносятъ обыкновенно (всегда?) съѣстное, отдаркомъ служить скоть; бѣдныхъ отдариваютъ коровами, богатыхъ—быками и конями. По сообщенію родоначальника Мегинскаго улуса, В. Я. Слѣпцова, ыаллы, какъ и кэсилэнэнъ, можетъ окончиться отдаркомъ, если послѣдній по своей стоимости покрываетъ стоимость подареннаго съ $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$, а если это—скоть, то съ приплюсомъ и удоемъ. Гг. Афанасьевы выражаются даже менѣе опредѣленно. Они говорятъ, что для того, чтобы сдѣлка закончилась послѣ перваго же обмѣна подарками,—для этого достаточно, чтобы отдарокъ былъ немного больше подарка. Но если отдарокъ значительно больше подарка, то слѣдуетъ новый подарокъ

со стороны пріѣзжавшаго въ первый разъ — и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока дачи обѣихъ сторонъ не уравниются,—конечно, съ начисленіемъ каждый разъ $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$. Въ подобномъ именно случаѣ, т. е. при повторныхъ обмѣнахъ подарками, отношеніе принимаетъ истинный характеръ ыаллы,—какъ полагають родоначальники Дюпсюнскаго улуса, П. А. и А. П. Афанасьевы. Это—общеизвѣстный фактъ якутскаго обычнаго права; А. П. Афанасьевъ добавляетъ лишь, что ыаллы въ настоящее время чаще оканчивается, какъ и кэсилэнэнь, послѣ перваго же обмѣна подарками.

Законченное мною детальное описаніе всѣхъ видовъ якутскихъ *obligatum ex donatione*, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени оправдываетъ тѣ замѣчанія о роли этого вида обязательствъ въ первобытныхъ системахъ права, которыя я сдѣлалъ во вступленіи. Поэтому, я надѣюсь, читатель и безъ специальныхъ комментарий разберется въ матеріалѣ, который мною ему предложень въ настоящей статьѣ.

Н. Виташевскій.

Женева,
мартъ 1909 г.

Малороссійскія обрядовыя печенья Курской губерніи.

Въ упоминаемыхъ въ этой статьѣ малороссійскихъ слободахъ Курской губерніи обрядовое печенье въ томъ видѣ, какъ оно здѣсь приводится, уже исчезло: одни печенья исчезли болѣе 35 лѣтъ тому назадъ, другіе лѣтъ 25, и лишь немногія мелочи еще доживаютъ свой вѣкъ.

Автору настоящей статьи удалось возстановить модели этихъ печеній благодаря счастливымъ условіямъ пребыванія въ малороссійскихъ слободахъ Курской губ. среди стародавнихъ бабушекъ которыя, по памяти, возстановили эти модели ¹⁾, присоединивъ къ нимъ и свои объясненія. Послѣднія всѣ вошли въ описаніе, здѣсь приводимое.

Не вдаваясь въ изслѣдованіе какъ деталей обрядоваго печенья, такъ равно и связанныхъ съ ними обрядовъ, постараемся точнѣе передать эти рѣдкіе почти исчезнувшіе пережитки стариннаго народнаго быта.

I.

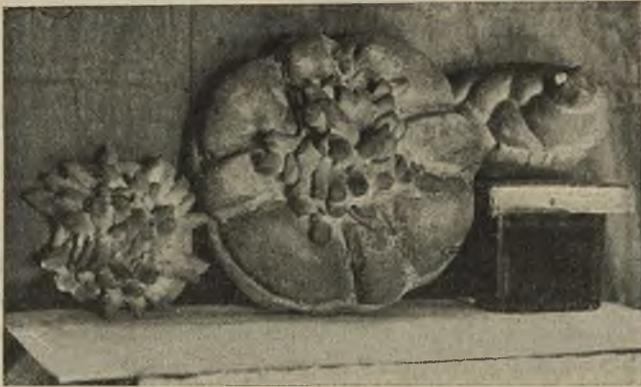
*Обрядовыя печенія малороссійской слободы Грайворонки (Новостроевки).
Грайворонскаго уѣзда, Курской губ. (35 лѣтъ тому назадъ).*

„Маленька свадебна шишка“ (№ 1) приготовлялась изъ необрушенной пшеницы ²⁾, и тѣсто для нея дѣлалось сдобное. Тѣсто раскатывалось въ длинную, но не особенно широкую полоску вершка въ 1½—2 шир. и разрѣзывалось наискось съ

¹⁾ Нынѣ находящіяся въ коллекціяхъ Дашковскаго Этнографическаго музея въ Москвѣ.

²⁾ Вообще всѣ малороссійскія печенія приготовлялись изъ необрушенной пшеницы.

одной стороны узенькими полосками и потомъ заворачивалось спирально въ видѣ розетки.



№ 1 (влѣво)—маленька свадебна шишка. № 2 (въ срединѣ)—паска.
№ 3 (вправо)—жайворонокъ (свадебн. калачъ).

Эти шишки пекли въ домѣ невѣсты, и въ домѣ жениха по количеству дружекъ, бояръ и знакомыхъ, пировавшихъ на свадьбѣ.

Маленьки шишки“ носила въ сумкѣ за невѣстою ея младшая сестра или младшій братъ, наканунѣ свадьбы, во время ея путешествія по подругамъ (дружкамъ).

Входя въ домъ къ подругѣ, невѣста вѣшала у входной двери свой „рушникъ“, который до того носила она перекинутымъ чрезъ руки, и взявъ отъ сестры или брата шишку, она обращалась къ родителямъ дружки, низко кланялась имъ и говорила:

„Прохавъ батько, прохала маты, просю и я, отпустить мени дружечку, а це-Вамъ „шашочка“.

Шишку эту невѣста откладывала на столъ, за что родители дружки благодарили ее, а потомъ шла къ входной двери, брала свой „рушникъ“ и, не дожидаясь дружки, быстро уходила. „Маленьки шишки“ раздавались дружкамъ во время пиршества, которое устраивала для нихъ невѣста у старшей дружки, наканунѣ своей свадьбы.

А боярамъ и знакомымъ шишки раздавались въ день свадьбы. Въ то время, когда невѣста ходила и собирала своихъ дружекъ, женихъ ѣздилъ на 2-хъ, на 3-хъ тройкахъ по боярамъ въ сопро-

вожденіи брата или кого-ниб. изъ родственниковъ, которые также носили за нимъ шишки. Входя въ домъ родителей бояръ, женихъ произносилъ тѣ-же слова, что и невѣста, съ той только разницей, что просилъ отпустить себѣ боярина.

* * *

„Больша свадебна шишка“ (№ 4) представляла большую сдобную булку различной величины, но приблизительно, въ $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ.

Форму большая шишка имѣла круглую. Наверху этой шишки посрединѣ, помѣщалась маленькая шишечка, а внизу—обручъ прикрѣпленный къ шишкѣ воткнутыми въ нее тоненькими палочками, чтобы лучше держался.



№ 4 Большая свадебна шишка.

Между шишечкой и обручемъ, кругомъ всей шишки сажались различныя украшенія изъ тѣста въ видѣ: птичекъ (жаворонковъ), колечекъ, крендельковъ различной формы и въ видѣ цифры 8, нарѣзанныхъ „орішкивъ“—и все непременно попарно.

Все это тоже прикрѣплялось палочками.

Потомъ, въ шишку посрединѣ маленькой шишки вставлялась „гилочка“—вишневая вѣточка, которая имѣла непременно четное число развѣтвленій—чтобы все было попарно.

„Гилочка“ эта обматывалась узкой полоской изъ тѣста, разрѣзаннаго съ одной стороны косыми узкими полосками, такъ-что послѣ печенія получалась какъ бы вѣтка съ листочками.

На каждомъ изъ развѣтвленій „гилочки“ сажались маленькія птички изъ тѣста (жаворонки).

Когда шишка съ „гилочкой“ была уже испечена, то „гилочку“ украшали узенькой красной лентой (шелкъ съ бумагой), называвшейся „лопотушкой“. Украшеніемъ большой шишки у невѣсты занимались ея дружки, наканунѣ свадьбы.

Большая шишка приготавливалась у родителей невѣсты и у родителей жениха, у каждаго отдѣльно.

Когда женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ, то вмѣстѣ съ нимъ везли и его большую шишку, что, обыкновенно, поручалось его младшей сестрѣ, называвшейся „свѣтылкой“.

Она же везла еще и „мечъ“—родъ букета изъ „крокусовъ“ (желтыхъ безсмертниковъ), „василькивъ“ и изъ „тройчатки“ (три свѣчи).

Шишка жениха оставалась у родителей невѣсты, а шишку невѣсты женихъ везъ съ собою, когда ѣхалъ вмѣстѣ съ невѣстою къ своимъ родителямъ.

Шишку невѣсты, въ день свадьбы, дѣлили у жениха между собою его бояре, а шишку жениха—у невѣсты ея дружки.

* * *

„Хресты“ (№ 14) приготавливались въ среду на 4-ой недѣлѣ Велик. Поста.

Величина ихъ была вершка въ 2 въ одну сторону и столько же—въ другую.

Дѣляли ихъ по числу членовъ семьи и, кромѣ того, еще одинъ лишній, который откладывали на божничку. „Хресты“ ѣли въ чет-

вергъ утромъ. Запасной „хрестъ“ на Благовѣщенье снимался съ божнички, завязывался въ особенную, небольшую, пеструю клѣтчатую „хусточку“ (ситцевый платокъ) и въ такомъ видѣ хозяйинъ несъ его въ церковь, къ обѣднѣ, гдѣ и стоялъ съ нимъ.



Вверху: №№ 5, 6—сорочьи ушки, №№ 7, 8—оршкы, №№ 9, 10—орихи.
Внизу: №№ 11, 12—дробынкы, №№ 13, 14—брусакы (рубенцы),
№ 15—хрестъ, № 16—кнышъ.

Потомъ, тамъ же въ церкви помѣщалась въ эту „хусточку“ и просфора съ вынутой частицей.

По возвращеніи изъ церкви, тотъ, кто имѣлъ пчель, шоль съ этимъ „хрестомъ“ въ омшенникъ“ (родъ сухого погреба, гдѣ пчелы стояли зимою).

Его несли туда на оловянной тарелочкѣ, которыхъ, въ то время, у каждаго хозяина было по 5 или 6 штукъ и которыя были немного меньше нашихъ глубокихъ тарелокъ.

Вмѣстѣ съ „хрестомъ“ несли еще „кухлю“ (чашку махоточку) со святой водой и „кропыльце“ изъ „василькивъ“ или изъ хлѣбныхъ колосьевъ.

Войдя въ „омшенникъ“, кропили тамъ святой водой.

По возвращеніи оттуда, „хрестъ“ водворяли на прежнее мѣсто,

т. е. на божничку, гдѣ онъ и лежалъ до весны. Приходило время выставлять и кормить пчель.

Тогда „хрестъ“ снимали снова, растирали его въ порошокъ и въ такомъ видѣ всыпали въ медъ, который варили, а потомъ все это вмѣстѣ давали ѣсть пчеламъ.

*
* *
*

Случайными, а скорѣе утратившими свой старинный обрядовый смыслъ, печеніями слоб. Грайворонки (Новостроевки) являются: кныши, орѣшки, орѣхи и сорочьи ушки.

„Кныши“ (№ 16), изъ сдобнаго тѣста, имѣли форму ватрушекъ, только безъ всякой начинки, и величина ихъ была вершка 2—2½ въ діаметрѣ. Ихъ пекли подь какіе-ниб. праздники.

Съ ними связана была слѣдующая пословица: „поки у бабушци — кныши, у дѣдушци не буде и души“.

„Орѣшки“ (№№ 7, 8) дѣлались на свиномъ салѣ, и тѣсто для нихъ раскатывалось въ видѣ шнура, толщиною сантиметра въ 2, и потомъ рѣзалось въ видѣ квадратиковъ. Квадратики брали на указательный палець и проводили ими по зубцамъ деревянной гребенки. Затѣмъ ихъ поджаривали на сковородѣ на свиномъ салѣ. Пеклись „орѣшки“, главнымъ образомъ, на масляницу, на Троицу на огородныхъ печкахъ, когда на огородахъ крестили куколь, и въ рѣдкихъ случаяхъ—осенью, когда рѣзали свиней.

Въ это же время дѣлались и „орѣхи“ (№№ 9, 10) изъ такого-же тѣста и въ такомъ же родѣ, какъ и „орѣшки“, только раза въ 4 или 5 больше.

„Сорочьи ушки“ (№№ 5, 6) дѣлались на свиномъ салѣ, и тѣсто для нихъ раскатывалось очень тонко, какъ на хворостъ, и рѣзалось квадратиками сантиметра въ 4.

Потомъ, у этихъ квадратиковъ углы зажимались попарно въ противоположныя стороны. Поджаривались на сковородѣ. Ихъ приготавливали тогда же, когда и „орѣхи и „орѣшки“.

II.

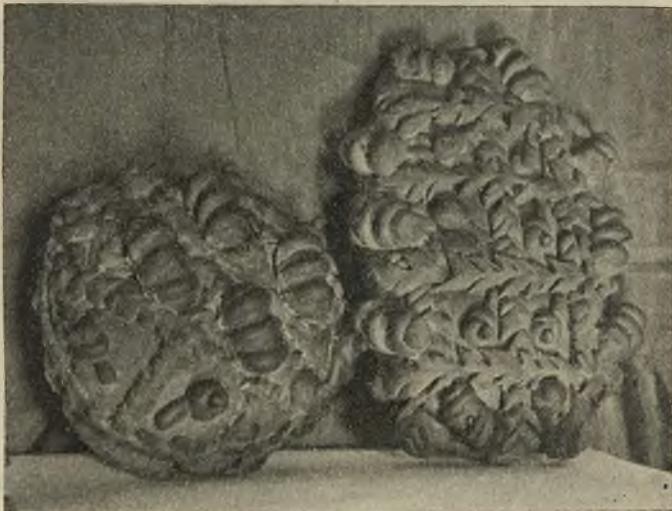
*Обрядовыя печенія малороссійской слободы Слоновки, Курской губ.,
Новооскольскаго уѣзда (25 лѣтъ тому назадъ).*

Свадебный „коровай“ (№ 17) дѣлался изъ сдобнаго тѣста, круглой формы, различной величины, но преимущественно ½ арш. въ діаметрѣ.

На немъ сверху, параллельно другъ другу, накладывалось 3, 4, 5 обручей изъ тѣста, и ихъ пересѣкали еще столькими же обручами, такъ что получалась какъ бы рѣшеточка. Обручи надрѣзывались по краямъ, съ обѣихъ сторонъ, и образовывали зигзагообразную линію.

Въ промежуткахъ рѣшетки сажали, слѣданные изъ тѣста, „боченки“, птичекъ (жаворонковъ) и шишечки.

Сажали коровай на дежномъ „вѣкѣ“ (крышкѣ), которое не снималось съ дежи *).



Влѣво: № 17—коровай.

Вправо: № 18—лежиль.

Коровай у невѣсты дѣлали замужнія женщины.

Во время его приготовления онѣ припѣвали:

„Хороши коровайницы

Хорошіи коровай бають (дѣлають),

Сыромъ посыпають, масломъ польвають.

Коло сыру масло,

Въ середини добре щастье“,

*) Здѣсь для сравненія дается снимокъ (№ 19) съ коровай Орловской губ., хранящагося въ коллекціяхъ Дашковскаго Этнографическаго музея въ Москвѣ.

и въ средину коровая закладывали деньги, обыкновенно, серебряную монету (10 к.).

Когда коровай былъ уже испеченъ, то средину эту вырѣзывали и потомъ, въ день свадьбы, отдавали ее невѣстѣ, когда она уже сидѣла за столомъ.



№ 19. Свадебн. коровай Орловской губ.

Когда коровай несли на дежѣ сажать въ печь, то пѣли такъ:

„Ой пичь ходе на ногахъ,
Дежу носить на рукахъ.
Испечи пече намъ коровай хорошій“

Потомъ, коровай ссовывали съ дежнаго „віка“ на лопату и сажали въ печь, а сами (въ это время около печки стояли четыре женщины) на крестъ цѣловались и, въ заключеніе всего, подбрасывали дежу къ потолку, такъ что она ударялась объ него.

Другія женщины уговаривали этихъ четырехъ такъ:

„Шо Вы робытѣ, дежу разобьете“,

а онѣ отвѣчали:

„Намъ дежа не треба, а бы коровай хорошъ вышевъ“¹⁾.

Коровай въ день свадьбы находился у родителей невѣсты до тѣхъ поръ, пока не прїѣзжалъ за невѣстою женихъ со своими боярами, и тогда старшій бояринъ или „дружкѣ“ дѣлили его между „дружками“ (подругами невѣсты).

Когда дружкѣ рѣзаль коровай, надъ нимъ дружки подсмѣивались, толкали его со всѣхъ сторонъ, чтобы помѣшать ему рѣзать и припѣвали при этомъ:

„Чи не бачешъ, ты, дружкѣ“,
„Шо бояри коровай крадуть:

Кто въ мїхъ (мѣшокъ), кто въ кишеню (карманъ) батькови на вечерю?

Чи не бачешъ, ты, дружкѣ,
Шо бояри коровай крадуть:
Кто въ мїхъ кто въ рукавыци,
Дівчатамъ на вечерныци?“

Если дружкѣ коровай рѣжетъ большими кусками, то дружки, подсмѣиваясь надъ нимъ, пѣли такъ:

„Дружкѣ коровай крае (рѣжетъ),
Назадъ поглядае:
Тамъ его жона стоить,
Семеро дітей держить,
Та всі съ кошелями,
Увісь коровай забрамы“.

Если дружкѣ попадался застѣнчивый, а отъ насмѣшекъ смущался еще больше, такъ что у него, дѣйствительно, ничего не клеилось, тогда онъ подвергался еще большимъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ. Если дружкѣ начиналъ, вдругъ, одѣлять всѣхъ маленькими кусочками, то дружки сейчасъ же его высмѣивали и при этомъ припѣвали:

„Дружкѣ коровай крае,
Семеро дітей мае,

¹⁾ Ср. печенье коровай и сопровождающія его пѣсни и обрядовыя дѣйствія въ Екатеринославск. г.: Бабенко, В. Этнограф. очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. (Екатеринославъ 1905 стр. 105—106).

Та всі голоштани,
Вони увісь коровай забрали“.

Коровай приготавлился и у жениха и раздавался гостямъ на другой день свадьбы.

* * *

Свадебные „калачи“ (№ 3) пеклись изъ сдобнаго тѣста попарно, штукъ 30, 40, 50, кто сколько могъ; имѣли видъ жаворонковъ, обведенныхъ обручиками: величиною бывали въ четверть или немного меньше.

Когда женихъ отправлялся къ невѣстѣ, то вмѣстѣ съ нимъ ѣхали: свашка съ цѣлой сумкой калачей и его младшая сестра — „світылка, которая везла большую „пишку“ жениха, „мечь“, въ составъ котораго, помимо „тройчатки“ и растений перечисленныхъ въ „мечѣ“ изъ (Новостроевки) Грайворонки, входили еще, желтыя гвоздички „чорнобривцы“ и деревянное изображеніе коня.

Потомъ, „світылка“ везла еще варенаго рака на блюдѣ, разукрашеннаго красной лентой, котораго женихъ и преподносилъ невѣстѣ.

Свашка, по прїѣздѣ въ домъ невѣсты, раздавала привезенные калачи попарно, всѣмъ пировавшимъ на свадьбѣ у невѣсты, женамъ и мужьямъ, а дружкамъ давала, когда оставались на ихъ долю.

И вотъ, если случалось такъ, что калачей всѣмъ дружкамъ не хватало, то послѣднія подсмѣвались надъ свашкою и пѣли ей такъ:

„Свашка неліпашка, шишѣкъ не липыла,
Дружѣкъ не дарыла.
Одну злипыла съ зеленого сїна,
Та и ту сама зыла“.

* * *

Свадебный „лежинь“ (№ 18) приготавлился и у родителей невѣсты и у родителей жениха, по одному у каждаго.

Дѣлался изъ сдобнаго тѣста и имѣлъ четырехугольную форму длинную и узкую.

Онъ бывалъ различной величины, но по большей части, четверти $2\frac{1}{2}$ —3 въ длину и четверти $1\frac{1}{2}$ —2 въ ширину. „Лежинь“

сверху разукрашивался рѣшеточкой изъ пересѣкавшихся обручиковъ, разрѣзанныхъ по краямъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ бахромы.

Въ промежуткахъ рѣшетки сажались птички и бочки.

„Лежиль“ лежалъ всю свадебную недѣлю на столѣ, а по окончаніи свадьбы, имъ угощали гостей, пировавшихъ у родителей невѣсты и у родителей жениха отдѣльно.

* * *

„Паска“ (куличъ) (№ 2) дѣлалась изъ необрушенной пшеницы, смѣшанной съ яйцами, медомъ, молокомъ или водою.

Тѣсто для паски приготовлялось круглой формы.

Наверху паски изъ тѣста же дѣлался крестъ, а сверху послѣдняго, посрединѣ сажали шишечку изъ тѣста (въ видѣ розетки).

Низъ паски обводился обручемъ изъ тѣста, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ соприкасался съ концами креста, прикрѣплялся къ паскѣ вѣточками вербы, принесенной изъ церкви подѣ Вербное Воскресенье.

Та паска, которая предназначалась для освященія, дѣлалась довольно большая, чтобы хватило на всю семью на три дня.

Чтобы паска была круглая, на тѣсто надѣвали „обычайку“ (ободокъ) изъ сита.

Паску сажали на чистое полотно, присыпанное мукой, чтобы тѣсто къ нему не пристало, а полотно постилали на „віко“ (крышку) дежи.

Когда паска подходила, ее снимали вмѣстѣ съ полотномъ съ „віка“, сажали на лопату, полотно выдерживали и паску ссывали въ печь.

Испеченная паска стояла на столѣ въ переднемъ углу въ теченіе трехъ дней.

Зажиточные люди помимо этой паски пекли еще нѣсколько пасокъ въ такомъ же родѣ, какъ и эта, но меньшихъ размѣровъ.

* * *

„Дробинки“ (лѣстнички) (№№ 11, 12) пеклись подѣ Вознесеніе изъ скоромнаго тѣста по числу членовъ семьи.

Величина ихъ была различна, но приблизительно вершка 3—4 въ длину и вершка 1½ въ ширину.

Имѣли онѣ видъ лѣстничекъ съ тремя, четырьмя и пятью перекладами.

Если въ то время, какъ ихъ дѣлали, кто ниб. изъ дѣтей при-ставалъ къ хозяйкамъ съ вопросами: „шо це таке и для чо́го це?“, то обыкновенно хозяйки отвѣчали имъ такъ:

„по цей дробынци Господь на небо взлазе“.

Дробынки съѣдали на Вознесенье утромъ.

* * *

„Хресты“ (№ 15) пекли въ среду на 4-ой недѣли Великаго поста.

Пекли ихъ въ такомъ количествѣ, сколько кто былъ въ состояніи. Ихъ ѣли въ четвергъ, но не всѣ а оставляли штуки 3 или 4, съ которыми и ѣхали весною въ поле „сіять хлѣбъ“, и тамъ ихъ съѣдали.

* * *

„Жайворонки“ (№ 3) изъ постнаго тѣста пекли на сорокъ святыхъ, 9-го марта, въ количествѣ 40 штукъ. Голова „жайворонкывъ“ дѣлалась, по сравненію съ туловищемъ, несоразмѣрно большая.

Глаза намѣчались или палочкой или кругленькою ручкою ложки.

* * *

Случайными или утерявшими обрядовый смыслъ печеніями Курской губ., Новооскольскаго уѣзда, слободы Слоновки (25 лѣтъ тому назадъ) были такіе же „орішки“, (№№ 5, 6) „оріхи“ (№№ 9, 10) и „сорочьи ушки“, (№№ 5, 6), какъ и въ слоб. Грайворонкѣ, Грайворонскаго уѣзда, Курской губ.; они приготовлялись на Рождественскія Святки, на масляницу и, больше всего, на заговѣны на Великій Постъ.

„Брусáкы“ (№№ 13, 14) изъ постнаго или скоромнаго тѣста дѣлались наподобіе круглыхъ брусковъ (палочекъ) въ вершокъ или немного меньше вершка въ разрѣзѣ и вершка 2—1½ по длинѣ.

Пекли ихъ къ праздникамъ, но больше всего, когда шли на „заработки“ въ Ростовъ на Дону или когда шли на богомолье. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ готовили изъ постнаго тѣста, а на дорогу въ Ростовъ изъ скромнаго.

III.

Печенія изъ Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ.

„Черепеники“ ¹⁾, которые пекутся на городской базаръ одной семьей изъ слоб. Супруновки, дѣлаются изъ гречневой муки.

Тѣсто для нихъ готовится такимъ же образомъ, какъ и для гречневыхъ блиновъ, только погуще.

Пекутся они на постномъ маслѣ. Раньше почти всѣ женщины Супруновки занимались печеніемъ ихъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ пекли уже только въ одной семьѣ Ладновыхъ, которая продолжаетъ это дѣло и теперь.

Ладновы такъ объясняютъ исчезновеніе этого занятія въ другихъ семьяхъ: „тѣ хозяйки, которыя пекли черепеники, поумирали, а дочерямъ или внучкамъ своимъ, должно быть, не сказали, какъ ихъ дѣлать, а можетъ и сказали, да тѣ не захотѣли этимъ заниматься, только, ихъ мало стали печь, а скоро и совсѣмъ забыли, какъ ихъ дѣлають. А теперь, можетъ, кто и захотѣлъ бы этимъ заняться, да не можетъ, потому что не знаетъ“.

Ладновы же никому не говорятъ, какъ надо черепеники дѣлать.

Прежде, въ слободѣ Шопиной Бѣлгородскаго уѣзда существовали особенные мастера, готовившіе глиняныя формочки для черепениковъ и привозившіе ихъ на городской базаръ. Теперь же и ихъ не стало, и уже года два, какъ эти глиняныя формочки не появляются больше на Бѣлгородскомъ базарѣ.

Лѣтомъ 1908 года у Ладновыхъ глиняныхъ формочекъ было всего двѣ, а сейчасъ осталась всего одна.

Глиняныя формочки для черепениковъ имѣютъ видъ цвѣточныхъ банокъ съ очень узкимъ дномъ (1 верш. въ діаметрѣ) и съ широкимъ отверстіемъ (3 вер. въ діам.), а въ высоту имѣютъ 4 вер. или 4½.

¹⁾ Имѣются въ коллекціяхъ Дашковскаго этнографич. Музея въ Москвѣ. Этнограф. Обзор. Кв. LXXX.

Формочки эти очень неустойчивыя, и нужно, какъ говорила Ладнова, большое умѣнье ставить ихъ въ печь, такъ какъ, если нечаянно толкнуть одну, она повалить всё остальные (въ печь вставляется 50 формъ), а это принесетъ убытку руб. на 25 или больше.

Когда же Ладновой предложили вопросъ, почему бы не сдѣлать эти формы съ болѣе широкимъ дномъ, чтобы они не могли такъ скоро падать, она отвѣтила: „а тогда черепеники уже не выйдутъ такіе формальные“. Теперь у Ладновыхъ всё формочки, за исключеніемъ одной глиняной, сдѣланы уже изъ желѣза приблизительно такого же вида, какъ и глиняныя, только выше на 1 вер.

Эти формочки дѣлаются у нихъ же въ семьѣ.

Тѣсто для черепениковъ ставится на ночь, а на слѣдующій день, рано утромъ, часа въ 3, начинаютъ ихъ печь, при чемъ пекутъ не всё сразу, а въ нѣсколько пріемовъ и столько же разъ выносятъ ихъ на базаръ.

Дѣлается такъ съ той цѣлью, чтобы черепеники не простывали, а продавались бы теплыми.

Покупаютъ ихъ главнымъ образомъ жители русской слоб. Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда. Такъ какъ черепеники дѣлаются разной высоты: вершка въ 4 и побольше, то и плата за нихъ полагается разная: за меньшіе берутъ 4 коп., а за большіе—6 коп.

Тѣ черепеники, которые пекутся въ глиняной формочкѣ, стоятъ 4 коп.

Черепеники продаютъ по большимъ базарнымъ днямъ въ торговыхъ хлѣбныхъ рядахъ, выстроенныхъ года 3 тому назадъ и которые, почему то, у простого народа окрещены названіемъ „шопа“.

Пряники, называемые „рубенцами“ или „рѣзанцами“, (№ 13, 14) дѣлаются на бурачной патоцѣ (изъ сахарной свекловицы) и на содѣ.

Величина ихъ бываетъ $1\frac{1}{2}$ вершка длины и сантиметра 4—5 ширины. Продаютъ ихъ на городскомъ базарѣ торговли изъ слоб. Жилой, Бѣлгородскаго уѣзда, по 5 коп за 1 фунтъ.

Къ сожалѣнію, не удалось записать бытовыхъ подробностей, связанныхъ какъ съ происхожденіемъ, такъ и распространеніемъ черепениковъ, рѣзанцевъ, оршковъ, оріховъ, сорочьихъ ушковъ и другихъ тому подобныхъ печеній.

Р. Данковская.

Нѣкоторые обычаи и суевѣрія у сартовъ, связанные съ рожденіемъ ребенка.

Желая познакомить читателей съ обычаями и суевѣріями сартовъ¹⁾, я написалъ въ прошломъ году въ Ташкентѣ одному муллѣ письмо, съ просьбой—прислать мнѣ какіе-нибудь матеріалы. Мулла былъ настолько любезенъ, прислалъ мнѣ „Описаніе обычаевъ и суевѣрій у сартовъ, связанныхъ съ рожденіемъ ребенка“,—описаніе, составившееся путемъ его наблюденій надъ жизнью сартовъ. Это описаніе предлагается читателямъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ въ русскомъ переводѣ.

При переводѣ я старался вообще держаться какъ можно ближе подлинника, и только разъ, чтобы не повторяться, выбросилъ одну фразу.

Если у какой женщины нѣтъ дѣтей или если у нея были дѣти, но не остались въ живыхъ, или же она имѣетъ только дѣвочекъ и ни одного мальчика,—во всѣхъ этихъ случаяхъ она, одаривъ подарками, обращается къ мулламъ, иманамъ²⁾ и дуаханамъ³⁾, которые совершаютъ надъ ней молитвы и дуютъ надъ ней.

Во-вторыхъ, она отправляется на могилу какого-нибудь извѣстнаго святого и, смотря по своему богатству и состоянію, рѣжетъ барановъ, козъ и другой рогатый скотъ; мясо этихъ животныхъ она раздаетъ въ сыромъ или вареномъ видѣ нищимъ и бѣднякамъ, живущимъ около могилы святого, и проситъ ихъ молиться за нее. Такъ, въ Ташкентскомъ уѣздѣ близъ Кишлака Заркентъ (въ 80-ти

1) Нѣкоторая литература о сартахъ указана въ „Этн. Обзор.“ 1904 г. № 4, стр. 179—181.

2) Глава религіознаго ордена.

3) Спеціалисты въ чтеніи молитвъ надъ больными, знахари.

верстахъ къ востоку отъ Ташкента) есть могила святого, извѣстнаго подъ именемъ „Мурадъ-бахшъ“¹⁾, куда отовсюду изъ окружающихъ селеній въ большомъ количествѣ, особенно лѣтомъ, стекается народъ. Могила святого расположена у подножья горы; у склона горы, немного ниже мѣгилы святого, бьетъ родникъ, вода котораго весьма прозрачна. Въ этотъ родникъ шейхи—бѣдняки, живущіе въ этой мѣстности, бросаютъ игрушки мальчиковъ, какъ напримѣръ, бабки, или же игрушки дѣвочекъ, напримѣръ: ожерелье и тому подобныя вещи. Каждый изъ приходящихъ (на могилу святого) паломниковъ, желая узнать свое счастье, погружаетъ руку въ этотъ источникъ и, вынувъ, смотритъ: если въ рукѣ окажется игрушка мальчика, тогда онъ радуется, говоря: „Мнѣ Всевышній Господь даруетъ сына: мнѣ выпалъ хорошій жребій“. Если гадающій вынетъ изъ родника игрушку дѣвочки, онъ также радуется этому, говоря: „Всевышній Богъ мнѣ пошлетъ дочь: мнѣ выпалъ хорошій жребій“. Но если гадающій ничего не вынетъ, то весьма огорчается. Когда кому вышла игрушка дѣвочки или же ничего не вышло, онъ опускаетъ руку въ воду три раза, и если каждый разъ вынимаетъ ожерелье, онъ огорчается, говоря, что у него не будетъ сына, а если всѣ три раза ничего не вынетъ, то онъ печалится еще сильнѣе, говоря: „У меня никогда не будетъ дѣтей“. Гадающіе раздаютъ затѣмъ милостыню нищимъ и бѣднымъ, находящимся въ этой мѣстности.

Кромѣ этого, для тѣхъ женщинъ, которыя давно не рожали и у которыхъ дѣти не оставались въ живыхъ, отыскиваютъ филина и помѣщаютъ его у нихъ въ комнатѣ, гдѣ онѣ обыкновенно спятъ; его привязываютъ къ чему-нибудь, кормятъ и ухаживаютъ за нимъ, думая, что отъ этой птицы нечистая сила въ страхѣ бѣжитъ.

Затѣмъ, послѣ родовъ, комнату роженицы окуриваютъ травой, извѣстной у турокъ подъ названіемъ „ісірік“, а у персовъ— „Спалдъ“; эта трава растетъ въ степи. Нѣкоторые для окуриванія употребляютъ смѣсь чеснока съ краснымъ перцемъ, и думаютъ, что это окуриваніе полезно.

Послѣ того призываютъ къ новорожденному его отца, который читаетъ надъ нимъ молитву и дуетъ надъ нимъ. Если мулла

1) Собственно это его прозвище, т.-е. исполняющій желанія.

дасть бумажку съ молитвой, то эту бумажку родители надѣвають на ребенка или вѣшаютъ на люльку.

Нѣкоторые не выносятъ ребенка изъ дома въ продолженіе двадцати или сорока дней. Это время извѣстно у нихъ подъ именемъ „lillelik“ („сорокоуста“).

Когда ребенокъ рождается, то отрѣзаютъ его „спутника“, т.-е. пуповину, и сохраняютъ нѣсколько дней, а потомъ закапываютъ на чистомъ мѣстѣ или, помѣстивъ въ глиняный кувшинъ, вѣшаютъ на дерево, находящееся противъ дома новорожденного.

Беременная женщина, почувствовавъ за нѣсколько дней признаки приближенія родовъ, призываетъ повивальную бабку, какая ей по душѣ, и держать ее у себя; нѣкоторые состоятельные люди приглашаютъ еще помощницу къ бабкѣ. Необходимо, чтобы у этой бабки были дѣти и внуки и чтобы она была здорова. Женщинъ, у которыхъ не было дѣтей или у которыхъ дѣти умирали, не берутъ въ бабки. Послѣ рожденія ребенка бабка, отрѣзавъ пуповину, завертываетъ ее въ чистую тряпку и затѣмъ вмѣстѣ съ ребенкомъ прижимаетъ къ своей груди. Нѣкоторыя беременныя женщины еще до родовъ выпрашиваютъ у своихъ родственниковъ или знакомыхъ, имѣющихъ много дѣтей и внуковъ, рубашку, какъ хорошее предзнаменованіе, и надѣваютъ ее на новорожденного ребенка.

Бабка купаетъ часто ребенка въ теплой водѣ, а родители послѣ каждаго купанья одѣляютъ бабку деньгами.

Нѣкоторые родители по истеченіи недѣли или же девяти дней, передъ тѣмъ какъ положить ребенка въ люльку, созываютъ близкихъ родственниковъ по женской линіи, приготовивъ лепешки, блины, фрукты и всевозможныя сладости, и угощаютъ всѣхъ ихъ; затѣмъ кладутъ ребенка въ люльку¹⁾. При этомъ, разбрасываютъ сладости подъ люлькой ребенка; разбросанныя такимъ образомъ сладости обыкновенно подбираются дѣтьми родственниковъ и сосѣдей.

Послѣ того какъ ребенка положить въ люльку, вознаграждаютъ бабку по заслугамъ ея и, проводивъ ее, отпускаютъ. Пови-

1) У А. Шшова („Сарты“, ч. I, стр. 419) сказано, что при этомъ дѣдъ или отецъ даютъ ребенку имя, тщательно избѣгая именъ одного изъ его старшихъ родственниковъ или родственницъ. *Ред.*

вальная бабка отправляется къ себѣ домой и, въ случаѣ желанія роженницы, каждыя три дня или еще чаще приходитъ навѣщать ребенка, купаетъ ¹⁾ его и *принимаетъ* ²⁾ всякія вознагражденія, какія дадутъ ей родители ребенка. Такъ ходитъ она въ теченіе 20-ти или 40-ка дней. По истеченіи сорока дней, бабка является въ послѣдній разъ; выкупавъ ребенка въ теплой водѣ и получивъ за это вознагражденіе, она уходитъ, чтобы притти затѣмъ только по зову родителей.

Если у роженницы, вышедшей недавно замужъ, родится ребенокъ, то ея родители, смотря по своему состоянію, готовятъ—кто одну люльку, другіе двѣ люльки; вмѣстѣ съ тѣмъ готовятъ пеленки и т. д. изъ парчи и другихъ драгоценныхъ матерій. Также шьютъ одежду для роженницы, ея мужа, свекра и свекрови; затѣмъ кладутъ въ корзины или сундукъ въ большомъ количествѣ лепешки, варятъ въ большомъ котлѣ кушанья, разставляютъ на подносахъ разныя сладости и, нагрузивъ все это на арбу, отправляются вмѣстѣ со своими родственниками, родственницами и знакомыми въ домъ роженницы. Это торжество называется „праздникомъ колыбели“ (бешік туі).

Точно также мужъ роженницы съ своей стороны зоветъ своихъ родственниковъ, родственницъ, сосѣдокъ и знакомыхъ женщинъ для того, чтобы онѣ угощали жениныхъ родственницъ. День торжества назначается родственниками съ обѣихъ сторонъ по взаимному соглашенію. Все добро, привезенное на арбѣ, раскладывается на подносахъ и ставится передъ гостями, которые разсаживаются сообразно возрасту и положенію. Послѣ угощенія, родственница которая привезла люльку, получаетъ, въ знакъ благодарности, для себя, для своего мужа и ребенка одежду. Въ день „праздника люльки“ зовутъ бабку, которая также получаетъ платье.

Такое торжество бываетъ только по случаю рожденія первенца; при послѣдующихъ родахъ подобнаго праздника не устраиваютъ.

¹⁾ У Шишова (Сарты) указано, что послѣ перваго обмыванія вслѣдъ за появленіемъ его на свѣтъ, ребенка не купаютъ и не моютъ до двадцатаго дня. Если же мальчика моютъ на 18 день, то дѣлаютъ это для того, чтобы за его невѣсту взяли меньше калыма, а дѣвочку на 22 день, чтобы за нее дали большій калымъ. *Ред.*

²⁾ Не забудемъ, что это пишетъ мulla, для котораго вопросъ о доходѣ играетъ самое большее значеніе.

Когда рождается первый ребенокъ, къ родственникамъ роженицы и ея мужа отправляютъ слугу или служанку, которые извѣщаютъ ихъ о благополучномъ исходѣ родовъ и поздравляютъ съ семейной радостью. Этотъ обычай называется „суенчи“—радость. За такую благую вѣсть всѣ родственники и родственницы одаряютъ халатомъ или деньгами посланнаго и отпускаютъ его. Полученныхъ халатовъ и денегъ посланные не оставляютъ у себя, а вручаютъ все это роженицѣ. Изъ тѣхъ вещей, которыя оказались послѣ поздравленія „суенчи“, жена, посовѣтовавшись съ мужемъ, даетъ часть въ видѣ вознагражденія бабкѣ, а остальное дѣлитъ между слугами и бѣдными родственниками. Независимо отъ того, родила ли женщина въ первый разъ или имѣла уже ранѣе дѣтей, ея родственники или знакомые, уставивъ пилавъ и другія кушанья на большихъ мѣдныхъ блюдахъ, заворачиваютъ въ скатерть; а также шьютъ для новорожденнаго рубашки, халатики и платице. Завернувъ все это въ платокъ, онѣ вмѣстѣ съ кушаньями отправляютъ въ домъ роженицы. Нѣкоторые родственники, вмѣсто халатиковъ и рубашекъ, посылаютъ для ребенка нѣсколько аршинъ разныхъ матерій; затѣмъ сами отправляются съ поздравленіемъ.

Н. Худояръ-ханъ.

Вліяніє Дарвина на розвитіє лингвистики и етнографіи.

Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1809—1909).

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ поэтовъ Фофановъ говорить:

Есть добрыя сердца, есть свѣтлые умы,
Они сіяють намъ, какъ утра блескъ багряный,
Въ хаосѣ шумныхъ дѣлъ, среди житейской тьмы
Ихъ голоса звучать торжественной осанной...
И вѣчно между насъ ихъ тѣни дорогія
Блестятъ, освящены дыханіемъ времянь...

Дорогая тѣнь Дарвина нынѣ ярко блещетъ, освященная дыханіемъ времени и науки.

Среди ученыхъ XIX ст. Дарвинъ выдается чрезвычайнымъ обширнымъ и универсальнымъ вліяніемъ. Благодаря въ высшей степени старательно разработаннымъ имъ ученіямъ о естественномъ подборѣ, борьбѣ за существованіе, трансформизмѣ, наслѣдственности, о явленіяхъ атавизма, о рудиментахъ, прочно утвердились плодотворныя идеи эволюціонизма.

Сначала дарвиновскія теоріи нашли себѣ блестящее приложеніе въ наукахъ естественныхъ.

Эволюціонная теорія развитія, однако, такъ заманчива, такъ величественна и, наконецъ, такъ благодарна, по даваемымъ ею результатамъ, что она вскорѣ была примѣнена къ наукамъ историческимъ, социальнымъ, филологическимъ, произвела громадный и благотворный переворотъ въ методахъ научнаго изслѣдованія и привела къ новымъ важнымъ научнымъ завоеваніямъ.

Вышедшая въ 1859 г., книга Дарвина о происхожденіи видовъ знаменуетъ собою новую эру не только въ біологіи, но и, вообще,

въ исторіи человѣческой мысли, новую стадію въ освободительномъ движеніи человѣческаго духа.

Основаніемъ понятія объ эволюціи служитъ трансформизмъ— переходъ формъ и явленій отъ простыхъ къ сложнымъ, иногда болѣе совершеннымъ, съ многочисленными, однако, проявленіями атавизма и культурныхъ переживаній.

Подведеніе эволюціоннаго фундамента подъ науки лингвистическія, историческія и соціальныя повело къ полной ихъ перестройкѣ, къ накопленію новыхъ матеріаловъ, къ провѣркѣ и устраненію многоаго, что пользовалось ранѣе безусловнымъ довѣріемъ. Оживленная работа въ этомъ направленіи идетъ по всѣмъ линіямъ, по всѣмъ отраслямъ, и, какъ шумное море, выбрасываетъ на берега науки все новые драгоцѣнные янтари и кораллы чистаго знанія, новыя благотворныя завоеванія мысли, добра и справедливости.

Въ области лингвистики Дарвинъ указалъ, что распаденіе языка на говоры находится въ самой тѣсной связи съ торговыми, промышленными, политическими и литературными международными сношеніями: чѣмъ интенсивнѣе эти сношенія, тѣмъ меньше различій между говорами.

Другую причину измѣненій въ языкахъ представляетъ вліяніе науки и искусства: они вносятъ въ языкъ массу новыхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними и новыя слова, которыя, какъ болѣе точно выражающія существо вещей, и вытѣсняють мало-по-малу старыя.

Не послѣднее мѣсто въ измѣненіи языка занимають также и политическіе факторы; напр., завоеваніе страны неизбежно приводитъ къ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ въ языкѣ побѣжденныхъ. Послѣдствіемъ подбора въ языкахъ является вымираніе однихъ изъ нихъ и прогрессъ другихъ въ лексическомъ отношеніи (соединяющійся часто съ регрессомъ въ нормальномъ отношеніи). Всѣ эти взгляды Дарвина оказали самое благотворное вліяніе на развитіе лингвистики,—въ частности, на лингвистическое міросозерцаніе такого великаго языковѣда, какъ Авг. Шлейхеръ.

Шлейхеръ примѣнилъ теорію Дарвина къ лингвистикѣ черезъ 4 года послѣ выхода его знаменитаго труда—въ 1863 году въ сочиненіи „Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft“. Здѣсь теорія Дарвина о происхожденіи видовъ получила широкое

приложеніе къ объясненію разнообразія языковъ. Трудъ Шлейхера оказалъ вліяніе на Западѣ и въ Россіи, по своему внутреннему достоинству и по научной извѣстности автора въ области лингвистики. Шлейхеръ былъ не только филологъ, но и ботаникъ; глубокій интересъ къ ботаникѣ еще болѣе расположилъ его къ славному англійскому ученому.

Изъ русскихъ лингвистовъ взгляды Дарвина и Шлейхера усвоилъ и развилъ далѣе профессоръ харьковскаго университета Потебня—самый крупный представитель лингвистики въ Россіи. Любопытно, что, подобно Шлейхеру, Потебня также очень любилъ ботанику. Потебня примѣнялъ эволюціонную точку зрѣнія какъ къ лингвистикѣ, такъ и къ этнографіи, къ объясненію малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсень.

Укрѣпленная Дарвиномъ эволюціонная теорія въ приложеніи къ историческимъ и социальнымъ явленіямъ оказалась тѣмъ болѣе благотворной, что къ ней тѣсно примкнула вѣра въ прогрессъ. Обоснованный на этой почвѣ свѣтлый научный оптимизмъ нашель себѣ выраженіе во многихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Характерно, напримѣръ, въ этомъ отношеніи изслѣдованіе проф. Драгоманова—„Рай і поступъ“ на малороссійскомъ языкѣ. Въ этомъ изслѣдованіи сначала идетъ рѣчь о древнихъ персидскихъ, еврейскихъ и христіанскихъ представленіяхъ о золотомъ вѣкѣ прошлаго, о потерянномъ раѣ, съ отнесеніемъ его въ неизмѣримую даль прошлыхъ временъ, или столь же неизмѣримую даль небеснаго „тамъ“; но затѣмъ наступаетъ переломъ въ европейскихъ чаяніяхъ и надеждахъ. Все сильнѣе и сильнѣе пробивается желанія приурочить рай къ землѣ, въ улучшенныхъ условіяхъ гражданственности и быта, создать его собственными усиліями; все чаще появляются политическія и социалистическія утопіи, въ XVI, XVII и, въ особенности, въ XVIII ст., развивается идея прогресса, идея коллективизма, стремленіе къ достиженію общественнаго блага, идея поставить общество въ такія условія, чтобы связать и регулировать злую волю отдѣльныхъ лицъ. Другими словами, вмѣсто безплодныхъ и унылыхъ сѣтованій о погибшемъ золотомъ вѣкѣ, выступаетъ бодрое стремленіе подготовить, путемъ послѣдовательнаго и всесторонняго прогресса, рай въ будущемъ. Дарвинизмъ идетъ навстрѣчу этой прогрессивной тенденціи, такъ

какъ открываетъ неприглядную картину жизни первобытной ста-
діи человѣческаго рода.

Особенно сильно и благотворно было развитіе эволюціонной
теоріи подъ вліяніемъ Дарвина въ приложеніи этнографіи. Нельзя
признать простой случайностью, что послѣ дарвиновской книги о
происхожденіи видовъ 1859 г., въ слѣдующемъ 1860 г. появляются
труды Макъ Ленана объ экзогаміи и тотемизмѣ, въ 1865 г.
знаменитыя „Researches into the early history of Mankind“—исслѣ-
дованія въ области первобытной исторіи человѣчества Тэйлора,
гдѣ съ величайшей ясностью и опредѣленностью примѣняется къ
этнографіи эволюціонная точка зрѣнія, въ 1870 г. появляется
„Первобытная культура“—другой капитальный трудъ Тэйлора,
гдѣ разработана и выдвинута на первый планъ теорія культур-
ныхъ переживаній, столь же важная для этнографіи, какъ ученіе
объ атавизмѣ и рудиментахъ въ біологіи и, наконецъ, съ 1870 г.
начинаютъ выходить „Основанія соціологіи“ Спенсера, большая
часть которыхъ посвящена эволюціи первобытныхъ вѣрованій,
общественнаго строя и обычаевъ. Тэйлоръ и Спенсеръ пошли
дорогою, проложенной въ біологіи Дарвинымъ, и пришли въ фоль-
клорѣ этимъ путемъ къ чрезвычайно важнымъ и плодотворнымъ
выводамъ.

Подъ вліяніемъ дарвинизма выросли и расцвѣли этнографиче-
скіе музеи. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружилось могучее
вѣяніе эволюціонизма. Музеи этнографическіе, обслуживая инте-
ресы матеріальной культуры, первобытнаго искусства, культа,
эволюціи быта, ремесла, стали не только предметомъ любозна-
тельности для публики, но настоящими лабораторіями, гдѣ сравни-
ваются и изучаются объекты человѣческой культуры, сконцентри-
рованные по мѣстамъ, систематизированные по географическимъ
раіонамъ и въ порядкѣ эволюціи. Въ настоящее время въ Германіи,
въ Америкѣ создано или созидается огромное количество общихъ
и мѣстныхъ этнографическихъ музеевъ. На нихъ правительствами,
обществами, частными лицами щедро ассигнуются колоссальныя
суммы. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, напр., даетъ на
устройство одного такого музея 6 милл. руб., на изученіе быта
индійцевъ отпускаетъ 150 милл. Музеи дѣлаются центрами науч-
наго движенія. Они не ограничиваются систематизаціей предметовъ.
Они группируютъ вокругъ себя дѣятелей, устраиваютъ экспедиціи,

издаютъ научные труды. И, разумѣется, среди западныхъ ученыхъ не найдется ни одного, который позволилъ бы себѣ высказаться за закрытіе этнографическаго музея, за отдачу его въ какія-либо чужія и несвѣдующія руки. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны Германія и Швеція, съ ихъ—на удивленіе—богатыми и разносторонними этнографическими музеями. Въ 60-хъ годахъ—подъ благотворнымъ вѣяніемъ дарвинизма—въ Германіи появился грандіозный—лучшій въ мірѣ Museum für Völkerkunde. Примѣру Берлина вскорѣ послѣдовали Лейпцигъ, Гамбургъ, Мюнхенъ, Бременъ и много др. городовъ, а во главѣ ихъ, при общемъ сочувствіи, при горячей поддержкѣ со стороны государства, ученыхъ обществъ, всей интеллигенціи становятся такіе глубокіе знатоки-эволюціонисты, какъ Бастіанъ, Штейнъ, Вейле.

Человѣкъ великаго сердца—Шиллеръ—оставилъ потомству такой совѣтъ:

Чѣмъ шире помыслы и чувства
 Раскроете для науки и искусства,
 Тѣмъ совершеннѣй въ звеньяхъ мірозданья,
 Теперь разрозненныхъ безъ смысла и сознанья,
 Узрите вы чудныхъ формъ изящныя черты,
 Тѣмъ больше выйдетъ тайнъ сквозь ночи мракъ безмолвный,
 Тѣмъ далѣе передъ вами раздвинетъ міръ столпы,
 Тѣмъ шире жизнь полетѣтъ живыя волны.

Дарвинъ, по характеру, человѣкъ мягкій, добрый, ласковый, по природѣ хилый и болѣзненный, широко раскрылъ свои чувства и помыслы для преуспѣянія науки, съ удивительной настойчивостью велъ свои наблюденія, обладая огромнымъ обобщающимъ умомъ и геніальнымъ проникновеніемъ въ тайны природы, былъ въ то же время такимъ настойчивымъ, усидчивымъ и добросовѣстнымъ работникомъ, что опыты надъ земляными червями велъ 29 лѣтъ—этотъ хилый, мягкій, ласковый человѣкъ снялъ покровъ со многихъ тайнъ, скрывавшихся до него въ безмолвномъ мракѣ ночи, далеко „раздвинулъ столпы міра“, и, благодаря ему, полились въ мірѣ новыя живыя волны. И нынѣ онѣ идутъ широкимъ русломъ, и самъ Дарвинъ, своей личностью и дѣятельностью, громко говорить о важности жизненнаго примѣненія благого шиллеровскаго совѣта широко раскрывать помыслы и чувства для науки и искусства

Н. Ф. Сумцовъ.

СМѢСЬ.

Молокане и баптисты Закавказья.

Въ дополненіе о вѣрованіяхъ молоканъ, которыя мною были приведены въ XV-ой кн. *Этн. Обзор.* *), извлекаю изъ газ. *Закавказье* (1909 г. февр.) еще слѣдующія свѣдѣнія о нихъ. Все свое религиозное міросозерцаніе молокане основываютъ на Священной Библии, какъ Новаго, такъ и Ветхаго Заветовъ. Преданія святыхъ отцовъ—отрицаютъ. Молокане вѣруютъ: въ единаго Бога Отца, Творца неба и земли. („Никто не благъ, какъ только Единъ Богъ“—Еванг. Матѳ. г. 19, 17); въ Единаго Сына Божія Иисуса Христа („Ибо Единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Христосъ Иисусъ,—Тимое. г. 2, 5“), и въ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго. („И я умолю Отца и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ“,—Іоанна, г. 14, 16).

Молятся молокане и поклоняются въ духѣ и истинѣ Единому Творцу вселенной во имя Сына Его Иисуса Христа. Напротивъ, Святымъ угодникамъ Божиимъ, пророкамъ, апостоламъ, а также и матери Иисуса Христа—не молятся и не поклоняются, а только стараются, по мѣрѣ духовныхъ силъ, подражать ихъ жизни. Вѣруютъ они въ безсмертіе души человека и вѣчную жизнь духа за гробомъ. Иконъ—не имѣютъ. Рукою не крестятся. Духовную

*) „Закавказскіе молокане—прыгуны“, стр. 177—187. Эти замѣтки значительно подробнѣе трактуютъ ученіе молоканъ, чѣмъ печатаемая въ настоящей книгѣ. Тамъ не менѣе, въ виду постоянной тенденціи молоканства и баптизма варіироваться, расчленяться, наславать новыя вѣянія, печатаемыя замѣтки интересны какъ свидѣтельство послѣдняго времени. Кромѣ того, общія положенія русскаго баптизма такъ еще мало изучены, что о нихъ нѣтъ ни слова даже въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза. *Примѣч. редакціи.*

іерархію—отрицають: (Имѣють выборныхъ наставниковъ). Тайнства, установленныя православною церковью, не признають. Понимають о семь духовно.

Праздники: Рождество, Крещеніе, Благовѣщеніе, Воскресеніе Христа, святую Троицу—почитають. Жизнь свою, по мѣрѣ духовныхъ силъ, основываютъ на десяти заповѣдяхъ Моисея, святыхъ пророкахъ и ученіи Иисуса Христа. Молятся молитвою: „Отче нашъ“ и т. д. и молитвами, написанными въ св. Библии, а также и избранными молитвами, согласно слову Божию. Въ собраньяхъ и домахъ поютъ исключительно только псалмы пророка и царя Давида, и нѣкоторые стихи изъ Евангелій, апостольскихъ посланій и откровенія Іоанна Богослова.

„Бога бояться, царя чтуть, братство любятъ“ (1-е Петра, г. 2, 17).

Спасеніе души основываютъ, согласно ученью Христа (Матѣ. 25—35—4 и св. Іакова: г. 2,—26), какъ на вѣрѣ, такъ и на добрыхъ дѣлахъ. Всѣмъ разумнымъ распоряженіямъ правительства охотно подчиняются. Отъ солдатчины не уклоняются.

Это существенныя вѣрованія молоканъ.

А вотъ вѣрованія баптистовъ:

Исповѣдуютъ Бога въ трехъ лицахъ: Отца и Сына и Святаго Духа, такъ же, какъ учитъ и православная церковь. Святымъ угодникамъ не молятся и не поклоняются. Признають только два таинства: водное крещеніе (для взрослыхъ) и причащеніе хлѣбомъ и виномъ. Иконъ у нихъ тоже, какъ и у молоканъ,—нѣтъ. Духовную іерархію и они отрицають, (у нихъ выборные пресвитера). Праздниковъ, кромѣ Воскресенія Христа, никакихъ не почитаютъ. Постовъ такъ же, какъ и молокане,—не соблюдаютъ. Молятся отъ себя, т.-е. что подскажетъ сердце. Преданья святыхъ отцовъ православной церкви и молитвы за умершихъ—отрицають. Запрещенную въ Библии пищу вкушать разрѣшаютъ. Спасеніе души основываютъ единственно лишь на одной вѣрѣ, на заслугахъ Христа. Вотъ все самое существенное, что отличаетъ молоканъ отъ баптистовъ. Въ остальномъ же—въ семейномъ быту, образѣ жизни, одеждѣ и т. п.—между ними разницы почти нѣтъ никакой.

А. Хахановъ.

Бытовые пережитки старины на покосъ у крестьянъ Ярославской губерніи.

Лѣтомъ 1907 года мнѣ пришлось наблюдать далеко небезынтересные обычаи, сохранившіеся во время покоса у крестьянъ Ярославской губерніи. Крестьяне села Никольскаго, Николокормской вол. рыбинскаго у., назначаютъ (сговорившись между собою) день, въ который должны всё хозяева села ѣхать для покоса на извѣстную пустошь.

Въ назначенный день съ раняго утра они отправляются на покосъ этой пустоши, принадлежащей всему селу. На пустоши крестьяне раздѣляются на три, какъ говорятъ, — *трети*, т.-е. части. Каждая треть носить свое названіе: 1) Васенина треть; 2) Шушовина треть и 3) Замараева треть. Въ каждой трети, изъ года въ годъ, остаются извѣстные домохозяева, не ограничиваясь численностью или равнымъ количествомъ надѣльныхъ душъ.

Вышеозначенныя трети имѣютъ свои жеребья. Жеребья носятъ названія: 1-й — рѣзва, 2-й — средня и 3-й — лёжень. Жеребья вынимаются изъ шапки одного изъ мужчинъ крестьянами отъ третей. Здѣсь замѣчу, что какой трети достался жеребей, та и должна всё время имѣть надѣлъ покоса по вынутаю жеребью. Трети, получившія свои жеребья, въ свою очередь, бросаютъ между собою жеребья, но уже здѣсь каждый домохозяинъ, входящій въ составъ трети, имѣетъ свой жеребей и, при этомъ, каждый хозяинъ долженъ заранѣе приготовить жеребей для себя, еще находясь дома. Жеребьи эти дѣлаются изъ тонкихъ палочекъ, и каждая палочка имѣетъ свою какую-либо замѣточку, въ видѣ: надрѣза: —, =, П, ПП, X, +, □, ○, I, многія палочки — жеребейки, вмѣсто замѣтки, имѣютъ сучокъ на палочкѣ, другіе отламываютъ кончикъ у палочки. Когда жеребейки готовы, то для выниманія ихъ, первоначально кладутъ ихъ въ шапку — трясутъ и затѣмъ подходятъ къ шапкѣ и начинаютъ вынимать. „Эй, православные! подходи, вынимай!“ — одинъ за другимъ вынимаютъ жеребья. Когда вынуть жеребья, то спрашиваютъ: „Эй, это чей?“ — говорятъ: — „мой“. — „Ну, значитъ твой — первый“. Такому же порядку слѣдуютъ и другіе хозяева. Каждый хозяинъ долженъ строго помнить свой жеребей во время покоса и впередъ, въ другой жеребей отнюдь нельзя выступать. Когда жеребьевка покончена, — приступаютъ къ

дѣлежу травы. Для этого берутъ колъ (мѣра) и прикидываютъ по числу надѣльныхъ душъ, по одному колу на надѣль души—земли: на два надѣла два кола; на полтора надѣла—полтора кола и т. д. Отдѣливши 70 коловъ—травы (по числу душъ), дѣлаютъ *утигъ* (т.-е. границу отъ немѣренной и некошенной травы) *) за тѣмъ сосѣдь отъ сосѣда также дѣлаетъ между раздѣленной травой т. н. *роскъсы*: я отдѣляю себѣ на 1½ кола, а сосѣдь мой беретъ 2 кола или 1½, смотря потому,—сколько имѣется у каждаго хозяина надѣльныхъ душъ земли. Послѣ этого начинается кошеніе всѣми крестьянами надѣльной травы въ пустоши—здѣсь-то и начинается въ „полномъ разгарѣ страда деревенская“. На косьбу встаютъ очень рано: съ 2—3 часовъ утра. Часто приходится здѣсь на покосѣ наблюдать всевозможныя шутки и остроты: „Эй, коси живѣе, а не то пяты подкошу!“—„Панукать всё ты надо!“—говоритъ косецъ отеталой бабѣ. „Косей коса пока роса,—роса спадетъ,—косецъ уйдѣтъ“, паговариваетъ косецъ въ тактъ лязгу при точеніи косы брускомъ или лопаткой. „Шаркъ—шарки,—и опять въ портки“, повторяетъ другой косецъ при точеніи своей косы. Для точенія косы употребляютъ лопатку, намазанную вѣромъ и по вѣру обсыпанную пескомъ—т. н. „точильнымъ“. Бьютъ косы на приспособленной для этой цѣли, отдѣльной, желѣзной бабкѣ—желѣзнымъ молоткомъ.

Ив. Вас. Костоловскій.

Къ повѣрьямъ о поясѣ у крестьянъ Ярославской губерніи.

I. Значеніе пояса.

Рѣдко можно встрѣтить среди крестьянъ Ярославской губерніи, да и вообще въ Россіи, чтобы кто-нибудь ходилъ безъ пояса „Безъ пояса ходить грѣхъ“, говоритъ народъ. Опоясываются мужчины по рубахѣ, опоясываются и женщины. Поясъ считается предметомъ священнымъ, такъ какъ онъ, по словамъ крестьянъ, дается каждому при крещеніи. Деревенскія дѣти бѣгаютъ по де-

*) Утигъ, обыкновенно, какъ говорятъ, „проходятъ съ косы на косу“, т.-е. одинъ косецъ стоитъ на краю отмѣренной травы, держа въ рукѣ косу приподнятую, а другой косецъ стоитъ на противоположной сторонѣ отмѣренной травы и тоже держитъ кверху косу, чтобы виднѣе было провести утигъ; Отъ одной косы на другую идѣтъ человекъ,—а другой за нимъ по его слѣду подсѣкаетъ косой траву. Подкошенный слѣдь—зовутъ утигомъ.

ревнѣ въ однѣхъ рубахахъ, но непремѣнно съ поясомъ. Особенно неприличнымъ считается молиться Богу безъ пояса, обѣдать безъ пояса, спать безъ пояса. Какъ часто можно наблюдать дѣтей, получающихъ пинки и колотушки отъ старшихъ за то лишь, что тѣ забыли подпоясаться и въ такомъ видѣ сѣли за столъ обѣдать. „Пшолъ вонъ изъ стола-то, говоритъ строгій отецъ своему небрежному ребенку: подпояси рубаху-то да и сядисъ“. По повѣрью крестьянъ, подпоясаннаго человѣка бѣсъ боится; подпоясаннаго и „шишко“ (дѣпшій) въ лѣсу не заведеть.

II. Ношеніе старшимъ членомъ семьи ключа на поясъ.

Главный членъ крестьянской семьи въ Ярославской губерніи постоянно носить на поясѣ ключъ отъ сундука, гдѣ находятся деньги, документы и другія цѣнныя вещи. У старшей женщины находится на поясѣ ключъ отъ сундука съ бѣльемъ, одѣжей и т. п. У многихъ крестьянъ „большоводство“, т. е. завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ дома, изстари принадлежитъ старшимъ и передается отъ отца къ сыну. Лишь только старшій, (отецъ, напр.) умретъ, все „большоводство“ беретъ уже старшій сынъ. Съ передачею „большоводства“ передается и тотъ поясъ съ ключомъ, которымъ опоясывался покойный.

Въ настоящее время обычай этотъ замѣтно блѣднѣетъ и даже исчезаетъ, такъ какъ большими семьями не стали жить, наступили частые дѣлежи, семьи стали малочисленными, да и сама жизнь деревни пошла на убыль. Поясъ съ ключомъ уже нѣкому носить, такъ какъ въ большей части деревенскихъ семействъ не только запираеть что-либо, но и ѣсть нечего.

Ив. Вас. Костолавскій.

Западно-сибирскія народныя легенды о твореніи міра и борьбѣ духовъ.

Предлагаемыя легенды записаны мною со словъ двухъ посказителей: крестьянина деревни Артамоновой Тюменскаго уѣзда Луки Леонтьевича Заякина 77 лѣтъ и крестьянина села Плеханова Тюменскаго же уѣзда Дмитрія Никифоровича Плеханова, 79 лѣтъ *) Посказители уже люди преклонныхъ лѣтъ; это лица почтенныя и пользующіяся обширной извѣстностью и уваженіемъ народа; оба они извѣстны какъ добрые знахари и лѣкари и какъ остроумные и неистощимые посказители. Старцы эти являютъ собою типы симпатичныхъ старожилловъ-сибиряковъ, исконно-русскихъ крестьянъ землепашцевъ, это представители стараго, кондового крестьянства. Въ молодые годы Плехановъ и Заякинъ были весельчаками и пѣсенниками, оба знаютъ множество пѣсень; Плехановъ поетъ и до сихъ поръ. Заякинъ къ тому же былъ бандуристомъ. Другъ съ другомъ посказители совсѣмъ незнакомы, хотя селенія, въ которыхъ они живутъ, отстоятъ и недалеко другъ отъ друга, всего въ 40 верстахъ. Д. Н. Плехановъ чловѣкъ неграмотный и имѣлъ неграмотныхъ родителей. Посказитель же Л. Л. Заякинъ чловѣкъ грамотный и имѣлъ грамотнаго отца,— и вообще всѣ предки Заякина были грамотные и повидимому далеко выдавались изъ среды своихъ односельцевъ своими знаціями и грамотностью. Самъ Л. Л. Заякинъ ходитъ читать псалтырь по покойникамъ, а дома постоянно читаетъ четьи-минеи, читалъ онъ и ветхозавѣтную библію на славянскомъ нарѣчій.

Легенды Д. Н. Плеханова носятъ характеръ болѣе народный и самобытный и болѣе отдаленный отъ христіанскихъ ученій, тогда какъ легенды Л. Л. Заякина, такъ сказать, въ большей мѣрѣ влерикальны, въ его легендахъ библейскіе мотивы уже крѣпко вплетаются въ чисто языческія сказанія о началѣ міра и чловѣка.

*) Подробныя біографическія свѣдѣнія о посказителяхъ Л. Л. Заякинъ и Д. Н. Плехановъ я надюсь дать при изданіи мною сборника сказокъ и легендъ, записанныхъ со словъ этихъ и другихъ посказителей.

№ 1. Сотвореніе міра.

Изначала вѣковъ ничего не было:—ни неба, ни земли, ни чело-
вѣка, а была только одна вода, вода безъ конца и краю и безъ
дна, а посверхъ воды была тьма тьмущая—безпросвѣтная тьма.
И по этой водѣ плавалъ въ лодочкѣ богъ Салаофъ ¹⁾. Плыль
однажды богъ Салаофъ въ лодочкѣ и сплюнулъ на воду слинку ²⁾
и вотъ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сплюнулъ слинку, появился самъ
сатана Сатаниль, въ человѣческомъ образѣ. И какъ только
сатана появился, такъ сейчасъ же вступилъ въ разговоры съ
богомъ, онъ сказалъ богу:—„Я—братъ твой. Возьми меня съ
собою въ лодочку“. Въ лодочкѣ хватило мѣста и для двоихъ и
потому богъ сказалъ сатанѣ:—Садись.—Сѣлъ сатана въ лодочку
вмѣстѣ съ богомъ и поплыли дальше. Плыли—плыли, богъ и го-
ворить сатанѣ:—„Хочу я сотворить землю. Нырни, сатана, въ
воду и достань оттуда земли“. Сатана обернулся птицей гоголемъ
и нырнулъ въ воду. Но предъ этимъ сатана не благословился у
бога и потому трудъ его остался безуспѣшнымъ.

Долго сатана гоголемъ погружался въ воду, но все-таки не
могъ добраться до дна и не могъ захватить земли, выбился са-
тана изъ силъ и вынырнулъ обратно и сказалъ богу:—Не могъ
я добраться до дна и не досталъ земли.—Тогда богъ опять ска-
залъ сатанѣ:—Нырй второй разъ и достань изъ воды земли.—
Сатана оборотился птицей гагарой и вторично нырнулъ. Но и
на этотъ разъ онъ не благословился, и потому онъ опять не
досталъ дна и не добылъ земли, хотя и нырнулъ глубже пре-
жняго. Вынырнулъ сатана изъ воды и сказалъ богу:—Не могъ я
достать земли и не могъ добраться до дна, хотя нырнулъ куда-
какъ дальше прежняго.—Тогда богъ сказалъ сатанѣ:—ты потому
не можешь достать земли, что ныряешь не благословясь,—благос-
ловись у меня, тогда достанешь дно и принесешь земли. Нырй
въ третій разъ“. Сатана на этотъ разъ благословился у бога, а
затѣмъ оборотился птицей сокеуномъ ³⁾ и нырнулъ въ третій

¹⁾ Богъ Салаофъ.

²⁾ Т.-е. слюнку.

³⁾ Сокеунъ—это особая порода широконосыхъ утокъ, водящихся въ
Сибири.

разъ. На этотъ разъ сатана безъ труда досталъ дна, забралъ онъ себѣ въ клювъ земли и принесъ ее богу и сказалъ:—вотъ я принесъ тебѣ земли.

— Давай сюда землю, сказалъ богъ, и взялъ землю изъ клюва птицы сокуна. Но сатана не всю землю передалъ богу и небольшую часть ея утаилъ у себя въ клювъ. И думаетъ сатана:—сотворитъ богъ себѣ землю, а я увижу, какъ онъ это дѣлаетъ. и по его примѣру сотворю свою особую землю.

Взялъ богъ землю и повелѣлъ изъ водной глубины явиться тремъ китамъ. И вотъ явились три кита, такихъ большихъ, что станешь на головы, такъ конца хвостовъ и не увидишь. Киты установились головами вмѣстѣ, а хвостами въ разныя стороны. Тогда богъ положилъ землю себѣ на ладонь, а другою ладонью сталъ мять землю и сдавливать ее ¹⁾. Мялъ—мялъ богъ землю и сдѣлалъ изъ нея вродѣ небольшой круглой и совершенно ровной лепешки; эту лепешку-землю богъ положилъ на головы трехъ китовъ, и земля стала расти, росла-росла и покрыла собою всѣхъ трехъ китовъ и все продолжала расти. Тремъ китамъ стало уже не подъ силу держать землю, и тогда богъ повелѣлъ явиться изъ водной пучины еще четыремъ китамъ и держать землю. Явились четыре кита, сомкнулись они головами съ первыми тремя, а хвостами раскинулись въ разныя стороны и стали держать землю. Съ того времени и до нашихъ дней земля держится на семи китахъ.

Въ то время какъ росла и ширилась земля на китахъ,—росла и ширилась также земля, оставшаяся во рту у сатаны, такъ что сильно раздуло щѣки у сатаны. Богъ это замѣтилъ и спрашиваетъ сатану:—съ чего это у тебя щѣки-то раздуло?—И сатана долженъ былъ сознаться:—Виновать! Прости Господи: я утаилъ во рту немного земли.

— Выплювай землю изо рта!—приказалъ богъ. И сатана сталъ выплевывать землю. И тамъ, гдѣ сатана плюнетъ,—появляются всякія дикія и нечистыя мѣста,—горы и овраги, лѣсныя трупобы, кочки и болота. До этого же земля была равна и чиста

¹⁾ Излагая это, показатель жестами изобразилъ, какъ богъ мялъ землю на своей ладони.

и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна. Такъ богъ сотворилъ землю и весь міръ.

Когда твореніе земли завершилось, тогда богъ задумалъ отдохнуть. Вытащилъ онъ лодочку изъ воды на землю, перевернулъ ее вверхъ дномъ, а самъ улегся около лодочки и скоро уснулъ крѣпкимъ сномъ. Сатана, при видѣ уснувшаго бога, замыслилъ недоброе дѣло,—онъ задумалъ погубить бога. Сатана думалъ такъ:—брошу я соннаго бога въ воду и утоплю его, и тогда—земля будетъ моя и лодочка будетъ моя.

Взялъ сатана бога и понесъ его къ берегу. Но по мѣрѣ приближенія сатаны къ водѣ, земля передъ нимъ все росла и ширилась, а вода передъ нимъ все убѣгала да убѣгала. Такъ сатана и не могъ донести бога до воды. Повернулъ тогда сатана въ другую сторону и понесъ бога къ другому берегу земли, думалъ, не удастся ли бросить бога съ другого берега земли. Но и тамъ повторилась та же исторія. Тогда сатана положилъ бога на прежнее мѣсто, около лодочки, какъ будто бы онъ и не касался бога.

Земля и понынѣ держится на семи китахъ и виситъ на водѣ. Земля продолжаетъ расти и теперь,—и когда она вырастетъ и увеличится настолько, что и семь китовъ не въ состояніи будутъ держать ее,—тогда киты уйдутъ въ воду; земля разсыплется и провалится въ водныя бездны. Тогда и наступитъ конецъ міра. Говорятъ, что это время уже недалеко.

(Записано отъ Д. Н. Плеханова).

№ 2. Борьба Сатаны съ Богомъ.

Въ началѣ всѣхъ вѣковъ сатана, иначе Сатаниилъ,—и вся его темная сила, сила дьявольская,—были свѣтлыми духами—ангелами и служили самому Богу, при чемъ самъ Сатаниилъ былъ любимцемъ Бога и стоялъ къ Богу ближе чѣмъ остальные ангелы и архангелы, Сатаниилъ былъ верховнымъ воеводой и архистратигомъ всѣхъ небесныхъ силъ. Но такъ продолжалось не долго. Сатана возгордился своимъ могуществомъ и блескомъ и не хотѣлъ болѣе признавать надъ собою ничьей власти, онъ задумалъ свергнуть съ неба самого Бога и сдѣлаться единственнымъ владыкой неба и всего міра. Но не вдругъ сатана объявилъ себя врагомъ неба, онъ долгое время тайлъ въ себѣ свои гордые за-

мысли. Сатана поднялъ возстаніе и воздвигъ гоненіе противъ Бога и его небесныхъ силъ вотъ по какому поводу.

Одважды Богъ призвалъ къ себѣ всѣ свои небесныя силы:—ангеловъ и архангеловъ; явился предъ лицо Бога и сатана. Богъ сказалъ ангеламъ:—„Придетъ время и родится истинный Христосъ, онъ будетъ всѣмъ богамъ Богъ и всѣмъ царямъ царь,—и всѣ вы должны ему поклониться и покориться“.—Услышалъ сатана эти слова и возмутился и сказалъ:—„Какой еще тамъ Христосъ? И почему это мы—духи—должны кланяться рожденному? Сегодня одинъ Христосъ родится, а завтра другой Христосъ родится,—и всѣ будутъ выше насъ?—Не бывать этому! Не можемъ мы быть ниже Христа“.—Такъ сатана отложился отъ Бога и увлекъ за собою множество ангеловъ.

Когда сатана увидѣлъ, что за нимъ послѣдовала добрая половина всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, то онъ задумалъ напасть на Бога, свергнуть его съ неба и самому сдѣлаться богомъ. Собралъ сатана всѣ свои войска и повелъ ихъ войной на Бога. Богъ обиталъ тогда на первомъ небѣ,—а всѣхъ небесъ было сотворено Богомъ двѣнадцать. Сатана со своими войсками напалъ на Бога и прогналъ его съ перваго неба,—и Богъ со всѣми своими силами перебрался на второе небо и туда же перенесъ свой престолъ. Но сатана напалъ на Бога и во второмъ небѣ и оттуда прогналъ его на третье небо.

Такъ Сатана послѣдовательно гналъ Бога съ неба на небо, все выше и выше,—и согналъ его на послѣднее двѣнадцатое небо. Утвердилъ Богъ свой престолъ на двѣнадцатомъ небѣ и окружилъ себя всѣми своими небесными силами. А сатана поставилъ свой тронъ на одиннадцатомъ небѣ и окружилъ себя своими дьявольскими силами. Сатана окружилъ себя и весь свой станъ чрезвычайнымъ блескомъ, а свой тронъ онъ сдѣлалъ изъ золота, серебра и камней самодѣльныхъ. Собралъ Богъ всѣ свои небесныя силы и послалъ ихъ на одиннадцатое небо, чтобы прогнать оттуда сатану и его воинство. Но небесныя силы ничего не могли сдѣлать:—сатана окружилъ себя и все свое воинство такимъ холодомъ и такимъ морозомъ, что духъ захватываетъ. Небесныя силы не только не могли вступитъ въ бой съ силами сатаны, а даже на близкое разстояніе къ вражеской стоянкѣ подойти не могли. Бились—бились ангелы, да такъ ничего и не добились и лишь по-

напрасну ознобили себѣ руки и ноги. Вернулись ангелы къ Богу и говорятъ ему:—мы не могли ничего подѣлать съ дьявольскими силами:—весь станъ сатаны окруженъ такимъ холодомъ и морозомъ, что мы и на версту не могли подойти къ нему, лишь напрасно ознобили себѣ руки и ноги.

На второй день Богъ опять послалъ свои воинства противъ сатаны, но сатана окружилъ себя и весь свой станъ еще большимъ холодомъ и морозомъ. Опять ангелы вернулись ни съ чѣмъ и объявили Богу о своей неудачѣ.

На третій день Богъ призвалъ къ себѣ самаго храбраго и самаго сильнаго архангела Михаила и сказалъ ему:—„Мой вѣрный и храбрый архангелъ Михаилъ! Отнынѣ я ставлю тебя верховнымъ воеводой и архистратигомъ всѣхъ моихъ небесныхъ силъ, облакаю тебя силою необычайною и дарую тебѣ власть повелѣвать грозными тучами, громомъ и молніею. Иди и порази сатану и всю его дьявольскую силу, сокруши тронъ и весь станъ сатаны и низвергни съ неба всѣхъ дьяволовъ.“—Такъ архангелъ Михаилъ сдѣлался воеводой и архистратигомъ небесныхъ силъ.

Всталъ архангелъ Михаилъ, затрубилъ въ свою золотую трубу и собралъ къ себѣ всѣ небесныя силы и повелъ ихъ войною на сатану. Повелъ Михаилъ свое воинство на одиннадцатое небо, но подступить къ вражескому стану не могъ даже на нѣсколько верстъ:—сатана и вся его дьявольская сила окружили себя холодомъ и морозомъ пуще прежняго. Тогда архангелъ Михаилъ опять затрубилъ въ свою золотую трубу,—и вотъ появилась на небѣ черная грозная туча. Навелъ архангелъ Михаилъ тучу прямо на вражескій станъ, а затѣмъ архангелъ схватилъ молнію и бросилъ ее прямо въ тронъ сатаны. Блеснула великая молнія и ударила въ тронъ сатаны съ такою силою и съ такимъ громомъ, что основанія неба и земли поколебались:—молнія вдребезги разбила тронъ сатаны. Схватилъ архангелъ Михаилъ другую молнію, еще больше прежней и направилъ ее противъ самого сатаны. Со страшнымъ громомъ молнія ударила сатану и низринула его съ неба и стремглавъ полетѣлъ сатана внизъ. Тогда архангелъ Михаилъ взялъ третью молнію и пустилъ ее на весь дьявольскій станъ. Съ ужаснымъ громомъ молнія грянула на станъ враговъ и на все сатанинское воинство и съ силой поразила ихъ.

Стремглавъ полетѣли всѣ дьяволы съ неба внизъ, вслѣдъ за сатаной.

Бросились небесныя силы и принялись поражать бѣгущихъ враговъ. 30 дней и 30 ночей летѣлъ сатана и его войско съ неба и наконецъ всѣ они упали на землю, гдѣ кто попалъ. Такъ бѣсы скрылись отъ ангеловъ. Тѣ бѣсы, которые упали въ воды:—въ моря, рѣки и озера,—стали водяными; тѣ, которые упали въ лѣса и болота,—стали лѣшными; которые упали въ подполье,—стали домовыми и сусѣдками, а тѣ, которые упали въ овины и бани,—стали овинницами и банницами.

До своего паденія съ неба и до пораженія отъ руки архангела Михаила,—сатана и всѣ его дьяволы носили еще свѣтлый образъ небесныхъ ангеловъ и имѣли прекрасный видъ,—послѣ же этого сатана и всѣ дьяволы получили страшный и отвратительный видъ:—тѣлеса ихъ стали черны и покрылись шерстью, на головахъ у нихъ выросли рога, за спиной у нихъ появились хвосты, а на ногахъ выросли копыта.

Записано отъ Д. Н. Плеханова.

№ 3. Сотвореніе міра.

До сотворенія міра ничего не было,—не было ни неба съ его свѣтилами, ни земли, ни звѣрей, ни птицъ, ни рыбъ, ни человека, а была только вода, предѣловъ и глубины которой никто не знаетъ. Воду окутывала тьма, а надъ этой тьмой по пространствамъ носились два духа:—святой или свѣтлый духъ—Богъ и духъ зла—Сатана,—только эти два духа и были извѣка въ мірѣ. Святой духъ и нечистый духъ не вмѣшивались въ существованіе другъ друга и не входили ни въ какое общеніе другъ съ другомъ, каждый существовалъ самъ по себѣ.

Однажды Богъ летѣлъ надъ тьмою и сквозь тьму увидѣлъ, что на водѣ плаваетъ птица гоголь; удивился этому Святой духъ и думаетъ:—Что это за птица и откуда она могла взятъся, когда я еще не приступалъ къ творенію міра? Подлетѣлъ Святой духъ къ птицѣ и спрашиваетъ:—Что ты за птица и откуда ты явилась?—Гоголь на это отвѣчаетъ:—Я братъ твой.

—Какой же ты мой братъ? спросилъ опять Богъ. И гоголь ему на это отвѣтилъ:—Ты отъ свята святъ духъ, а я отъ

зла зло и отъ злыхъ дѣлъ Сатаниилъ. Услышавъ это, Богъ сказалъ сатанѣ:—Если ты нарекаешься моимъ братомъ, то погрузись въ воду и достань со дна ея земли ¹⁾. Гоголь тотъ же часъ погрузился въ воду, а Богъ того же разу сотворилъ надъ водой ледъ, толстый и крѣпкій; ледъ этотъ сковалъ и покрылъ все безпредѣльное водное пространство. Сдѣлалъ это Богъ затѣмъ, чтобы испытать и узнать силу Сатаны.

Прошло не долгое время и Сатана проломилъ ледъ и вынырнулъ изъ воды. Богъ спрашиваетъ Сатану: досталъ ли ты, злой духъ, земли?

— Нѣтъ, не досталъ.

— Тогда погружайся и ныряй опять въ воду и достань земли.

Гоголь опять нырнулъ, а Богъ сотворилъ надъ водой уже два льда (т.-е. двойной слой льда). Прошло нѣкоторое время и гоголь проломилъ оба льда и опять вынырнулъ на поверхность воды.—Богъ опять спрашиваетъ Сатану:—досталъ ли ты земли?— Нѣтъ, не досталъ,—отвѣтилъ Сатана. Богъ сказалъ:—тогда ныряй въ третій разъ и достань мнѣ земли.

Въ третій разъ гоголь нырнулъ, и Богъ сотворилъ надъ водой три льда. Прошло нѣсколько времени, и вотъ—Сатана опять вынырнулъ, не поддержали его и три льда, все льды онъ сломалъ. Богъ спрашиваетъ:—досталъ ли ты, Сатана, земли?—Досталъ. Вотъ, я принесъ землю въ своемъ клювъ. Богъ сказалъ:—давай сюда, положи землю мнѣ на ладонь. Сатана положилъ землю Богу на ладонь руки, и Богъ сталъ дуть на свою ладонь и раздулъ съ нея землю въ разныя стороны. И вотъ на водѣ появилась земля. Это было начало творенія міра, это былъ первый день творенія. Земля, сотворенная Богомъ, была еще смѣшана съ водою и была жидкая настолько, что на ней не могла ступать нога человѣческая. На второй день Богъ сгустилъ землю и отдѣлилъ ее отъ воды и вотъ—потекли рѣки и водные источники, появились озера. Въ слѣдующіе дни Богъ сотворилъ рыбъ, птицъ и животныхъ ²⁾.

¹⁾ Діалогъ Сатаны съ Богомъ записанъ со словъ сказителя буквально, при чемъ сказитель фразъ „ты отъ свята святъ духъ и т. д.“ придаетъ, повидимому, какое то особенное мистическое значеніе и всякій разъ передаетъ ее точно и неизмѣнно, какъ формулу.

²⁾ На вопросъ:—что именно Богъ сотворилъ въ 3, 4 и 5 дни,—скази-

Послѣ же всего этого въ шестой день Богъ сотворилъ человѣка— мужа и жену; сотворилъ Богъ человѣка такъ: взялъ горсть земли и изъ земли сдѣлалъ тѣло перваго человѣка Адама, а затѣмъ у соннаго Адама Богъ вынулъ ребро и изъ ребра сдѣлалъ первую женщину Еву. Адаму и Евѣ Богъ отдалъ въ обладаніе всю землю.

Земля, выйдя изъ рукъ Творца, была ровна, чиста и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна, не было на землѣ ни крутыхъ и обрывистыхъ горъ, ни страшныхъ провалищъ, не было ни лѣсныхъ трущобъ, ни кочекъ, ни болотъ и никакихъ другихъ нечистыхъ мѣстъ. Но вотъ Сатана явился къ Богу и сказалъ ему:—Надо сотворить горы и пропасти, лѣсныя трущобы и непроходимыя болота и всякія другія нечистыя мѣста, чтобы человѣкъ поминалъ бы Бога, поминалъ бы и меня. Богъ въ угоду Сатанѣ сдѣлалъ и горы и лѣса и болота и всякія худыя и нечистыя мѣста. И съ того времени сталъ человѣкъ поминать Бога и чорта:—Случится мужику подниматься съ лошадыю въ гору и онъ говоритъ:—Пособи, Господи, подняться въ гору! А какъ станетъ мужикъ спускаться съ горы, да повесетъ его лошаденка, тутъ онъ всѣхъ чертей соберетъ:—Ты, чортъ! Вотъ, чортъ! Равнымъ образомъ, когда мужикъ отправляется въ лѣсъ на промыселъ, то онъ молится Богу, а какъ засядетъ въ болото по брюхо, то и начнетъ поминать чорта:—Ахъ, ты, чортъ! Подъ ты къ чорту!

Записано отъ Л. Л. Заякина.

№ 4. Борьба Сатаны съ Богомъ.

Земля была сотворена, и на ней обитали люди, птицы и звѣри, а въ водахъ рыбы. Но неба еще не было и не было небесныхъ свѣтилъ: солнца, луны и звѣздъ. Но вотъ явился Сатана къ Богу и сказалъ ему:—Сотворили мы землю и человѣка, а надъ головою-то ничего нѣтъ,—надо сотворить небо. Богъ сотворилъ небо,—и засіяли на немъ солнце, луна и звѣзды. И на этомъ небѣ Богъ рѣшилъ жить и поставить свой престолъ. Сатанѣ стало завидно, что Богъ устроилъ для себя такое красивое жилище на небесахъ и задумалъ Сатана устроить для себя такое же небесное жилище,

телей Л. Л. Заякинъ отвѣтилъ:—въ писаніи это сказано и въ библии, я это читалъ, да теперь забылъ,—память стала худая.

только повыше Бога. Сотворилъ и Сатана себѣ небо выше перваго и на этомъ второмъ небѣ Сатана устроилъ свое жилище и поставилъ свой престолъ. Тогда Богъ сотворилъ третье небо, выше второго и перенесъ свое жилище и престолъ. Сатанѣ не охота уступить Богу и все-то ему хочется быть повыше Бога:—Сатана устроилъ четвертое небо. Богъ устроилъ пятое небо, а Сатана—шестое небо,—выше пятаго. Тогда Богъ запретилъ Сатанѣ,—а самъ построилъ седьмое, самое высокое и послѣднее небо. Такимъ образомъ, всего сотворено семь небесъ. Богъ перенесъ свое жилище на седьмое небо и на немъ утвердилъ свой престолъ. Послѣ того Богъ сотворилъ множество ангеловъ, которые служили ему. Сатана же утвердилъ свое жилище на шестомъ небѣ и на немъ поставилъ свой престолъ, а затѣмъ сотворилъ себѣ множество дѣволовъ, которые окружили своего владыку и стали служить ему. Сначала все шло хорошо и мирно: Богъ обиталъ на седьмомъ небѣ, а Сатана на шестомъ, другъ другу они не мѣшали и жили всякъ самъ по себѣ. Но вотъ—прошло сколько тамъ времени, и задумалъ Сатана злое дѣло:—свергнуть Бога съ неба и самому стать на его мѣсто и чрезъ то сдѣлаться единственнымъ владыкой неба и земли.

Собралъ Сатана безчисленныя полчища своихъ черныхъ духовъ—дѣволовъ, поставилъ надъ ними главнымъ начальникомъ и воеводой своего надежнаго и вѣрнаго слугу стараго чорта кривого Ерахту и повелъ свои войска противъ Бога. Богъ также собралъ всѣ свои небесныя воинства и поставилъ надъ ними начальникомъ своего возлюбленнаго ангела Михаила. Отправляя свои воинства на брань съ Сатаною, Богъ призвалъ къ себѣ Михаила и сказалъ ему:—Миша, я ставлю тебя начальникомъ надъ всѣми моими воинствами, поди и хорошенько проучи Сатану и умири его гордыню. Михаилъ повелъ свои войска на Сатану. Но Сатана окружилъ свою стоянку огненной стѣной, и не можетъ Михаилъ съ своими войнами подойти къ Сатанѣ на близкое разстояніе:—всѣхъ ихъ жжетъ и палитъ огнемъ и пламенемъ. Сколько ни старался Михаилъ, но такъ и не могъ подойти къ стоянкѣ Сатаны и не могъ завязать съ нимъ бой.

Вернулся Михаилъ къ Богу и сказалъ ему:—Господи, не могъ одолѣть Сатаны. Я даже на близкое разстояніе не могъ подойти къ его стану. Сатана окружилъ себя огненной стѣной, меня и

всѣхъ монахъ воинновъ сожгло огнемъ и пламенемъ. На другой день Богъ опять посылаетъ Михаила со всѣми небесными силами войной на Сатану. Но и на этотъ разъ Михаилъ ничего не могъ сдѣлать и не могъ одолѣть Сатану, хотя и подошелъ къ нему и къ его стану очень близко. Сатана опять окружилъ свой станъ огненной стѣной, жегъ и палилъ ангеловъ своимъ адскимъ огнемъ. Ангелы бѣжали съ поля битвы. Опять Михаилъ явился къ Богу и сказалъ ему:—Господи, и на этотъ разъ я не могъ одолѣть Сатану; я хоть и подошелъ близко къ стану Сатаны, но не могъ вступить съ нимъ въ бой:—Сатана опять окружилъ себя огненной стѣной, жегъ и палилъ меня и моихъ воинновъ огнемъ и пламенемъ. Всѣ мы бѣжали отъ Сатаны и его адскаго огня.

Тогда Богъ разгнѣвался на Сатану гнѣвомъ великимъ и сказалъ Михаилу:—„Будь ты Михаилъ—Илъ, Архангелъ и Воевода всѣхъ моихъ небесныхъ силъ! Иди и именемъ моимъ сокруши Сатану и сверзи его со всѣми дьяволами съ неба“ ¹⁾ Такимъ образомъ, Богъ наложилъ на Михаила новое высшее званіе, въ родѣ какъ повысилъ его въ чинѣ, облегъ его особыми полномочіями и даровалъ ему великую власть и несокрушимую силу.

На третій день Михаилъ, уже облеченный званіемъ Архангела и снабженный особыми полномочіями,—опять повелъ свои войска на Сатану и на его лагерь. Опять Сатана сталъ жечь Ангеловъ огнемъ и пламенемъ, но на этотъ разъ огонь уже не дѣйствовалъ и не вредилъ Ангеламъ. Сошлись небесныя воинства грудъ съ грудью съ полчищами Сатаны,—и началась жестокая война и беспощадный бой. Ангелы и бѣсы поражали другъ друга мечами и копьями. Долго длился бой съ равнымъ успѣхомъ. Но вотъ Архангелъ Михаилъ, наконецъ, достигъ до самого Сатаны, напалъ на него и своимъ огненнымъ мечемъ нанесъ Сатанѣ страшный ударъ. Отъ удара меча Архангела раздался сильный громъ и посыпались искры, словно молніи. Основанія земли и неба поколебались. Не выдержалъ Сатана удара и стремглавъ полетѣлъ съ неба внизъ, а за нимъ посыпались и полетѣли всѣ его дьяволы. Сатана и всѣ его бѣсы пали на землю. Въ томъ мѣстѣ на землѣ, гдѣ палъ Сатана съ своими дьяволами,—потекла огненная рѣка.

¹⁾ Монологъ Бога:—Будь ты Михаилъ—Илъ и т. д. записанъ со словъ повѣствователя буквально. Значенія слова „Илъ“ повѣститель объяснить не могъ.

Долго лежали Сатана и его слуги-дьяволы въ огненной рѣкѣ и долго они не могли оправиться отъ нанесеннаго имъ пораженія. Наконецъ, съ теченіемъ времени, бѣсы оцувствовались, отдохнули и пришли въ себя. Сатана не унимался, гордость и злоба не давали ему покоя, онъ задумалъ вновь напасть на Бога и на его небесныя воинства, но Сатанѣ казалось, что его наличныхъ силъ недостаточно для войны и что надо значительно увеличить силу дьявольскую.

Призвалъ Сатана своего любимца, вѣрнаго слугу и главнаго воеводу стараго чорта Кривого Ерахту и сказалъ ему:—„Ерахта, поди вонъ къ тому большому камню, что лежитъ на берегу огненной рѣки, бей его кулакомъ наотмашь и при всякомъ ударѣ приговаривай:—Аггелъ! Аггелъ! Аггелъ!... При каждомъ твоёмъ ударѣ будутъ выходить бѣеы,—ты надѣлай такъ бѣсовъ, какъ можно больше, чтобы составить огромное войско для войны съ Богомъ“.—Ерахта не мѣшкая, вышелъ онъ на берегъ и сталъ бить камень кулакомъ наотмашь; при всякомъ ударѣ онъ произносилъ: Аггелъ!.. И вотъ, при каждомъ ударѣ изъ подъ кулака Ерахты появлялось по бѣеу, вполне готовому къ бою. Такимъ способомъ Кривой Ерахта сотворилъ себѣ уже много аггеловъ.

Увидѣлъ Богъ дѣла Кривого Ерахты и проникъ въ злые замыслы Сатаны и запретилъ Богъ Сатанѣ и Ерахтѣ и не стали изъ подъ кулака Ерахты являться аггелы. Такъ Сатана и не могъ увеличить своихъ силъ, а съ наличными силами онъ не осмѣлился вступить въ бой съ небесными воинствами. Съ того времени Сатана уже не велъ войны съ Богомъ и не пытался устроить свое жилище на небесахъ, онъ примирился съ своимъ положеніемъ и сталъ со всѣми своими аггелами жить въ огненной рѣкѣ.

Огненная рѣка, по Божьему велѣнію,—съ поверхности земли провалилась въ преисподнюю земли, и тамъ она течетъ до сихъ поръ и будетъ течь вѣчно. Въ ней помѣщается адъ, въ которомъ будутъ мучиться грѣшники послѣ ихъ смерти ¹⁾.

Записано отъ Л. Л. Залкина.

¹⁾ Разборъ и научную оцѣнку многочисленныхъ родственныхъ народныхъ сказаній см. въ изслѣдованіи акад. А. Н. Веселовскаго „Дуалистическія повѣрія мірозданія“ (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XI, 1889 г. Тексты легендъ срв. еще въ „Смоленскомъ сборникѣ“ В. Н. Добровольскаго, вышедшемъ послѣ изслѣдованія Веселовскаго (ч. I, Спб. 1891, стр. 224 и слѣдующ.). Примѣч. Редакціи

№ 5. Первый человекъ.

Первые люди—Адамъ и Ева—были безгрѣшны и безсмертны и жили въ раю или въ прекрасномъ саду. Но они не долго пробыли въ этомъ блаженномъ состояніи, они согрѣшили и преступили заповѣдь Божию тѣмъ, что скушали по яблочку съ запрещеннаго древа въ раю. За это Богъ изгналъ людей изъ рая и люди сдѣлались смертными. У Адама было много дѣтей:—сыновей и дочерей; старшаго сына звали—Каинъ, а второго—Авель. Какъ звали остальныхъ сыновей и дочерей Адама, то неизвѣстно. Каинъ пасъ скота и занимался охотой; онъ мало жилъ дома, все больше бродилъ по лѣсамъ и болотамъ и перегонялъ свои стада съ одного мѣста на другое. Авель же жилъ при домѣ своего отца и занимался хлѣбопашествомъ.

Однажды Каинъ и Авель стали приносить Богу жертву:—Каинъ закололъ барана, а Авель принесъ плодовъ. Богъ принялъ жертву Авеля, а жертву Каина не принялъ. Позавидовалъ Каинъ своему брату Авелю и убилъ его. И вотъ въ семьѣ перваго человека появился первый покойникъ. И не знаютъ люди,—что же дѣлать съ покойникомъ и куда его дѣвать. Люди еще не умѣли рыть могилы и зарывать покойниковъ въ землю.

Задумались Адамъ и Ева и вдругъ увидѣли,—прилетѣли двѣ птички и стали между собою драться; одна птичка забила другую на смерть и мертвая птичка покатила на землю. Тогда живая птичка лапками вырыла въ землѣ ямку, затащила туда мертвую птичку и лапками же стала загребать землю и засыпать убитую и такъ ее погребла, и сама улетѣла. Тутъ только Адамъ и Ева сообразили, что надо дѣлать съ ихъ покойникомъ и научились зарывать мертвыхъ въ землю.

Взялъ Адамъ заступъ и началъ рыть въ землѣ могилу для сына своего Авеля. Вдругъ явился Сатана и сказалъ Адаму:—Зачѣмъ ты копаешь землю:—земля моя!—Адамъ отвѣтилъ Сатанѣ:—Нѣтъ, земля не твоя, а моя, мнѣ Богъ ее благословилъ и повелѣлъ мнѣ охранять ее и воздѣлывать.

Заспорили Адамъ съ Сатаной и долго спорили. Наконецъ, Сатана и говоритъ Адаму:—„Ну, давай съ тобой любовно сойдемся и миромъ подѣлимся:—вѣсь живые люди будутъ твои, а мертвые люди будутъ мои“.—Адамъ думаетъ:—,какой толкъ въ

мертвомъ тѣлѣ? Пускай Сатана беретъ мертвыхъ людей, а мнѣ оставить живыхъ:—изъ-за мертвыхъ людей не стоитъ ссориться и спорить съ Сатаной.—И согласился Адамъ на предложеніе Сатаны и принялъ раздѣлъ. Сатана опять говорить:—давай мнѣ твое рукописаніе въ томъ, что ты принялъ такой раздѣлъ.—И Адамъ далъ Сатанѣ свое рукописаніе.

Съ этого времени пошло такъ, что все люди,—и праведные и грѣшныя,—послѣ ихъ смерти попадали въ адъ во власть Сатаны. Лишь Иисусъ Христосъ послѣ своей крестной смерти, сойдя въ адъ,—тамъ разодралъ рукописаніе Адама и вывелъ праведныя души изъ ада въ рай ¹⁾.

Записано отъ Л. Л. Заякина.

П. А. Городцовъ.

Масляница въ Пошехонскомъ уѣздѣ

(дер. Кладово, Давыдовской волости ²⁾).

Прежде чѣмъ описывать масляницу въ Кладовѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Кладовѣ и нѣкоторыхъ чертахъ крестьянскаго быта, отразившихся на пережиткахъ старины, вѣрнѣе на полномъ почти забвеніи ихъ.

Деревня Кладово лежитъ на рѣкѣ Согожѣ, 18-ю верстами выше Пошехонья. Среди другихъ, окружающихъ ее деревень, она отличается нѣкоторыми преимуществами. Прежде всего, здѣсь на рѣкѣ издавна существуетъ большая водяная мельница, пользующаяся довольно широкой извѣстностью подъ именемъ кладовской. При ней находится пильня, толчея и маслобойня. Мельница обслуживаетъ районъ верстъ 15—20 въ діаметрѣ. Нужно сказать, впрочемъ, что районъ этотъ не является сплошнымъ кругомъ: въ 7 верстахъ отъ Кладова, вверху, есть другая мельница—уваровская или просто „уваровка“, и съ этой стороны кладовскій районъ

¹⁾ Вариантъ извѣстныхъ апокрифовъ, проникшихъ въ народъ. Ред.

²⁾ Въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“ были помѣщены А. В. Балова: Очерки Пошехонья („Этн. Обзор.“, XXXV: 57—76; XXXIX, 69—81, 88—92; XL—XLI: 193—224; LI: 81—135). Специально масляницѣ посвящены стр. 131—132 въ II книгѣ. Прилагаемый очеркъ г-на Огурцова является дополненіемъ къ очеркамъ Балова. Ред.

равно кончается. Книзу отъ Кладова мельницъ нѣтъ до Пошехонья, и въ эту сторону районъ простирается дальше, захватывая обѣ стороны рѣки. Но больше всего тяготеетъ къ Кладовской мельницѣ уголъ около большой дороги по направленію къ Семеновскому.

Мельница дѣлаетъ Кладово центромъ округа, что отличаетъ его отъ другихъ деревень, имѣющихъ болѣе захолустный характеръ. Въ связи съ мельницей получаетъ большое значеніе одно обстоятельство. По Согожѣ каждую весну „гонять молѣмъ“ лѣсъ, и въ прирѣчныхъ деревняхъ, мимоходомъ, массами останавливаются „сгонщики“, болѣею частью „мормужана“ (жители Мормужинскаго прихода, 20-ю верстами ниже Пошехонья), а часто и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Лѣсъ идетъ до іюня, и на обмелѣвшей рѣкѣ образуются „стѣры“. Весь большой омутъ кладовской мельницы въ это время бываетъ забитъ лѣсомъ, а кверху сторъ простирается иногда на нѣсколько верстъ. Естественно, что недѣли на двѣ „кладовскій берегъ“ обращается въ оживленный бивуакъ „збѣншыковъ“. Цѣлыми днями несется „дубинушка“, и Кладово на это время оживаетъ¹⁾.

И вообще, въ періодъ гонки лѣса, толпа сгонщиковъ съ баграми на плечахъ—обычное явленіе въ каждой прирѣчной деревнѣ, а для Кладова это явленіе можно назвать специфическимъ.

Наконецъ, Кладово стоитъ хотя и не на большой, но все же проѣзжей дорогѣ къ Пошехонью. Въ то время, какъ черезъ соседнюю деревню Починокъ, не проѣзжаетъ въ городъ почти никто,—черезъ Кладово каждый базарный день проѣзжаютъ десятки подводъ.

Вотъ тѣ внѣшнія условія, которыя сообщили описываемой деревнѣ извѣстную фізіономію въ смыслѣ большей „культурности“, какъ мѣстному центру, передающему свои культурныя пріобрѣтенія окружающимъ деревнямъ.

Внутренняя жизнь Кладова обусловливается, конечно, занятіями его жителей, поэтому я опишу въ общихъ чертахъ эти занятія²⁾.

1) Если рѣка обмелѣла настолько, что нѣтъ никакой возможности вытолкать лѣсъ баграми, то лѣсопромышленникъ покупаетъ у мельника прудъ, т.-е. за извѣстную сумму мельникъ обязуется „накопить прудъ“ и отдать его въ полное распоряженіе лѣсопромышленника.

2) См. у г. Балова: XL—XLI, ст. 193—197.

Главное занятіе—землепашество. Папуть „косулями“, которыя за послѣднее время вытѣсняются постепенно одноконнымъ плугомъ. Издавна, какъ подмога землепашеству—„крестьянству“—существуютъ отхожіе промыслы, главнымъ образомъ плотничье ремесло. Плотничаютъ исключительно въ своихъ краяхъ, въ предѣлахъ одной—двухъ волостей, иногда, впрочемъ, и „подъ городомъ“ и даже въ самомъ Пошехоньѣ. Что касается другихъ отраслей промысла, то здѣсь нужно указать прежде всего портновское ремесло. Портныхъ можно раздѣлить на 2 категоріи. Одни живутъ дома и сами ведутъ „крестьянство“, другіе—„по Питеру“. Къ послѣднимъ относится большею частью молодежь. Проживъ безвыѣздно въ Питерѣ пять лѣтъ „въ мальчикахъ“ (обычная норма), они начинаютъ работать въ качествѣ мастеровъ и съ этихъ поръ каждое лѣто пріѣзжаютъ въ деревню до осени. Это—элементъ, несущій въ деревню городскую культуру. „Питерякъ“ возвращается домой совершенно неузнаваемымъ. Говоритъ онъ уже не по-деревенски, а по-питерски—„свысока“, одѣтъ—по-модѣ, настоящимъ франтомъ: костюмъ—съ иголки, шляпа, трость, цѣпочка. Подкатываетъ, возвращаясь изъ Питера, всегда „на колокольчикахъ“, какъ говорятъ кладовскіе ребятишки, т.-е. на тройкѣ, иначе его питерское самолюбіе будетъ очень задѣто.

Разумѣется, все это не остается безъ вліянія на деревенскихъ парней, и по праздникамъ ни одного изъ нихъ не увидишь иначе, какъ „въ пинжакѣ, брюки навывпускѣ“¹⁾.

Портные, живущіе дома, обслуживаютъ, обыкновенно, небольшой районъ, верстъ 5 въ діаметрѣ и даже меньше. Въ такомъ районѣ, собственно говоря, всегда бываетъ нѣсколько портныхъ. Работаютъ они по большей части въ томъ домѣ, откуда получаютъ заказъ. Такому передвиженію не мѣшаетъ ручная швейная машина, имѣющаяся у каждаго портного, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кто имѣетъ ножную. Эти послѣдніе, разумѣется, исполняютъ заказы у себя на дому.

Изъ другихъ видовъ „подмоги“ можно назвать ремесла: валяльное (теплые сапоги), сапожное, столярное. Эти ремесла—исключительно домашняго характера и существуютъ не какъ кустарные

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, что въ послѣднее время кладовцы стали „прошше“.

промыслы, а лишь удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ въ видѣ исполненія единичныхъ заказовъ. Въ Кладовѣ существуетъ лишь одинъ кустарь, который въ теченіе зимы дѣлаетъ (и то не постоянно) „лукошка“ и сбываетъ ихъ на мѣстныхъ ярмаркахъ.

Только что указанные ремесла не такъ характерны для кладовскаго района, какъ отмѣченные выше плотничество и портновское ремесло.

Чтобы картина кладовской жизни была полнѣе, слѣдуетъ сказать о маслодѣліи, которое представляетъ характерную черту всего уезда. Крестьяне „продаютъ“ молоко предпринимателю, тотъ ставитъ въ подходящемъ пунктѣ „сыроварню“¹⁾, водворяетъ въ ней „сыровара“. Въ Кладовѣ лѣтъ 15 существуетъ такая „сыроварня“. Она не является единственной для округи, т. к. маслодѣліе оказалось въ былыя времена такой приманкой, на которую набросились всѣ деревенскіе торгаша. Кромѣ Кладова, существуютъ „сыроварни“ еще въ двухъ деревняхъ, лежащихъ по разнымъ сторонамъ отъ него на разстояніи, не болѣе 1 версты.

Въ самомъ Кладовѣ не болѣе 5 лѣтъ назадъ конкурировали 2 маслодѣла, стараясь „перебить“ молоко и въ сосѣднихъ деревняхъ. Мѣстный маслодѣль въ концѣ-концовъ не выдержалъ конкуренціи и разорился. Теперь здѣсь орудуетъ пошехонскій (побѣдитель), стягивая въ одинъ пунктъ молоко еще изъ двухъ сосѣднихъ деревень.

„Сыроварня“ имѣетъ большое значеніе во внутренней жизни деревни, но нельзя сказать, что хорошее. Въ силу обстоятельствъ она обращается въ единственное общественное мѣсто деревни, если не имѣетъ себѣ противовѣса въ видѣ школы, читальни и т. п. Въ Кладовѣ не было школы до послѣдняго времени, и „сыроварня“ дѣлала свое дѣло на полномъ просторѣ. Для молодежи это былъ своего рода клубъ, гдѣ процвѣтало пьянство, карточная игра, флиртъ самаго беззащитнѣваго свойства, пока дѣло не доходило до жалобъ со стороны крестьянъ хозяину маслодѣльни.

Сдѣлавъ этотъ предварительный очеркъ, я приступаю къ изложенію самой масляницы.

¹⁾ Неправильно установившееся названіе вмѣсто маслодѣльни.

Масляница или, по мѣстному, „маслѣнца“ проходитъ въ Кладовѣ довольно оживленно. Еще за долго до нея „робятишка“ приготавливаютъ свои „скачки“, или „стоянки“, а дѣвчѣнки—свои лодки. Скачокъ, или стоянка, представляетъ родъ небольшой скамейки, чаще о трехъ ножкахъ, укрѣпленныхъ неподвижно на доскѣ съ приподнятымъ переднимъ краемъ, чтобы можно было свободно катиться съ горы. „Лодка“¹⁾ родъ неглубокаго корыта съ округленнымъ переднимъ краемъ, какъ у „скачка“. Чтобы скачокъ и лодка легче скользили,—ихъ „подмазываютъ“, т. е. на поверхность, соприкасающуюся съ землей, довольно толстымъ слоемъ (1—1½ см.) намазываютъ теплымъ коровьимъ каломъ. Затѣмъ даютъ подмазкѣ замерзнуть, сглаживаютъ ее скобелемъ и „подлеваютъ“ холодной водой. Получается очень скользкая поверхность, и скачокъ можетъ быстро катиться даже съ небольшого возвышенія. Каль употребляютъ ради прочности: снѣговой ледъ хрупокъ и дробится при первомъ ударѣ. Стоянки и лодки подливаютъ каждый день, чтобы они успѣшно выполняли свое предназначеніе.

„Съ понедѣльника“ масляной недѣли въ Кладовскомъ „рѣбѣжѣ“²⁾ начинается ежедневно часовъ съ 4—5 вечера оживленное катанье. Рубежъ, къ досадѣ провѣзжихъ мужиковъ, кипитъ дѣтми различнаго возраста, начиная съ 7 лѣтъ. Подъ сумерки собираются „робята“ и „дѣвки“. Появляется большой скачокъ, помѣщающій на себѣ человекъ до дюжины, и катанье дѣлается еще веселѣе и шумнѣе. Оно прерывается лишь темнотой ночи. Тогда всѣ возвращаются въ деревню. „Гормонья“, до сихъ поръ лежавшая на снѣгу, къ большому соблазну ребятишекъ, теперь пускается въ ходъ, и въ воздухѣ повисаетъ дружная частушка. Въ деревнѣ расходится не сразу. Толпа медленно идетъ вдоль деревни, пересыпанная веселый смѣхъ съ подмывающей частушкой. „Челеда“ (дѣти обоего пола) шныряетъ тутъ же со своими скачками и лодками, пока строгій голосъ „батька“ не позоветъ домой.

Такъ продолжается до субботы.

¹⁾ По мѣстному „лотка—лоточка“, подобно тому какъ. „лошка—лошечка“. Но эти слова, кажется,—единственные съ такимъ произношеніемъ.

²⁾ Рѣбежомъ здѣсь вообще называютъ глубокой прорывъ горы (возвышеннаго берега). По одному изъ такихъ „рѣбежей“ проходитъ дорога изъ Кладова на рѣку. Въ этомъ-то рубѣжѣ и происходитъ катанье.

Напрасно стали бы мы искать въ этомъ масляничномъ весельѣ признаковъ той масляницы, которая имѣла особый смыслъ для нашихъ далекихъ, а быть можетъ и не очень далекихъ, предковъ. Теперь это просто веселье, какое мы можемъ наблюдать въ любой праздникъ, съ добавленіемъ лишь нѣкоторыхъ специальныхъ пережитковъ старины. Самое катанье не представляетъ особенности масляницы. Правда, оно проявляется въ масляницу интенсивнѣе, но „челеда“ катается въ рубежѣ почти всю зиму, заканчивая лишь масляницей. Масляница не связана въ представленіи кладовцевъ ни съ какой религіозной идеей, кромѣ развѣ той, что въ масляницу „грѣхъ хлебать мясныи шти“. Но это напоминаніе о постѣ заглушается различными другими позволеніями, и кладовцы, какъ могутъ, удовлетворяютъ себя другими лакомствами: „нахлѣбываются на пось молока“, „мачуть треску“¹⁾, жарятъ сельди и пекутъ „пряженіки“. Молоко фигурируетъ всю недѣлю, у кого отелились къ этому времени коровы, а остальные вещи появляются главнымъ образомъ съ четверга. Съ этого дня начинается „масленца“ въ собственномъ смыслѣ. „Робятиска“ ходятъ въ въ этотъ день по деревнѣ и собираютъ „ерши“, т. е. старые чуни и опорки. „Ерши“ необходимая принадлежность кладовской масляницы. Въ одномъ изъ заулковъ попросторнѣе, гдѣ обычно собирается больше всего народа, вколачивается грѣшная „тычка“ и къ ней привязывается веревка, длиной аршина въ три. Затѣмъ тычка обкладывается ершами—и игра готова. Одинъ изъ ребятишекъ беретъ за конецъ веревки и оберегаетъ „ерши“ („водится“, т. е., по терминологіи игры, водить). Остальные стараются расчехать ихъ ногами, но такъ, чтобы не попасть подъ ударъ „вожатаго“. Вожатый пользуется всякимъ случаемъ, чтобы „осалить“ кого-нибудь изъ участниковъ игры. Пускаются въ ходъ все уловки. Напр., дѣлая безпечный видъ и уйдя на всю длину веревки, онъ подзадаривающе припѣваетъ:

Ерши хороши,
ерши маслени,
перемаслѣни.

И неожиданно бросается на того, кто слишкомъ увлекся соб-

¹⁾ Т. е. готовятъ треску въ видѣ полужидкой массы (кромѣ трески участвуетъ вода и мука) которую макаютъ (мачуть) кусками черного хлѣба.

лазномъ „чѣкнуть хорошѣнькѣ“. Сколько напряженнаго вниманія, выдержки, ловкости требуетъ игра! Иногда какой-нибудь ловкачъ разомъ „выстрѣвваётъ“ полгруды у вожатаго. Плохо вожатому, если онъ растеряетъ всѣ ерши, никого не осадивъ. Тогда онъ обязанъ пробѣжать установленное пространство, а всѣ другіе, запасшись предварительно каждый однимъ чуномъ, бросаютъ въ спину проигравшаго вожатаго.

Играютъ „въ ёрші“ (или, иначе, ёршамъ) не только „робятишка“, но и „робята“ и даже мужики. Игра въ ерши не прерывается до воскресенья включительно. Эта игра составляетъ почему-то особенность кладовской масляницы. Въ другихъ деревняхъ этой игры не существуетъ.

Опишу еще одну черту масляницы, общаго характера, но связанную съ Кладовомъ, какъ съ мѣстнымъ центромъ.

Въ субботу здѣсь пролеходитъ „катанье“ на лошадяхъ. Часовъ съ 11—12 начинаютъ собираться изъ другихъ деревень, часто верстъ за 15—20 отъ мѣста катанья. Здѣсь концентрируется весь шикъ и блескъ современной деревни. Легкія санки, шикарная сбруя, лисьи шубы, дѣвичьи „шубки“ и „шляпки“—словомъ полная пестрота. Катаются въ два ряда, по краямъ которыхъ, въ одномъ концѣ деревни, стоятъ тѣсныя и такія же пестрыя толпы дѣвицъ. Ихъ катаютъ „молодцы“, выбирая изъ толпы всегда знакомыхъ и „любыхъ“. Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ кучки бабъ и мужиковъ. Эти просто „глядятъ на катанье“. Около каждой изъ этихъ группъ можно услышать одни и тѣ же замѣчанія, относящіяся къ „злобѣ дня“.

— Гли-го, наша Параха съ Митрѣвымъ парнемъ катается — слышится неравнодушный голосъ какой-нибудь „матки“.

— Итѣ, милая...

А въ другомъ мѣстѣ мужики положительно разсуждаютъ на тему:

— Какіи санки Иванъ Петровъ сыну купилъ!

Въ третьемъ восхищаются лисьей „чуйкѣй“ (шубой) какого-нибудь „славника“ или любятъ шляпкой Матрениной дочкы. А въ четвертомъ порицаютъ разгулявагося „самознашка“, мучащаго несчастную лошадь. Пищи для разговоровъ и смѣха зрителей вполне достаточно. Здѣсь можно насмотрѣться различныхъ сценъ, начиная съ безшабашнаго бахвальства разгулявагося

славника въ липсей шубѣ, до крови раздирающаго ротъ лошади, и кончая обычной пьяной сценкой въ русскомъ духѣ.

Нерѣдко можно наблюдать характерную бытовую сценку. Расходившаяся баба отнимаетъ лошадь и санки у сына съ молодой женой за то, что онъ оказалъ больше почтенія „тешшѣ, а не родной маткѣ“.

Раньше, лѣтъ 20—15 назадъ, катанье происходило въ теченіе двухъ дней: субботы и воскресенья. Теперь въ воскресенье собираются въ другой деревнѣ, „за рѣкой“, верстахъ въ 10—12 отъ Кладова—Юдинѣ, которое, подобно Кладову, представляетъ собою центръ зарѣчнаго района, расположеннаго выше по Согожѣ.

Катанье только что описаннаго рода—характерная черта масляницы въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Въ самомъ Пошехонѣ во вторникъ масляной недѣли собирается масса народу „на кочку“¹⁾. Это просто—гулянье. И притомъ преимущественно гулянье „молодыхъ“, т. е. недавно женившихся. Разумѣется, это не исключаетъ присутствія „на кочкѣ“ „всякой публики“. И здѣсь можно наблюдать всевозможныя сцены, особенно на площади (самое гулянье происходитъ на главной, Ярославской, улицѣ) и часто въ духѣ добраго стараго времени.

— Жона, што нога говоритъ?

— Розуть велить.

Къ чести пошехонцевъ слѣдуетъ сказать, что подобныя факты вызываютъ съ ихъ стороны отрицательное отношеніе.

Въ послѣдніе дни недѣли въ Пошехонѣ происходитъ катанье по образцу кладовскаго, только, разумѣется, въ большихъ размѣрахъ. Сѣвернѣе Пошехонья бываетъ еще большое катанье въ торговомъ селѣ Семеновскомъ. Я указалъ здѣсь не все пункты, въ которыхъ происходитъ „катанье“, а лишь извѣстные мнѣ. Такъ, сѣвернѣе же Пошехонья лежитъ торговое село Владычное („Владышня“, „Владышно“), о которомъ я не имѣю свѣдѣній. Южнѣе катанье происходитъ въ Семендинѣ (дер. около с. Мор-мужина).

Въ послѣднее время замѣчается, что мѣстные центры, въ родѣ Кладова, такъ сказать, разсасываются болѣе крупнымъ, какъ Пошехонье и Семеновское.

¹⁾ См. у Балона „Этн. Об.“ LI, 131. *Ред.*

Въ дѣтствѣ я наблюдалъ еще такой случай. Среди катающихся появился вдругъ необыкновенный пассажиръ на клячонкѣ, запряженной въ старыя худыя „кресла“ съ рванымъ постельникомъ, на которомъ, въ качествѣ сидѣнья, лежала солома, покрытая дыривой дерюгой ¹⁾. Сбруя на лошади была умышленно невзрачная. Дуга—„худая“ съ привязанными кверху вѣвниками вмѣсто колоколець. Странный пассажиръ былъ одианъ изъ мужиковъ, особенно славившихся умѣньемъ „наряжаться ряженымъ“ въ святки. Въ ансамбль съ экипажемъ одѣтъ онъ былъ въ рваный армякъ, а на головѣ у него, вмѣсто шапки, сидѣла какая-то странная шляпа: „пыдилында“ ²⁾ съ привязаннымъ пучкомъ ржаной соломы. Къ общему удовольствію зрителей, „ряженный“ проѣхалъ по деревнѣ одинъ разъ и исчезъ.

Теперь такого явленія на масляницѣ, пожалуй, не встрѣтитъ, а раньше оно было, очевидно, обычнымъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ говорятъ и рассказы стариковъ.

Кромѣ того, были въ ходу и другія формы „ряженія“. Такъ, мнѣ пришлось слышать любопытный рассказъ о томъ, какъ послѣ освобожденія крестьянъ одинъ (мастеръ своего дѣла) нарядился въ масляницу „писаремъ“ или вообще какимъ-то глашатаемъ. Верховъ на лошади, сдѣланной изъ палки, онъ развѣзжалъ съ бумагой въ рукахъ и „смѣшно больно набиралъ да складно“ про господъ, про бурмистровъ и прочихъ притѣснителей, къ злобѣ тутъ же стоявшей „барони“ (барыни).

Теперь изрѣдка въ масляницу наряжаются дѣвки „цыганамъ“, заходя въ каждую избу и прося чаю и сахару. Это происходитъ обыкновенно въ субботу или въ воскресенье передъ развѣздомъ катающихся домой.

Лѣтъ 15—20 назадъ это хожденіе цыганъ было обычнымъ, а теперь забывается.

Перехожу къ описанію обычая, сохранившагося отъ сѣдой старины,—сжиганію масляницы. Въ воскресенье, часовъ съ 12 дня ребятишки запасаются нѣсколькими большими салазками и начинаютъ „собрать масленцу“. На сколько обычай сжиганія масляницы потерялъ теперь значеніе въ глазахъ народа, видно

¹⁾ Срв. у Балова верховыхъ въ разорванной одеждѣ. LI, 131. Ред.

²⁾ Родъ большой воронки, плетеной обычно изъ корней ввы.

изъ того, что выполненіе этого обычая, еще на monkъ глазахъ имѣшаго болѣе серьезное значеніе, все больше и больше становится дѣтской привилегіей. Мужики и бабы жалѣютъ даже дрова на масляницу, и „робятишкамъ“ приходится сильно изощряться, чтобы набрать солидное количество матеріала. Зато не жалѣютъ старыхъ плетней ¹⁾ и вѣшниковъ.

Собранный матеріалъ свозится въ поле, недалеко отъ деревни и сваливается вблизи дороги. Затѣмъ изъ него дѣлаютъ высокій костеръ. При этомъ сначала кладутъ дрова, въ нихъ укрѣпляютъ шесть и на него уже накладываютъ старые плетни. Чѣмъ больше матеріала, тѣмъ „масленца“ солиднѣе и тѣмъ больше привлечетъ зрителей. Въ сооруженіи ея участвуютъ и „большіи робята“. „Масленца“ приноситъ всемъ большое разочарованіе, если въ ней не участвуетъ „лагушка“ изъ подъ дегтя, зажигаемая обычно на высококомъ шестѣ. Передъ сумерками сооруженіе „масленцы“ уже готово. Робята и робятишки стараются не прозѣвать, когда зажжется масляница въ сосѣднихъ деревняхъ, и какъ только хотя въ одной деревнѣ показался огонь на полѣ, сейчасъ же поджигаютъ и у насъ. Иногда зажигаютъ и первыми. Но всегда, „другъ на дружку“, во всехъ окружающихъ деревняхъ масляницу жгутъ одновременно.

Во время зажиганія около „масленцы“ никого нѣтъ, кромѣ „робятъ и робятишекъ“, да еще развѣ дѣвчонки жмутся на дорогѣ. Но вотъ затрещали вѣшники, пламя охватило плетни подъ общій крикъ присутствующихъ, и отъ деревни кучками направляются дѣвки, бабы, мужики.

„Лагушка“ надѣвается на шесть и зажженная водружается на немъ. Вокругъ костра уже толстое кольцо зрителей. Шутки, остроты такъ и сыплются.

— Что, баушка Матрена, али погрѣться пришла, острить какой-нибудь шутникъ.

— Стой знай, шатунъ эдакой,— строго отвѣчаетъ бабушка Матрена. Ей не нравятся, очевидно, что „масленца“ справляется

¹⁾ Плетень (муж. р.)—круглая корзина, съ 4-хъ уг. дномъ, сдѣланная изъ драни и служащая для ношенія корма скоту. Къ верхнему, прочному краю плетня привязывается короткая веревка, на которой и носятъ плетень черезъ плечо (на спинѣ).

„по-новѣшному“, безъ достаточной степенности, а все съ шутками да насмѣшками.

Дѣвцы затянули уже пѣсню, какая на умъ придетъ, только не частушку. Нѣкоторыя изъ бабъ и мужиковъ подтягиваютъ, а „новѣшныи робята“, кромѣ частушекъ, ничего не знаютъ за исключениемъ немногихъ, поэтому просто „дурачатся“. То начнутъ снѣгомъ бросаться, то дѣвокъ валять въ снѣгу. Ребятишки тоже по обыкновенію, „балуютъ“. Заражаются общимъ духомъ и мужики. Нѣтъ-нѣтъ да и повалить какой-нибудь озорникъ чужую бабу въ снѣгъ. Нѣкоторые трунятъ надъ ребятишками.

— Ванька, гледи: изъ лагушки молоко каплетъ.

Семилѣтній „Ванька“ съ удивленіемъ смотритъ на лагушку, возбуждая общій смѣхъ близстоящихъ.

— Вотъ те и молоко, бѣги скорѣй къ маткѣ, а то ничего не останется!

Ванька подбѣгаетъ „къ маткѣ“ и начинаетъ ее теревить къ удовольствію шутниковъ.

Но вотъ пламя затихаетъ, и зрители мало-по-малу расходятся. Около догорающей масляницы остаются лишь ребятишки и то не надолго: дома молоко выхлебаютъ. Они забрасываютъ снѣгомъ костеръ и бѣгутъ въ деревню.

Всѣми сразу овладѣваетъ настроеніе поста, когда „съ масленцы“ расходятся по домамъ.

— Проститѣ мня Христа ради,—обращается баба или «степенный мужикъ» ко всѣмъ, уходя домой.

— Прости Христа ради! Насъ прости!—слышится въ отвѣтъ. Отъ масленичной веселости не остается и слѣда.

Н. Огурцовъ.

Критика и библиографія.

Sébillot, P. Le paganisme contemporain chez les peuples celtolatins. P. 1908 — 18°. (Encyclopédie scientifique publiée sous la direction du D-r Toulouse. Bibliothèque d'Anthropologie. Directeur D-r Papillault. Doin éditeur).

Прежде чѣмъ остановиться на новомъ трудѣ Себилло, намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о новомъ научномъ изданіи, однимъ изъ первыхъ томовъ котораго является книжка съ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Подъ общей редакціею г. Тулуза задумана обширная энциклопедія — отличіе которой отъ обычной формы всѣхъ энциклопедій будетъ заключаться въ томъ, что она будетъ состоять изъ ряда монографій, выпускаемыхъ въ свѣтъ отдѣльными книжками. Преимущество такого характера изданія заключается въ томъ, по указанію издателей, что такая энциклопедія представляетъ изъ себя нѣчто законченное, но всегда можетъ пополняться сообразно росту каждой отдѣльной науки. Все изданіе дѣлится на отдѣлы: Bibliothèques; редактированіе cadaго отдѣла принадлежитъ виднымъ представителямъ научной мысли во Франціи. Всѣхъ томовъ (страницъ около 400 каждый) предполагается выпустить свыше 1000.—Этнографамъ интереснѣе другихъ являются тома отдѣла: Bibliothèque d'Anthropologie. Антропология понимается редакціею какъ „наука о человѣческихъ группахъ, которая, желая достигъ точнаго и полнаго знанія ихъ природы, ихъ функціонированія и нуждъ, пользуется всѣми отдѣльными отраслями наукъ, имѣющихъ задачей изученіе коллективныхъ явленій въ человѣчествѣ“. Въ антропологию, такимъ образомъ, входитъ и „сравнительное изученіе нравовъ и обычаевъ, называемое этнографіею во Франціи, Бельгійи и Англии и этнологіею въ Германіи и Америкѣ, термины невѣрные, такъ какъ они означаютъ изученія народовъ, между тѣмъ какъ изучается пре-

пмущественно цивилизація“ (редакція находитъ болѣе подходящимъ терминъ этнологія, хотя, повидному, и не настаиваетъ на немъ). Въ *Bibliothèque d'Anthropologie* предполагаются между прочимъ (всѣхъ томовъ—48) выйдутъ слѣдующія книжки: *L'Écriture. — La Musique. — La Poésie et le Chant. — Le Vêtement et la Parure. — La Chasse, la Pêche et l'Agriculture. — Le Folk-Lore. — Les Nègres d'Afrique. — Les Amérindiens. — Les Peuples de l'Inde. — Les Slaves et peuples apparentés. — Peuples guerriers et pacifiques. — Les Formes gouvernementales et les Groupes humains correspondants. — Les Castes et les Classes sociales chez les peuples sauvages et civilisés. — Les Formes de la famille. — Les différents mythes dans les croyances religieuses. — Les associations religieuses chez les peuples sauvages.*—и др.

Первыми томами *Bibliothèque d'Anthropologie* являются труды: *Zaborowsky, Les peuples aryens de l'Asie et de l'Europe* и *Sébillot, Le paganisme contemporain*. Въ настоящее время мы останавливаемся только на последнемъ трудѣ, за научную цѣнность котораго ручается почтенное имя автора. Себильо—неутомимый этнографъ собиратель въ области духовной культуры крестьянскаго населенія Европы, преимущественно Франціи. Перу его принадлежатъ 18 сборниковъ сказокъ, повѣрій, обрядовъ и пр.—изъ нихъ *Le Folk-Lore de France* состоитъ изъ четырехъ томовъ. Въ краткомъ предисловіи къ своему новому сборнику—*Le paganisme contemporain*—Себильо дѣлаетъ краткій обзоръ собранія фольклористическихъ данныхъ во Франціи. Лишь церковныя проповѣди, постановленія церковныхъ соборовъ и пр. говорятъ въ началѣ среднихъ вѣковъ ясно о царившихъ въ народѣ суевѣріяхъ, составлявшихъ подпочву „христіанской“ его вѣры (*une sorte de sousreligion*)—напримѣръ, извѣстная проповѣдь св. Элгія VII-го в. Лишь въ концѣ XV-го в. появляются *Les Évangiles des Quenouilles*, книжка, въ которой этнографъ можетъ почерпнуть цѣнные данныя о суевѣріяхъ мелкой буржуазіи того времени. Въ 1679 г. вышла книжка *Thiers, curé de Champrond, Traité des superstitions*; въ біографіи миссіонера *Michel Le Nobletz (1614—1620)* указываютъ на суевѣрія, съ которыми имѣлъ дѣло проповѣдникъ. XVIII-ый вѣкъ очень бѣденъ фольклористическими трудами. Лишь въ началѣ XIX-го в. начинается пониматься важность собранія народныхъ обычаевъ и произведеній народн. творчества;—движеніе въ пользу собранія все разрастается, особенно послѣ 1850 г. и съ 70-хъ гг. XIX-го в. Вѣрованья и

преданія, выражающіяся въ обрядахъ, дѣйствіяхъ и формулахъ, остатки натуралистическихъ культовъ или измѣненія болѣе развитыхъ религій, бытующихъ въ качествѣ переживаній у народовъ цивилизованныхъ, Себилю объединилъ въ книжкѣ, названной имъ „Современное язычество“. Часть матеріала вышла уже въ сборникѣ *Folk-lore de France*; большая часть, принадлежащая другимъ народамъ Европы, извлечена авторомъ изъ книгъ и периодическихъ изданій, гдѣ, какъ извѣстно, данныя иногда очень важныя, нерѣдко остаются надолго затерянными. Обширный библиографическій указатель, приложенный къ концу книги, говоритъ краснорѣчиво о трудѣ автора, а предметный указатель—объ обширности матеріала, который найдетъ этнографъ въ этомъ томикѣ *Encyclopédie Scientifique*. Мы ограничимся указаніемъ на заглавія отдѣльных главъ: Беременность. Рожденіе. Дѣтство. Молодость и любовь. Бракъ. Болѣзнь. Смерть. Жилище. Лодки и суда. Хлѣвъ и курятникъ. Земледѣліе. Деревья. Свѣтила. Метеоры. Воды. Земля и камни.

Намъ хотѣлось бы остановиться нѣсколько подробнѣе на приложеніи—„Язычество въ церквахъ“, которымъ заканчивается книжка. Какъ извѣстно, по культу христіанской церкви, къ церквамъ, и часовнямъ и пр. прикрѣплены во многихъ странахъ Западной Европы многочисленныя суевѣрія. Съ ними церковь, по замѣчанію Себилю, особенно сильно и не боролась, если они не касались таинствъ (р. XXII). Обряды и суевѣрія, связанныя съ христіанскимъ культомъ, однако, сравнительно мало изслѣдованы и записаны—этотъ упрекъ можно сдѣлать и русскимъ этнографамъ. Намъ хотѣлось бы указать нѣкоторыя изъ приведенныхъ Себилю данныхъ, которыя, можетъ быть, натолкнутъ и нашихъ этнографовъ на собраніе свѣдѣній изъ этой области фольклора. Обходъ (иногда трое-девяти-кратный) церкви играетъ роль во многихъ обрядахъ—(р. 140—141) съ цѣлью леченія, достиженія благосостоянія для скота, богатства. Чтобы сдѣлаться колдуномъ, надо было (въ Корнуэльсѣ) въ полночь обойти церковь трижды съ облаткой причастія въ рукахъ; появлялась огромная жаба, ей давали въ ротъ облатку. Жаба дула на человѣка—и онъ становился колдуномъ (р. 318). Мы позволяемъ себѣ напомнить нашу замѣтку „О преданіяхъ про животныхъ, живущихъ при храмахъ“,—Э. О., 1907 1—2. LXXII—LXXIII. Къ церквамъ хо-

дать узнавать о будущем—видятъ свой гробъ (р. 319—321). Известно русское гаданье на святкахъ: ночью слушаютъ у дверей церкви, не слышно ли внутри пѣнія „Исаія ликуй“ или „Со святыми упокой“. Имѣютъ особую силу части церковныхъ строеній, щепы, обломки стѣнъ и пр. (р. 320, 140). Особенно дѣйственно первое посѣщеніе какойнибудь церкви (р. 322, 143) для исцѣленія болѣзни, для исполненія желанія. Последнее вѣрованье встрѣчается и въ Россіи. Придается особенное значеніе известному числу обѣденъ—тремъ, девяти—во исполненіе желанія, (р. 323—324). Напомню аналогичную вѣру въ дѣйственность девятикратнаго посѣщенія опредѣленной часовни, напр. часовни Иверской Б. М., двѣнадцати молебновъ въ часовнѣ муч. Пантелеимона въ Москвѣ; какъ средство отъ порчи, предлагаютъ служить тринадцать молебновъ—изъ нихъ большинство святымъ дѣлителямъ (зап. въ Москвѣ). Три свѣчи, три церкви, троекратное знаменіе креста имѣютъ особую силу. Въ Москвѣ до сихъ поръ считаются предохраняющими домъ отъ несчастія на годъ три просфоры, вынутыя въ день Благовѣщенья въ трехъ разныхъ церквахъ. Предметы спрятанные подъ пелену алтаря, получаютъ магическую силу, если священникъ отслужитъ надъ ними молитву. Себилю, между прочимъ, указываетъ, что такъ поступаютъ и русскіе пчеловоды, подкладывая на пелену громовыя стрѣлки. (Себилю цитируетъ *Revue des Traditions populaires*. XVII, 1907, р. 351). Вѣрованья, соединяемыя со свѣчами церковными, детально разработаны, какъ и у насъ. Также принято (въ Парижѣ) ставить свѣчи, чтобы заставить когонибудь скучать по себѣ и сохнуть. Въ Парижѣ въ такую свѣчку вставляютъ булавки (р. 328); у насъ, какъ известно, свѣчку ставятъ верхнимъ концемъ внизъ. Себилю приводитъ также суевѣрное желаніе воспользоваться первымъ благословенной священникомъ водой (р. 326), суевѣрія, соединяемыя съ отдѣльными церковными предметами (р. 327), отдѣльными частями церкви (р. 322) и пр. Расширить наши свѣдѣнія и въ этой области этнографіи представляется интереснымъ и желательнымъ.

В. X—на

V. J. Mansikka: Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut-und Verrenkungssegen. Helsingfors. 1909. I—XVII+1—309.

Заговоръ не разъ уже привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдо-

вателей; его содержаніе и форма изучались съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ немъ искали отраженія народнаго міровоззрѣнія прошедшихъ эпохъ, смѣну языческихъ понятій христіанскими и слѣды двоевѣрія. Нѣсколько теорій было создано для объясненія существованія заговора, его возникновенія и распространенія, но тѣмъ не менѣе остается цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ заговоромъ, которые ждутъ своего разрѣшенія.

Только что явившійся въ печати трудъ V. J. Mansikk'и представляетъ собою интересную попытку выяснитъ происхождение нѣкоторыхъ сюжетовъ славяно-русскихъ заговоровъ и образованіе ихъ высшей формы. Изучая какъ сырой матеріалъ (рукописи въ архивахъ Ак. Наукъ, Публ. Биб., И. Геогр. О., этнограф. записи, напечатанныя въ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ), такъ и предыдущія изслѣдованія русскихъ ученыхъ (выводы которыхъ и приводятся во введеніи), авторъ пришелъ къ тому заключенію, что какъ сюжеты существующихъ въ настоящее время русскихъ заговоровъ (проводится параллель и со славянскими), такъ и высшая форма ихъ образовались подъ влияніемъ богатой апокрифической литературы—этого наслѣдія Византии. Ближайшимъ же источникомъ обращающихся на Руси заговоровъ были требники и сборники различныхъ лѣчебныхъ молитвъ (которые и дали заговорамъ высшую форму), а распространителями являлись монахи и низшее духовенство (100. Die Annahme, dass die Beschwörung und das kirchliche Gebet unabhängig von ein ander existiert haben ist nicht zu beweisen und dazu wissen wir dass die Geistlichen in den frühesten Zeiten die ärztliche Behandlung der Krankheiten unter dem Volk betrieben u. dem Volk die Möglichkeit lieferten mit den Geheimnissen des Trebniks u. Receptbuches vertraut zu machen). Такимъ образомъ заговоры (русскіе и славянскіе въ данномъ случаѣ) нельзя считать продуктомъ народнаго творчества (стр. 113 ... in ihnen Keineswegs Erzeugnisse der Zufälligen Improvisation oder überhaupt Schöpfungen der Volksmassen zu sehen sind...), напротивъ, чѣмъ глубже они уходятъ въ народную массу и чѣмъ дальнѣе отходятъ отъ церковныхъ круговъ, тѣмъ болѣе теряютъ они въ своемъ значеніи (123 стр.). Руководясь своею основною мыслью, авторъ разбираетъ сюжеты заговоровъ и указываетъ источники ихъ образованія, т.-е. апокрифическія произведенія; такъ, мотивъ заговора:

встрѣча со злымъ существомъ (нежить, лихорадка, вѣщица) создается подъ вліяніемъ апокрифа „Преніе Господне съ діаволомъ“, окончаніе его—низверженіе злого духа—послужило прототипомъ для чисто-заключительныхъ формулъ. Апокрифъ: „Какъ Христосъ плугомъ ораль“ создалъ мотивъ „чудснаго“ человѣка и подробность, распространенную въ заговорахъ: распаханіе поля. Вступительныя слова заговора авторъ считаетъ заимствованіемъ изъ нѣмецкой молитвы-напутствія путешественникамъ (153. 154. die formelhafte Einleitung mit dem in Russland lebenden Zauberakt nichts zu schaffen hat sondern dass sie unverkennbare Spuren der literarischen Überlieferung und zwar des germanischen Morgengebets des auf die Reise Ziehenden aufweist), а обычное упоминаніе ключей въ концѣ заговора относитъ къ представленію ключей отъ вратъ царства небснаго.—Заря, роса, горящій кустъ заговоромъ суть не иное что, какъ олицетворенія Пр. Богородицы, и выраженія эти взяты изъ молитвенныхъ къ ней обращеній (с. 140). Прядущая женщина заговоромъ, женщина на камнѣ, у колодца—это отраженія образа Пресв. Дѣвы, какъ ее рисуютъ апокрифы и иконографія, три сестры (зари), упоминаемыя въ заговорахъ—евангельскія жены-мироносицы. Апокрифическій разсказъ объ убіеніи Захаріи, кровь котораго окаменѣла, и воспоминанія о ранахъ распятаго І. Х. дали мотивы заговорныхъ формулъ на кровь. Въ этихъ формулахъ авторъ усматриваетъ вліяніе латинскихъ лѣчебныхъ молитвъ, образцы которыхъ онъ и приводитъ (266). Такимъ образомъ, западное вліяніе, имѣвшее мѣсто въ образованіи русскихъ заговоромъ, отмѣчено авторомъ. Разсматриваемая работа заканчивается краткой главой (291—309), въ которой бѣгло указывается на отраженіе русскихъ заговоромъ въ финскихъ, вотяцкихъ, черемисскихъ и др. инородческихъ заговорахъ.—Къ изслѣдованію своему г. Mansikka привлекъ обширный матеріалъ (перечень котораго помѣщенъ въ началѣ книги) и подробно разсмотрѣлъ христіанскій элементъ заговора, указавъ его источники; съ этой стороны новый трудъ, посвященный заговорамъ, является весьма интереснымъ, проливающимъ свѣтъ на нѣкоторые неясные вопросы въ исторіи заговора.

Нельзя не пожалѣть, что къ разбираемой книгѣ не приложенъ предметный указатель, а въ указаніи журнальныхъ статей иногда попадаются неясности.

Е. Е.

Elias Lönnrots Svenska Skrifter utgifna af Jenny af Forselles. I. Uppsatser och öfversättningar. H: fors. 1908. 355 стр. (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet; Finland, LXXXVII).

По случаю столѣтія со дня рожденія Э. Лёнрота въ 1902 году, „Шведское литературное общество“ постановило издать очерки и статьи его, написанныя на шведскомъ языкѣ. Редакція изданія была поручена г-жѣ Форселлесъ. Изданіе разсчитано на два тома; въ разбираемый нами первый томъ вошли преимущественно этнографическіе очерки, съ переводами пѣсенъ и отдѣльныхъ рунъ изъ Калевалы, нѣсколько лингвистическихъ статей и три статьи общественно-публицистическаго характера.

Въ краткой рецензій нѣтъ возможности подробно останавливаться на всѣхъ статьяхъ; поэтому, я скажу нѣсколько словъ только о томъ, что, на мой взглядъ, представляетъ наибольшій интересъ. Къ числу такихъ статей отношу я описаніе „медвѣжьяго праздника“, въ которомъ можно усмотрѣть зачатки драматическаго искусства у Финновъ. Празднества, связанные съ удачной охотой на медвѣдя, продолжались обыкновенно нѣсколько дней; впрочемъ, иногда и независимо отъ охоты на медвѣдя, разыгрывалось въ домахъ представленіе, инсценировавшее процессъ охоты. Въ пѣсняхъ сохраняется еще старый суевѣрный взглядъ на медвѣдя, какъ на высшее существо, и, вступая съ нимъ въ избу, охотники привѣтствуютъ его за то, что онъ удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Заключается торжество благодарнымъ обращеніемъ къ хозяевамъ дома, гдѣ происходитъ представленіе.

Еще объ одномъ народномъ праздникѣ упоминаетъ Лёнротъ въ статьѣ о „Ридвала Хелка“. Этотъ праздникъ справляется (въ Сяксмяки) обыкновенно въ воскресенье, начиная отъ Вознесенія до Петрова дня. Празднество состоитъ въ томъ, что *дѣвушки* села (какъ мужчины, такъ и замужнія женщины исключаются) собираются на краю деревни и пляшутъ, распѣвая пѣсни. Происхожденіе праздника въ точности неизвѣстно. Можно думать, что это былъ какой-нибудь языческій праздникъ (изъ числа полевыхъ праздниковъ), или это—печальное воспоминаніе о смерти дѣвушки, почему-то разлученной со своимъ женихомъ.

Въ сборникѣ перепечатана также докторская диссертация Лёнрота: „О магической медицинѣ финновъ“.

Въ статьѣ: „О финскихъ пословицахъ и загадкахъ“ данъ очеркъ

изученія пословицы, начиная со сборника (ненапечатаннаго) пастора Л. Петри (во второй половинѣ XVII-го вѣка), а затѣмъ передана игра въ загадки и наказаніе (въ видѣ насмѣшливыхъ стиховъ), которому подвергается не отгадавшій определенное количество загадокъ.

Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь статей извѣстны уже въ русскомъ переводѣ акад. Я. К. Грота, какъ напр. „О современномъ состояніи поэзіи у финскаго народа“ (Труды. I).

Изданіе выполнено тщательно, и нужно поблагодарить г-жу Форселлесъ, извлекшую изъ старыхъ газетъ и журналовъ наиболѣе интересные статьи Эліаса Лёнрота.

Вл. Гордлевскій.

Enzyklopädie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker... hrsg. von D-r M. Th. Houtsma und A. Schaade. Leiden-Leipzig. 1908. Liefer. 1—2.

„Bibliothèque Orientale“ Гербело (D'Herbelot), представлявшая для своего времени большое значеніе, давно устарѣла, и на конгрессахъ ориенталистовъ неоднократно возбуждался уже вопросъ о ея замѣнѣ новымъ трудомъ. Въ концѣ концовъ для осуществленія задуманнаго предпріятія былъ избранъ редакціонный комитетъ, во главѣ котораго сталъ профессоръ Т. Хутема. Въ изданіи принимаютъ участіе ориенталисты всѣхъ странъ, и такимъ образомъ, компетентность ихъ ручается за вѣрность и свѣжесть свѣдѣній. Во многихъ случаяхъ статьи въ вышедшихъ выпускахъ написаны учеными, посвятившими специально данному вопросу цѣлые труды. Слабѣе обставленъ османскій отдѣлъ, гдѣ не всегда видна работа по первоисточникамъ. Впрочемъ, вина въ этомъ лежитъ не столько на отдѣльныхъ авторахъ, сколько зависитъ отъ неудовлетворительныхъ условій, въ которыхъ стоитъ туркологія.

„Энциклопедія ислама“ издается на средства нѣсколькихъ академій; она рассчитана приблизительно на 45 выпусковъ и будетъ закончена къ 1920-му году.

Вл. Гордлевскій.

Yousouf Fehmi. Histoire de la Turquie. Paris. 1909. XIX+360. (Съ портретомъ автора).

Книга г. Фехми представляет въ сущности публицистико-тенденціозный очеркъ исторіи Турціи, въ которомъ авторъ пытается выставить передъ иностранцами заслуги турокъ въ области цивилизаціи. Но, характеризуя, въ заключительной главѣ, значеніе турокъ для восточныхъ народовъ (грековъ, армянъ и т. д.), г. Фехми, какъ турокъ, прибѣгаетъ къ страннымъ приемамъ, чтобы только доказать несправедливость отторженія отъ Турціи ея европейскихъ владѣній (Румыніи, Болгаріи, Сербіи и т. д.), стр. 340. Очевидно, авторъ, разрушая туркофобскія идеи о своемъ несчастномъ отечествѣ, хочетъ вызвать къ нему симпатіи Европы, и прежде всего Франціи. Эта цѣль, вѣроятно, будетъ достигнута особенно теперь, когда Турція удивляетъ весь міръ выдержанностью національнаго склада; но для науки работа г. Фехми, написанная, правда, живо, пройдетъ безслѣдно, такъ какъ ни планъ ея (хронологическое распредѣленіе по царствованіямъ), ни самое изложеніе (на основаніи подчасъ не только устарѣлаго, но и полубеллетристическаго матеріала) не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго.

Вл. Гордлевскій.

Nalimov, Vasilij. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen. (Extrait du „Journal de la Société Finno-Ougrienne“, XXV,⁴) 8^o 31 стр.

Авторъ статей о зырянахъ въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“, В. П. Налимовъ, по желанію представителей финской науки, написалъ этотъ маленькій экскурсъ о первобытныхъ отношеніяхъ половъ у зырянъ.

Вся работа сводится къ многостороннимъ наблюденіямъ автора надъ вѣрованіями зырянъ въ нечистую силу, представляемую ими въ видѣ особаго существа „пежъ“ (pež). При этомъ авторъ пытается опровергнуть доводы прежнихъ изслѣдователей (К. Попова, И. Смирнова, Н. Харузина и др.) о существованіи у зырянъ и пермяковъ значительной междуполовой свободы. Истинность своихъ выводовъ авторъ обосновываетъ на фактическомъ матеріалѣ однихъ своихъ личныхъ наблюденій и на подборѣ ряда фактовъ, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, что избѣжаніе „пежа“ есть результатъ моральнаго взгляда зырянъ на междуполовыя отношенія.

Работа г-на Налимова значительно выиграла бы, если бы онъ

нѣсколько отчетливѣе изобразилъ народныя зырянскія представленія о нечистой силѣ вообще,—у автора доминируетъ нечистая сила „пежъ“, распространяющая свое дѣйствіе на физическія свойства человека въ видѣ заразы. Поэтому нѣкоторыя гигиеническія предписанія, бытующія въ зырянской средѣ, ничего не объясняютъ въ области вѣрованій; кромѣ того, нѣкоторыя общераспространенныя у многихъ народовъ представленія о нечистотѣ (напр., женщины въ извѣстномъ состояніи), не являясь специально-зырянскимъ бытовымъ фактомъ, неубѣдительны для выводовъ объ однихъ только зырянахъ.

Что касается существованія междуполовой свободы, то относительно малокультурныхъ народовъ это — общепризнанный фактъ. Равнымъ образомъ и пережитки этого факта у современныхъ финскихъ племенъ установлены многочисленными наблюденіями пзслѣдователей. Зыряне не представляются исключеніемъ. Поэтому стремиться подчеркнуть наличность определенной половой морали у зырянъ, да еще на такихъ шаткихъ опредѣлителяхъ, какъ случаи избѣганія „пежа“, весьма неосновательно. Свой интересный матеріалъ авторъ разбросалъ, ради этого „пежа“, въ безпорядкѣ, группами несопзъмѣримаго значенія и тѣмъ значительно обезцѣнилъ отдѣльные экскурсы въ области первобытныхъ междуполовыхъ отношеній.

Онъ говоритъ, напр., о женщинахъ, о женѣ, о невѣстѣ, но не даетъ полнаго представленія о брачномъ ритуалѣ въ связи съ традиціонными предписаніями брачной морали. Между прочимъ, онъ ставитъ высокое положеніе матери въ семьѣ (даже въ сравненіи съ отцомъ), особое почитаніе бабки-повитухи (гэгинь), отступленіе отца на задній планъ въ свадебномъ церемоніалѣ и т. п. факты, какъ слѣдствіе опредѣленныхъ взглядовъ на благополучіе семьи, здоровье дѣтей и т. д.; но здѣсь же не даетъ никакихъ указаній, чѣмъ все это въ семейномъ правѣ зырянъ вызвано, не даетъ по крайней мѣрѣ, хотя бы болѣе детальной картины этихъ отношеній. И связь всего этого съ вѣрованіями о „пежѣ“ болѣе чѣмъ проблематична. Еще непонятнѣе дальнѣйшая роль „пежа“ въ семейнаго быта, напр., для мужчины-охотника: охотникъ при неудачѣ догадывается, что его осилила нечистая, „пежъ“; надо очиститься; средство — „eilt er zu einer Frau und verkehrt wieder geschlechtlich mit ihr, da er die für ihn unerwünschten

Eigenschaften auf sie übertragen möchte“ (26 стр.). Только что (25 стр.) авторъ сказалъ, что „bei dem geschlechtlichen Verkehr verlieren die Männer ihre Kraft, die Frauen dagegen anscheinend nicht“.

Въ отдѣльности каждое наблюдение г-на Налмова имѣетъ, конечно, фактическую достовѣрность и потому очень убѣдительно. Но всѣ вмѣстѣ ихъ слѣдовало бы расположить по другой системѣ, при которой прежде всего пришлось бы измѣнить заглавіе его очерка.

Вл. Б.

**Zycie polskie w dawnych wiekach. (Wiek. XVI—XVIII).
Przez Władysława Łozińskiego. Wydanie drugie. We Lwowie. 1908 г.
р. 246. 8°.**

Заглавіе названной книги не вполне соответствуетъ ея содержанию. Не „польскую жизнь минувшихъ вѣковъ“ изображаетъ г. Лозинскій, а бытъ шляхты XVI—XVIII в., и даже не всей шляхты, а только высшего ея слоя—магнатовъ и шляхты средняго достатка. Свѣрую шляхетскую массу авторъ сознательно упускаетъ изъ виду, относя ея нравы и обычаи къ области народо-вѣдѣнія. Не надо забывать, что рядовой шляхтичъ, „равный воеводѣ“, пользовавшійся правомъ голоса на сеймикахъ и участвовавшій въ избраніи самого короля, въ культурномъ и имущественномъ отношеніи очень незначительно различался отъ простаго польскаго хлопа. Авторъ подмѣтилъ рядъ бытовыхъ чертъ, разбросанныхъ въ сочиненіяхъ польскихъ писателей XVI—XVIII в.,—особенно часты ссылки на Рея, Кохановскаго, Горницкаго, Вацлава Потоцкаго и др.,—использовалъ въ значительной мѣрѣ показанія иностранцевъ, бывавшихъ въ Польшѣ, дневники, записки, письма, городскіе и земскіе акты разныхъ польскихъ областей и т. п. и очень тщательно изучилъ инвентари, б. ч. рукописные, польскихъ замковъ и дворовъ. При описаніи замка, его утвари, костюма, обычая и т. п. авторъ всегда старается выдѣлить чисто польскія черты отъ позаимствованій и донскаться „подъ чужеземной оболочкой“ самобытности и оригинальности. Этотъ методъ имѣетъ особенное значеніе при изслѣдованіи бытовой жизни поляковъ, которые, какъ извѣстно, отличались чрезмѣрною склонностью къ перенпманію вѣвшихъ формъ европейской цивилизаціи.—Книга г. Л-аго написана живо и картинно, и содержаніе ея легко усвои-

зается среднимъ читателемъ; можно пожалѣть лишь о томъ, что авторъ не счелъ нужнымъ точно указать главнѣйшія и наиболѣе доступныя сочиненія, относящіяся къ его темѣ.

Трудъ г. Л. распадается на четыре части. Въ первой авторъ знакомитъ насъ съ внѣшностью и внутренностью магнатскихъ замковъ и дворцовъ. Вопреки старинной поговоркѣ, гласящей, что „Казиміръ Великій (+ 1370 г.) напелъ Польшу деревянной, а оставилъ ее каменной“, Польша еще въ теченіе двухъ столѣтій послѣ смерти Казимира I оставалась деревянной, и польскимъ архитекторомъ *par excellence* былъ скромный плотникъ (*cieśla*). Болѣе частыя каменные постройки появляются лишь въ концѣ XVI в. Замки XVI и первой половины XVII в. можно раздѣлить на два типа: 1) замки, служившіе гл. образомъ для цѣлей обороны, и 2) укрѣпленныя великопанскія резиденціи. Эти послѣднія строились по большей части италіанскими мастерами и нерѣдко представляли цѣнныя произведенія строительнаго искусства. Сравнительно мирныя времена, наступившія въ Польшѣ въ концѣ XVII в., отражаются и въ области архитектуры: мѣсто укрѣпленныхъ замковъ занимаютъ дворцы и открытыя резиденціи, напоминающія италіанскія виллы и французскія *châteaux*. Великолѣпію фасадовъ, башенъ и вышекъ магнатскихъ резиденцій вполнѣ соответствовала внутренняя роскошь многочисленныхъ залъ и комнатъ. Въ убранствѣ своихъ домовъ магнаты соперничаютъ съ королями. Они украшаютъ стѣны парчей (*złotogłów*), камкой (*adamaszek*), бархатомъ, (*aksamit*), гданскими (данцигскими) кожами, шпалерами (обивкой) изъ шелковой матеріи и брокатели и гобеленами, возбуждающими удивленіе даже у французовъ. Они выписываютъ изъ Гданска и самыхъ отдаленныхъ странъ мраморныя и крытые серебромъ столы, шкапы (*almarya*), буфеты (*szuźba*), сундуки (*sepet*) и ларцы. Магнаты ѣдятъ только на серебряхъ; стѣны столовыхъ они декорируютъ серебряными зубками (*rostruchan*), кувшинами (*dzban*), бокалами (*puhar*), мисками, подсвѣчниками и т. п. На буфетахъ среди серебра красуется венеціанское стекло, китайскій фарфоръ и италіанскій фаянсъ, цѣнившійся въ то время вслѣдствіе трудности транспорта не дешевле серебра. Но истинныхъ произведеній искусства среди этого богатства немного; преобладаютъ предметы грубой роскоши, рассчитанные на эффектъ и экзотическую рѣдкость.

Лишь гораздо позже высшіе слои польскаго общества начинают постигать задачи и цѣли истинной культуры; тогда выступают на сцену Дзялыньскіе и Оссоліньскіе, тогда Залускій создаетъ свою знаменитую бібліотеку, тогда возникаютъ Пулавы и Неборовъ. Если въ XVII в. поляки особенно любятъ въ *bibilot'*—кахъ, если въ любопытномъ инвентарѣ замка въ Огороденцѣ 1663 г. мы встрѣчаемъ среди особенныхъ достопримѣчательностей „перспективу изъ слоновой кости, въ которой блоха кажется размером“, „мышь, бѣгающую словно живая“, и т. п.,—то и въ XVIII в. дѣйствительно художественныя произведенія тонуть въ пестрой смѣси сентиментальныхъ „памятокъ“ и такихъ „рѣдкостей“, нагромождаемыхъ съ наивною вѣрой въ ихъ цѣнность и подлинность, какъ травка съ полей Фингала, вѣтка съ того мѣста, на которомъ стояла Троя, савадалии Монтезумы, горсточка пепла Абеяра и Элоизы, туфли m-me Ментеновъ и т. п.—Поддержаніе великопанскихъ резиденцій требовало громадныхъ средствъ; на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши, на содержаніе домовыхъ часовенъ (*kaplica*), многочисленной дворни и частныхъ войскъ,— у иныхъ магнатовъ бывало нѣсколько тысячъ собственныхъ солдатъ, на устройство придворныхъ театровъ, оперы и балета, громадныхъ садовъ и парковъ съ фонтанами, гротами, оранжереями, статуями и т. п. уходили нерѣдко цѣлыя состоянія.

Изъ магнатскихъ замковъ и дворцовъ авторъ ведетъ насъ въ скромные шляхетскіе дворы. Отличавшіеся крѣпкимъ здоровьемъ и выносливостью шляхтичи мало обращали вниманія на удобство своихъ жилищъ; гораздо больше ихъ озабочивала безопасность послѣднихъ; во многихъ польскихъ областяхъ дворы представляли какъ бы малыя крѣпости; въ актахъ XVII в. подъ словомъ *fortalitium* разумѣется именно шляхетскій дворъ, окруженный частоколомъ (*ostrokół*) и окопомъ. При каждомъ укрѣпленномъ дворѣ находился арсеналъ съ пушечками (*działka*), мортирами (*moździerzce*), ручными пищалями (*hakownice*), мушкетами, порохомъ и большими запасами провіанта. Трудно говорить объ опредѣленной архитектурѣ шляхетскаго двора; онъ не строился по какому-нибудь опредѣленному плану; „у него—говорить Л.—была своя біографія, какъ у человѣка, а исторію его жизни можно было читать въ его достройкахъ и перестройкахъ: онъ не былъ оконченъ до тѣхъ поръ, пока не влился въ свои стѣны трехъ поколѣній. Въ те-

ченіе 100 лѣтъ онъ росъ и созрѣвалъ. Его начиналъ дѣдъ, а оканчивалъ внукъ“.—Шляхетскій домъ, по большей части деревянный, раздѣлялся обширными сѣнями на двѣ равныя части: въ одной жилъ самъ панъ, въ другой его челядь. Скамьи и столы дѣлались изъ простаго липоваго дерева, иногда окрашеннаго въ зеленый цвѣтъ; мебель, крытая матеріей или кожей, составляла рѣдкость. Окна были многочисленны, но низки, съ мелкими зеленоватыми стеклами (*blony*¹). Самое почетное мѣсто занималъ каминъ, символъ семейнаго счастья, „пріятель шляхетской души“. Стѣны покрывались бумажными обоями (т. н. *kołtryny*, ит. *coltre*, *coltrina*), зеленымъ или краснымъ сукномъ, „макатами“, коврами и т. п. и украшались портретами (*konterfekty*) предковъ, а также оружіемъ—военными трофеями хозяина дома и его сыновей. Изъ рукописи брестскаго каштеляна Якова Понентовскаго г. Л. приводитъ поэтическое изображеніе идеальнаго шляхетскаго жилища XVII в. и снабжаетъ его любопытными комментаріями; онъ указываетъ на то, что не все шляхетскіе дворы отличались простотой и скромностью; многимъ тщеславнымъ шляхтичамъ не давала покоя роскошь магнатскихъ резиденцій; стремленіе къ блеску особ. сильно проявлялось въ содержаніи многочисленной, ненужной челяди, этого своеобразнаго *tiers état* Рѣчи Посполитой польской.—Шляхетскій дворъ представлялъ какъ бы удѣльное княжество; онъ не зависѣлъ отъ окружающаго его міра, довлѣлъ себѣ. Плотно, мука, мыло, свѣчи, медъ, воскъ, водка, пиво и пр.—все это было домашняго производства; при каждомъ дворѣ находилась аптечка съ польскими травами и единственнымъ покупнымъ „медикаментомъ“, знаменитымъ чудодѣйственнымъ теріакомъ (*theriacum coelestis*, польск. *dryakiew*), употреблявшимся противъ всехъ недуговъ. Самобытный шляхетскій дворикъ оказался долговѣчнѣе панскихъ резиденцій. Онъ просуществовалъ до самаго конца XVIII в.; къ нему, къ родной деревнѣ шляхтичъ былъ привязанъ всей своей душой; онъ сохранялъ связь со своимъ родовымъ гнѣздомъ, куда бы ни забросила его судьба; объ этой связи свидѣтельствуется и наследственное польское право и т. н. „право близости“ *jus propinquitatis*, *jus retractus*), облегчавшее выкупъ

1) *Віюпа*—собственно окошечко изъ пузыря, вѣ. стекла; потомъ этотъ терминъ сталъ примѣняться и къ стекламъ. *Ред.*

родового имѣнія по той цѣнѣ, по какой оно было продано. Польскій шляхтичъ, даже переставши владѣть родовой деревней, сохранялъ ея названіе въ своей фамиліи; всѣ Репи, сколько ихъ ни было, назывались Репами изъ Нагловицъ, всѣ Твардовскіе—Твардовскими изъ Скржишна; точно также замужнія польскія женщины соединяли фамилію мужа не со своей дѣвичьей фамиліей, а съ названіемъ своего родового имѣнія: панна Фредро, вышедши замужъ за Оссолинскаго, называется не Оссолинской, рожденной Фредро, а изъ Пleshовицъ Оссоминской; не говорили: Белзецкая, рожденная Язловецкая, но изъ Бучача Язловецкая и т. п.

Третья часть разбираемой книги носитъ заглавіе: Костюмы и драгоцѣнности (*ubioru i splendoru*). Велѣдствіе холоднаго климата поляки носили длинныя и просторныя верхнія платья съ многочисленными складками; у нихъ была настоящая страсть ко всевозможнымъ мѣхамъ, „отъ барана до соболя“. Особенно высоко цѣнились горностаи и „мармурекъ“—особый видъ темныхъ голубоватыхъ лисьихъ мѣховъ, затѣмъ бобръ, рысь и соболь. Авторъ отмѣчаетъ сильное восточное вліяніе въ польскихъ костюмахъ и обычаяхъ (чубы, бритые головы и т. п.), указываетъ на законодателей въ области польской моды: короля, магната, вернушагося изъ Падуи, Болоньи или Рима студента и побывавшаго въ чужихъ краяхъ солдата и подробно описываетъ типичныя польскіе костюмы, мужскіе (шуба, делья, кунтушь, фerezья, жуанъ) и женскіе. Женскія платья доходили до самой шеи („подъ горло“) или до половины груди, но польскія женщины до половины XVII в. не ходили декольтированными: грудь прикрывалась рубашкой (*gieszło*) изъ снѣжно-бѣлой вышитой ткани, не рѣдко украшенной жемчугомъ, шея—разнаго вида брыжами (*kryza*) и воротничками (*gargiele*). Головнымъ уборомъ, кромѣ чепца, служили повязки изъ легкой матеріи, т. е. *podwika* и *kwef*. Молодые дѣвушки ходили съ непокрытой головой, безъ локоновъ, но съ вѣнкомъ изъ розъ или фіалокъ. Парижскія моды, привезенныя въ Польшу королевой Маріей Людвигой, вытѣснили во второй половинѣ XVII в. національные костюмы, несмотря на протесты со стороны польскихъ сатириковъ и моралистовъ, особ. возмущавшихся открытыми грудями и плечами.—Ни одно парадное платье, какъ мужское, такъ и женское, не обходилось безъ дорогихъ украшеній изъ золота, жемчуга, эмали и т. п. Женщины

носили золотыя діадемы, брамки, т.-е. головные уборы въ видѣ украшенныхъ жемчугомъ сѣтокъ (bramka, chomla, tkanka, toczeniца), ожерелья (kapaki, poszenia), серьги (zauszniце), браслеты съ талисманами и „дѣкарственными камнями“ (manele), понталы, ферсты, кольца и т. п. Мужчины употребляли дорогія цѣпи, запонки, аграфы, пояса и т. п. и фантастическое оружіе, состоявшее больше изъ золота и серебра, чѣмъ желѣза. „Сабля—говоритъ Лозинскій—была неразлучной подругой и любимицей шляхтича, и онъ наряжалъ и украшалъ ее, какъ любовницу; одна была сабля для битвы, другая для наряда; за паномъ, прицѣпившимъ богатую карабелю, слѣдовалъ подростокъ съ другой саблей, чтобы немедленно подать ее, если бы оказалась серьезная надобность въ оружіи“. Г. Л-ій описываетъ разные виды польской сабли и другія „рыцарскія принадлежности“, какъ то: шишакъ, сайдакъ или колчанъ, тарчъ, (щитъ), булава, буздыганъ, челканъ, дорогія конскія сбруи и т. п. и отмѣчаетъ большой контрастъ между этимъ показнымъ богатствомъ и блескомъ и дѣйствительнымъ достаткомъ средняго шляхтича. „Это—говоритъ Л.—былъ праздничный аппаратъ, а праздникъ непомѣрно жилъ за счетъ будней“.

Самый обширной и самой интересной является четвертая часть книги, посвященная „дому и свѣту“. Здѣсь авторъ прежде всего говоритъ объ общественномъ и этическомъ значеніи польской семьи; въ анархической Рѣчи Посполитой семья нерѣдко исполняла тѣ обязанности, которыя собственно принадлежатъ государству и правительству; она умѣряла горячій народный темпераментъ и усмиряла независимый индивидуализмъ шляхетскаго характера; въ Польшѣ признавались узы самаго отдаленнаго родства и свойства. „Если бы—говоритъ Лоз.—единственнымъ и рѣшающимъ признакомъ обычной культуры было положеніе женщины, то шляхетской Польшѣ принадлежало бы, пожалуй, въ этомъ отношеніи первенство между народами“; дѣйствительно, поляки умѣли уважать женщину, какъ жену и мать. Авторъ рисуетъ любопытные типы польской женщины: mulier fortis, баба—Иродъ (Herod—baba), насѣдки (kwoki) и т. п., говоритъ о вліяніи ея въ политикѣ и объ энергіи польскихъ дѣвушекъ, проявлявшейся между прочимъ во время т. наз. „похищеній“ (garty), которыхъ онѣ не только не являлись жертвами мужской наглости, но, напротивъ, играли активную роль. Общественное положеніе поль-

ской женщины не соответствовало ея качествамъ; причины этого явленія г. Л-ий видитъ въ недостаткахъ воспитанія—многія шляхтянки не умѣли даже подписать свою фамилію—и въ отсутствіи кокетливости вслѣдствіе преувеличенныхъ понятій о женской скромности и стыдливости. Но безъ дѣятельнаго участія женщины не можетъ существовать правильная общественная жизнь; и мы видимъ, что даже въ концѣ XVIII в. не было настоящаго польскаго салона.—Любопытны замѣчанія Л-аго о характерѣ польской вѣжливости, о манерахъ и поклонахъ поляковъ. Въ низкихъ поклонахъ, въ обычаѣ, требовавшемъ, чтобы сынъ преклонялъ передъ матерью одно колѣно, а дочь оба, въ формулахъ привѣтствія: „челомъ!“ (*czolem!*) и „служба!“ и т. п. авторъ отнюдь не видитъ признаковъ сервиллизма. Къ сервиллизму не располагалъ ни республиканскій строй государства, въ которомъ король былъ лишь *primus inter pares*, ни индивидуализмъ польскаго характера, ни идеальное равенство шляхты. Существовали особыя манеры *польской* вѣжливости; поляки говорили, что „можно быть умнымъ по латыни, но шутомъ (*blażym*) по-польски“. Богатые молодые люди уѣзжали за границу для пріобрѣтенія знаній и европейскаго лоска, но въ Краковѣ они учились „быть вѣжливыми по польски“.—Далѣе авторъ поясняетъ значеніе разныхъ польскихъ титуловъ (вельможный, шляхетный, уродзowy, „братъ“ и „пріятель“), говоритъ объ обычаѣ задаривать гостей вѣемъ, что только по-правилось имъ въ домѣ хозяина и т. п. Переходя къ развлеченіямъ и играмъ, г. Лозинскій останавливается на польскихъ танцахъ, при чемъ указываетъ на преобладаніе плавныхъ танцевъ, напр. полонезъ, надъ плясовыми и на „скромность“ ихъ, не допускавшую болѣе вольнаго сближенія танцора съ его дамой, описываетъ музыкальные инструменты (регаль, лютя, клавикорды и т. п.), игры (шашки, шахматы, „мельница“ (*mlynecik*), особ. кости и карты), затѣмъ рисуетъ типы сосѣдей и добрососѣдскую польскую жизнь съ ея развлеченіями, которыя Рей охарактеризовалъ словами: коникъ, борзая собачка и птичка (*konik, chartek, ptaszek*): говоритъ о шляхтцахъ-путешественникахъ, о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ путешествій; о польской кухнѣ, шляхетскомъ меню, столовыхъ сервизахъ и т. п.—Очень интересны описанія польскихъ свадебъ и похоронъ. Свадебныя торжества длились цѣлыя недѣли и соединялись съ т. наз. „тріум-

фамп“, съ театральнымъ зрѣлищами, съ шествіемъ замаскированныхъ процессій и символическими рыдванами, аллегорически изображавшими всевозможныя христіанскія добродѣтели и все языческія божества; любопытенъ выступавшій на свадебныхъ банкетахъ доморощенный „господинъ *quamquam*“ (*mistrz quamquam*), начинавшій неизбежно съ этой латинской частицы свою макароническую орацію.—Польскій шляхтичъ считалъ своимъ долгомъ съ особеннымъ блескомъ и роскошью отдать послѣднюю услугу близкому ему лицу. Траурный катафалкъ (*castrum doloris*) представлялъ цѣлую постройку, украшенную разными аллегорическими фигурами, эмблемами, девизами и изреченіями, воспѣвавшими великія доблести и заслуги покойника. Похороны знатныхъ и богатыхъ лицъ соединялись съ церемоніями, символизировавшими достоинство умершаго и величіе смерти: въ костелъ вѣзжалъ верхомъ на лошади закованный рыцарь, предомлялъ у подножья катафалка копьё и падалъ съ лошади на цоль, обязательно „съ громономъ“, „со страшнымъ и ужаснымъ трескомъ“; за гробомъ слѣдовалъ человекъ, лицомъ, ростомъ и платьемъ похожій на покойника, живой портретъ умершаго (т. наз. *sobowtór*).

И. Рябининъ.

К а р а д ж и ч ь. Лист за српски народни живот, обичаје и преданье. Собща Алексинац. 1899—1903 г. Издаје и уредује Тих. Р. Дьордьевичъ.

Этнографическіе журналы помимо статей, носящихъ характеръ изслѣдованій, помѣщаютъ обыкновенно и сырой матеріалъ—результатъ трудовъ собирателей, который и придаетъ такимъ журналамъ видъ сборниковъ. Въ то время какъ статьи стараго журнала утериваютъ съ теченіемъ времени живой интересъ и уступаютъ свое мѣсто новымъ, сырой матеріалъ продолжаетъ сохранять свое значеніе для изслѣдователей и время не обезцѣниваетъ его. Въ виду этого иногда представляется не лишнимъ вспомнить такіе этнографическіе журналы, существованіе которыхъ прекратилось и богатый матеріалъ которыхъ, оставаясь въ неизвѣстности, не пользованъ этнографами и фольклористами.—Вышепоименованный сербскій журналъ просуществовалъ четыре года и въ этотъ сравнительно короткій срокъ помѣстилъ на своихъ страницахъ самыя разнообразныя записи народныхъ вѣрованій (II г. 6—7), сказаній,

пословицъ, загадокъ, пѣсенъ, обычаевъ юридическихъ и медицинскихъ, синолжованій, клятвенныхъ формулъ, здравницъ, единицъ мѣры; описанія старинныхъ народныхъ жилищъ, узоровъ вышиванья; филологическія наблюденія надъ говорами (П. 8. 9.). Каждая запись интересна и характерна для опредѣленія проявленій народного творчества и выясненія бытового склада той среды, откуда идутъ записи. Между повѣрьями обращаютъ на себя вниманіе особенно тѣ, которыя связаны съ представленіями о загробной жизни и о состояніи умершихъ (П. 11—12), также представленія о сверхъестественныхъ существахъ, какъ то: о вурдалакахъ, злыхъ духахъ, вѣтровитахъ. Последнее названіе означаетъ челоуѣка, имѣющаго силу становиться невидимымъ и проходить такъ быстро, какъ вѣтеръ (Вѣтровит човѣк има ту невидљиву мочь и снагу, да ни од кога невидљен оде гдје хотье и чини што хотье, управо брзином као и вѣтар....).

Разнообразны повѣрья и преданья, которыя связаны съ различными мѣстностями, деревьями, животными (III—1—4 и д.). Въ нихъ зачастую дѣйствуютъ святые: св. Савва, св. Петръ, св. Елена, св. Николай, упоминается и Пр. Богородица. Нѣкоторыя животныя любимы колдунами, и въ ихъ образъ обращаются эти сверхъестественныя существа (колдунья-вѣштина ставится курицей, бабочкой). Съ нѣкоторыми животными (жаба, змѣя, лошадь) связываются врачевныя дѣйствія, и въ нѣкоторыхъ медицинскихъ обычаяхъ необходимо присутствіе того или другого животного. Растенія и камни также необходимыя принадлежности народныхъ лѣкарствъ. Человѣческое слово само по себѣ считается достаточно сильнымъ, поэтому отъ нѣкоторыхъ недуговъ хорошимъ средствомъ служатъ заговоры. Многіе изъ нихъ и приводятся на страницахъ даннаго журнала (III.—6—7).

Особенно много помѣщено записей пословицъ и загадокъ, послѣднія весьма затруднительны для разгадыванья и поэтому все помѣщено съ отвѣтами, многія изъ нихъ очень своеобразны (Путем иде, пута не зна, нос има, душе нема. Ладыа. Дорогой идетъ, дороги не знаетъ, носъ имѣетъ, души нѣтъ. Корабль). Не меньшимъ своеобразіемъ обладаютъ и пословицы, между которыми не мало отличающихся живой образностью (Зла година орла прибила).—Немногія помѣщенныя здѣсь пѣсни относятся къ обрядовымъ

и полуписторическимъ. Сказокъ нѣтъ, а мѣсто ихъ занимаютъ различные преданья (напр., о убѣжанью стараца П. 6. 7.).

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ журнала Караджичъ—это главнымъ образомъ, сборникъ разнообразнаго и интереснаго матеріала, который для этнографа и фольклориста представляетъ значительную цѣнность, влѣдствіе чего старый, прекратившій свое существованіе журналъ имѣетъ живое значеніе.

Е. Е.

Мильанов Марко, војвода: Живот и обичаји Арбанаса. Београд, 1908 (друго изданье).

Авторъ названной книги черногорскій воевода Марко Мильановъ (род. 1833 г.), большую часть своей жизни провелъ въ воинскихъ подвигахъ; съ 14 лѣтъ сталъ онъ четникомъ и участвовалъ въ каждой схваткѣ съ турками, въ войскѣ черногорскаго князя продолжалъ борьбу съ врагами своей родины и съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ себѣ все большую славу, какъ отважный воинъ. Съ 1882 года до смерти своей въ 1901 году Марко Мильановъ жилъ въ отставкѣ и эти годы посвятилъ литературной работѣ—описанію жизни и обычаевъ нѣкоторыхъ племенъ Черногоріи. Въ виду того, что Марко Мильановъ хорошо зналъ описываемый имъ бытъ, изложеніе его точно, при чемъ необыкновенно живо, въ немъ нѣтъ и слѣда какой либо искусственности или литературной отдѣлки—авторъ лишь подъ старость выучился читать и писать.—Перу М. Мильанова принадлежатъ четыре сочиненія: уничтоженное—„Ратне усломене“ (военныя воспоминанія), „Племя Кучи у народној причи и пјесми“ (племя Кучи—на восточной границѣ въ Черногоріи—въ народныхъ разказахъ и пѣсняхъ), „Примјери чојства и јунаштва“ (образцы мужества и юначества), „Животъ и обичаји Арбанаса“ (бытъ и обычаи Албанцевъ).—Въ послѣднемъ своемъ произведеніи авторъ, хорошо знавшій и любившій албанцевъ, желавшій ихъ единенія съ сербами, даетъ свѣдѣнія о ихъ бытовыхъ особенностяхъ, въ которыхъ отражаются лучшія черты характера албанцевъ. М. Мильановъ описываетъ побратимство, роднящее совершенно чужихъ; гостепримство, заставляющее дѣлиться послѣднимъ съ гостемъ; главарство и задругу, въ которыхъ выражается духъ общности цѣлаго племени и отдѣльной семьи, уваженіе къ лучшему и старшему; ав-

торъ говоритъ о жилищѣ, пѣсняхъ, вѣрованіяхъ албанскаго племени, касается отношеній между албанцами и сербами, отмѣчаетъ вліяніе турокъ. Жизненнымъ и отчетливымъ чертами рисуетъ М. Мильановъ сербскихъ гайдуковъ, рассказываетъ случаи изъ ихъ жизни, характеризующіе ихъ отвагу и благородство. Простота и безыскусственность изложенія автора не исключаетъ и красоты стили: его, изрѣдка попадающіяся, лирическія отступленія полны истинной поэзіи, напр. когда онъ рисуетъ запустѣніе нѣкоторыхъ мѣстностей около Косова и Призрена, вспоминая тѣ печальныя событія, которыя повели къ этому, или когда онъ обращается къ сербамъ, приглашая ихъ къ содружеству съ албанцами.—Для изучающихъ бытъ славянскихъ племенъ книга М. Мильанова можетъ дать не мало матеріала.

E. E.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Heft. 4 1908 г. Berlin Четвертый выпускъ названнаго журнала составленъ весьма интересно. Первая статья (353—378 стр.) „Das Wasser im Todtengebrauche“ Р. Sartori посвящена изложенію и объясненію тѣхъ обычаевъ при погребеніи (и передъ нимъ), которые связаны съ водою. Авторъ собралъ обширный матеріалъ (преимущественно литературный), изученіе котораго можетъ выяснитъ нѣкоторые вопросы, связанные съ вѣрованіемъ въ очистительную и предохранительную силу воды.

Небольшая замѣтка (442—446 стр.) Т. Zachariae объ обычаяхъ раскрывать крышку надъ умершимъ (окно въ его комнатѣ), чтобы облегчить душѣ выходъ изъ тѣла, дополняетъ собою рядъ сообщеній объ обычаяхъ, сопровождающихъ погребеніе умершаго и послѣдніе моменты умирающаго. Матеріалъ указанной статьи взятъ между прочимъ изъ средне-вѣковой рукописи.

Не мало мѣста отведено въ означенномъ выпускѣ журнала записямъ народныхъ пѣсенъ, какъ ихъ текста, такъ и мелодіи, записямъ надгробныхъ эпитафій, народныхъ анекдотовъ. Подробную библиографію новой литературы по сказкамъ даетъ J. Bolte, перечисляя недавно вышедшія книги и журнальныя статьи, касающіяся изученія сказочнаго матеріала и указывая вновь явившіеся сборники сказокъ. (J. Jegerlehner: Was die Sennen erzählen. Märchen u. Sagen aus dem Wallis. Bern. A. Franke 1908.—W. F.

O'Connor. Folk-tales from Tibet... London. 1906.—F. Kraus. Zigeunerhumor, 250 Schurren, Schwänke u. Marchen. Leipzig. 1907 и т. д.), собранных въ Европѣ, Азiи, Америкѣ и Африкѣ. Народнымъ костюмамъ, уже выходящимъ вездѣ изъ употребленія, посвящена статья г-жи Л. Гербингъ (Gerbing), въ которой подробно описывается народная одежда Тюринги. Приложенные рисунки оживляютъ изложеніе и позволяютъ составить болѣе яркое представленіе о національномъ одѣяніи. Въ этомъ же выпускѣ помѣщено окончаніе перевода кашемирскаго народнаго романа „Умный визирь“, сдѣланнаго I. Hertel'емъ. Это произведеніе, полное описаній всяческихъ приключеній, представляетъ собою интересное сочетаніе сказочныхъ мотивовъ и подробностей, помѣщенныхъ по временамъ въ бытовую рамку.

E. E.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1909. Heft. 1.2. Berlin. Выпуски вышеуказаннаго журнала по обычаю даютъ не мало интереснаго матеріала. Помимо крупныхъ статей, и небольшія замѣтки заслуживаютъ вниманія. Въ послѣднихъ по большей части дается цѣлый рядъ пѣсенъ (и съ нотами) изъ различныхъ мѣстностей Германіи, сказокъ, анекдотовъ и т. п. Но и, кромѣ сырого матеріала, въ этихъ замѣткахъ помѣщается много цѣнныхъ указаній и свѣдѣній. Такъ, Іоганнъ Гертель (Johannes Hertel) по поводу статьи Cosquin'a *Revue des questions historiques*, 1908, Avril) о сказкахъ, въ которыхъ главною подробностью является дѣйствіе материнскаго молока и плавающей сундукъ (бочка, ящикъ), приводитъ многія интересныя сказанія, не упомянутыя Cosquin'омъ, индійскаго происхожденія и дѣлаетъ сводку тѣхъ сюжетовъ, въ развитіи которыхъ вторая подробность постоянно участвуетъ.—Э. Германнъ выясняетъ устойчивость чп-сель, употребляющихся въ пѣсняхъ прибалтійскаго населенія (2, 3, 5, 9, 100, 1000); К. Верганъ (Wehrhan) даетъ свѣдѣнія объ обычаѣ приносить къ изображенію святого, отъ котораго получено исцѣленіе болѣзни, маленькихъ фигурокъ—моделей избѣченныхъ частей тѣла—и перечисляетъ, видѣнные имъ въ г. Кидрихъ (Kiedrich) на Рейнѣ, въ церкви св. Валентина, модели рукъ, ногъ, глазъ и т. д., сдѣланныя изъ воска. Изъ крупныхъ статей останавливаетъ вниманіе статья М. Мурко „Die Volksepik der

bosnischen Mohammedaner“, въ которой рѣчь идетъ объ эпическихъ пѣняхъ магометанъ Босніи и Герцеговины, именно ея сѣверо-западной части между Кроаціей и Далмаціей. Эти эпическія пѣсни стали извѣстны въ послѣднія десятилѣтія, а сложились онѣ 300—200 лѣтъ тому назадъ; главнымъ ихъ сюжетомъ служитъ борьба христіанства съ исламомъ—пначе борьба южныхъ славянъ съ турками. Первое собраніе эпическихъ народныхъ пѣсенъ боснійскихъ магометанъ издалъ въ Сараевѣ Коста Гѣрманнъ (Kosta Hörmann). Еще до появленія этого сборника начала Хорватская Матица въ Аграмѣ собирать новый матеріалъ въ сѣверо-западной Босніи и издала въ 1898—99 годахъ (3 и 4 томы хорватскихъ народныхъ пѣсенъ) магометанскія героическія пѣсни „Junaske pjesme muhamedovske“ подъ ред. др. Луки Марьяновича съ его прекраснымъ содержательнымъ введеніемъ.— На основаніи указанныхъ сборниковъ и сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній М. Мурко говоритъ о пѣвцахъ (pivač), музыкальномъ инструментѣ, подъ звуки которой поются эти пѣсни (tambura), о передачѣ пѣсенной традиціи, о приѣмахъ пѣнія. Пѣвецъ обыкновенно распространяетъ мотивъ традиціонными подробностями: осѣдываніе коня, описаніе костюма и наружности героя или героини. Мотивы эпическихъ пѣсенъ Босніи главнымъ образомъ касаются битвъ, увоза дѣвушекъ, свадебъ. Героями являются не только мужчины, но и женщины. Вѣщная сторона пѣсенъ отличается обиліемъ образныхъ выраженій, уже отлившихся въ устойчивую форму. Интересно, что пѣвцы, говоря о своихъ предшественникахъ—учителяхъ, въ числѣ ихъ нѣсколько разъ упоминали „блѣднолицую“ Айку, жившую въ Ликѣ (Кроація), эпическія пѣсни которой перешли и въ Боснію. Статья М. Мурко подробно знакомитъ съ эпическими пѣснями Босніи и Герцеговины, и, хотя авторъ не приводитъ ни одного образца текста, изъ его разбора можно заключить, что для изслѣдователя эпическихъ пѣсенъ русскаго сѣвера знакомство съ вышеозначенными пѣснями будетъ не бесполезно.— Статьи г-жи Стюартъ (Stewart) „Die Entstehung des Verwolfglaubens“ (Heft I) и Т. Захаріе (T. Zachariae) „Das Vogelnebst im Aberglauben“ (H2) относятся къ исторіи суевѣрій и касаются повѣрій, глубоко укоренившихся въ народномъ сознаніи.

Подробная библиографическая статья І. Больте (J. Bolte) (Heft 2) касается многихъ работъ (нѣмецкихъ, голландскихъ, датскихъ) о

пѣсенѣ въ ея многообразныхъ проявленіяхъ (эпическія, лирическія, дѣтскія, соединенныя съ танцемъ) и о развитіи пѣсеннаго творчества.

Е. Е.

Сѣверныя сказки (Арханг. и Олонец. г.г.). Сборникъ Н. Е. Ончукова. СПб. 1909 г. 646 стр., ц. 3 р.

Названный сборникъ изданъ на средства Им. Географическаго Общества и представляетъ собою собраніе записей сказокъ, сдѣланныхъ разными лицами и въ разное время въ предѣлахъ Архангельской и Олонецкой губерній. Больше всего записей Н. Е. Ончукова, который и является какъ составителемъ всего сборника, такъ и авторомъ предисловія и сообщенія о сказкахъ и сказочникахъ на сѣверѣ. Н. Е. Ончуковъ для пополненія сборника воспользовался записями академика А. А. Шахматова, сдѣланными имъ съ діалектологическихкими цѣлями въ 1884 г. въ Олонецкой губ., а также записями г. Георгіевскаго и г. Пришвина. Послѣдній былъ на сѣверѣ въ 1906 г., а записи г. Георгіевскаго извлечены Н. Е. Ончуковымъ изъ рукописныхъ матеріаловъ Академіи Наукъ. Самъ же Н. Е. Ончуковъ свои сказки записывалъ въ лѣтнія поѣздки на сѣверъ въ 1903—1904, 1907 г.г. По признанію составителя, записи сказокъ случайныя и весь сборникъ носитъ на себѣ печать нестройности, тѣмъ не менѣе появленіе его даетъ изслѣдователямъ обильный матеріалъ для изученія. Замѣчанія Н. Е. Ончукова о состояніи сказки на сѣверѣ, характеристики сказочниковъ и сказочницъ являются весьма полезною частью сборника, точно такъ же, какъ словарь областныхъ словъ и указатель именъ и предметовъ.

Матеріалъ, заключающійся въ сборникѣ Н. Е. Ончукова, требуетъ серьезнаго изученія и едва ли можетъ быть охарактеризованъ въ короткихъ словахъ; но уже при первомъ знакомствѣ съ нимъ нѣкоторыя черты сказокъ привлекаютъ особенное вниманіе. Прежде всего, по характеру своему, сказки описываемаго сборника отчетливо дѣлятся на двѣ категоріи. Въ одну входятъ сказки такъ наз. „волшебныя“ съ классическими сюжетами (добываніе невесты, освобожденіе страны отъ чудовища, оклеветанная жена, догадливая невеста и т. д.) со всеми традиціонными фантастическими подробностями (оборотничество, услужливые звѣри и пти-

цы, чудовища, чудодѣйственные предметы), а въ другую—сказки, имѣющія значеніе единичнаго случая, анекдота изъ обыденной жизни. Къ нимъ и терминъ-то сказки приложимъ лишь по стодьку, поскольку народная фантазія надѣляетъ ихъ сверхъестественными подробностями. Между прочимъ, и сами разсказчики отмѣчаютъ разницу между своими сказками, называя нѣкоторыя: „бывальщички и досюльщины“; подъ этимъ именемъ обращаются на сѣверѣ разсказы про оборотней, колдуновъ, волшебницъ, нечистую силу, съ которыми будто бы нерѣдко приходится имѣть дѣло людямъ и о которыхъ зачастую разсказываютъ сами очевидцы. Къ разряду анекдотическихъ сказокъ должны быть отнесены разсказы съ сатирическимъ и юмористическимъ оттѣнкомъ (о невѣрныхъ женахъ, простоватыхъ мужьяхъ, священникахъ, монахахъ), отличающіеся иногда большою откровенностью.

„Волшебныя“ сказки сборника Н. Е. Ончукова имѣютъ себѣ рядъ параллелей и въ другихъ крупныхъ русскихъ сборникахъ (Аванасьева, Худякова, Добровольскаго, Романова и др.), отъ которыхъ однако отличаются нѣкоторыми внѣшними приѣмами, а именно многія сѣверныя сказки хранятъ выраженія и обороты рѣчи тожественные съ былинами, соблюдая нерѣдко ритмичность изложенія; нѣкоторыя же сказки суть не что иное, какъ эпическая пѣсня (№ 125), утеравшая свой пѣсенный характеръ.

Что касается сказокъ анекдотическаго характера, между ними нужно отдѣлить такія, которыя уже имѣютъ за собою традицію и сюжеты которыхъ отличаются устойчивостью (женскія увертки). Между сказками бытового характера помѣщено не мало небылицъ и прибаутокъ, „прибалутокъ“ по мѣстному выраженію. Во всѣхъ почти сказкахъ, помѣщенныхъ въ сборникъ Н. Е. Ончукова, встрѣчаются черты сѣверной природы и мѣстныхъ особенностей; индивидуальныя отличія сказочниковъ также отражаются на сказкахъ, какъ на внѣшней ихъ сторонѣ, такъ и на внутреннемъ ихъ содержаніи.—Последнее обстоятельство является весьма важнымъ при опредѣленіи устойчивости нѣкоторыхъ сказочныхъ подробностей.

Въ виду обилія матеріала и того, что онъ ограниченъ извѣстнымъ райономъ, сборникъ Н. Е. Ончукова представляетъ полезное пріобрѣтеніе для русскаго фольклора, и изслѣдователи сказки оцѣнятъ его значеніе.

Е. Е.

Бобринскій, г.р. А. А. Горцы верховьевъ Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. 20 фототипическихъ табл. раб. фотографа П. Павлова со снимковъ Н. В. Богоявленскаго. Москва, 1908 г.

Крайне интересный во всѣхъ отношеніяхъ трудъ, затрагивающій до сихъ поръ мало извѣстныя дебри крайнихъ верховьевъ Аму-Дарьи. Здѣсь еще понынѣ сохранились обломки тѣхъ древнѣйшихъ иранскихъ и другихъ народностей, слѣды которыхъ теперь безвозвратно исчезъ изъ другихъ мѣстъ Западной и Средней Азии. Въ здѣшнихъ горахъ нашли пріютъ „всѣ обезпленные, обездоленные въ непосильной борьбѣ, всѣ угнетенные злымъ рокомъ, деспотомъ или побѣдителемъ, всѣ преслѣдуемые за вину и безвинно, всѣ непокорные, всѣ недовольные или существующимъ, или вновь вводимымъ укладомъ жизни“, говоритъ авторъ книги о населеніи горной страны въ верховьяхъ Пянджа, какъ называется Аму-Дарья въ своемъ верхнемъ теченіи. Легко можно себѣ представить какой конгломератъ народностей образовался здѣсь. Потомки индусовъ, сіа-пушей, выходцевъ изъ Хорасана, древней Бактріи, Согдіаны, Бухары и другихъ примѣчательныхъ мѣстъ Азии, благодаря крайней замкнутости и недоступности занятой ими страны, до сихъ поръ сохраняютъ „многіе пережитки тѣхъ культуръ, въ рамки которыхъ укладывалась жизнь этихъ народностей“. Поэтому съ крайнимъ интересомъ читаются всѣ XVII главъ книгъ, описывающія какъ страну, такъ и многіе нравы, обычаи и занятія горцевъ. По пути авторъ, въ многочисленныхъ сносахъ, даетъ освѣщеніе различныхъ нарицательныхъ и собственныхъ именъ, относящихся до географіи, исторіи, этнографіи и религіи страны, на основаніи многочисленныхъ данныхъ изъ западно-европейской и русской литературы, что дѣлаетъ книгу еще болѣе цѣнною не только для чтенія вообще, но и для знакомства съ написаннымъ на разныхъ европейскихъ языкахъ объ интересныхъ горныхъ странахъ Центральной Азии.

„Добавленія“, (стр. 122—135) помѣщенные въ концѣ книги и написанныя, вѣроятно, послѣ окончанія ея, также заключаютъ въ себѣ выдержки изъ европейской историко-географическо-филологической литературы о Тохаристанѣ, Бактріи, о китайскомъ вліяніи на западъ отъ Памировъ, Шугнанѣ, Ваханѣ, Согдіанѣ и Каратегинѣ.

Не мало выплываетъ книга отъ того, что она проникнута теплымъ отношеніемъ автора къ описываемой имъ народности, горцамъ-таджикамъ, волею судьбы и разнообразныхъ историческихъ пережитій занесенныхъ въ эти суровыя страны съ заоблачными высями и ослѣпительнымъ на нихъ сіяніемъ вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ.

Черты древней аристократической расы, арійской, по словамъ автора, до сего времени еще не угасли въ этихъ горахъ. Самоуваженіе, отсутствіе кражъ, крайняя вѣжливость въ сношеніяхъ между собою, почтеніе къ старшимъ и изящество манеръ—ихъ отличительныя черты. Любопытныя нравы и обычаи—ваханцевъ и ишканимцевъ, отзываются, повидимому, глубокою древностью, авторъ интересно разсказалъ въ главахъ XII—XVI („Свадьба, рожденіе“, Новый годъ, календарь, земледѣльческіе праздники, „Суевѣрія, духи, мибы“, „Священные камни“; Мазары, Graffiti на камняхъ, камни-драконы“), и вдумчивый историкъ-ориенталистъ и филологъ-пранистъ найдутъ, несомнѣнно, не мало матеріаловъ въ этихъ, хотя и отрывочныхъ, наброскахъ для интересныхъ размышленій о древнихъ сторонахъ быта арійскихъ племенъ. Многочисленныя же замѣтки-ссылки на различныхъ европейскихъ ученыхъ, приводимыя авторомъ въ сноскахъ, въ весьма значительной степени могутъ служить читателю путеводною нитью въ тѣхъ или иныхъ его научныхъ выводахъ.

Несмотря на нѣкоторыя, очень незначительныя, неточности, *)

*) Напримѣръ въ примѣчаніи 47 на стр. 27 авторъ на основаніи Le Strange и Ed. Chavannes'a, приводитъ предположеніе, что слово „Аму“ (Дарья) „происходитъ отъ названія города Amol (также Amuqa, Amu) современный Чарджуи“, между тѣмъ есть персидскія слова *Ами*, *Амуда* прилагательныя означаютія *многоводный, великій, большой* (о водѣ); отсюда глаголь *amidan* *наполнить до краевъ, изобиловать водою*. Всѣ эти слова до сего времени сохранили такое именное значеніе въ бухарскихъ нарѣчіяхъ персидскаго языка, и названіе рѣки—„Аму, Амуйя“ слышится въ мѣстностяхъ, лежащихъ гораздо выше Чарджуи.

Вскользь упоминая въ разныхъ мѣстахъ книги объ исламитахъ и ихъ прахѣ, автору слѣдовало-бы для полноты картины поподробнѣе остановиться на ученіи этой секты въ изложеніи горныхъ пировъ. И хотя авторъ уже сдѣлалъ это въ особой брошюрѣ („Секта Исмаиля въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи“), но такъ какъ послѣдняя была издава въ 1902 г., то не мѣшало бы включить это описаніе ученія горныхъ исмаили-

нельзя не пожелать этой прекрасной и занимательной книгѣ самаго широкаго распространенія.

А. Семеновъ.

Проф. Вильгельмъ Сиверсъ. Азія. Переводъ со 2-го переработаннаго нѣмецкаго изданія Г. Г. Генкеля, подъ редакціей профессора Харьковскаго университета А. Н. Краснова. 182 художественно исполненныхъ иллюстрацій въ текетѣ, 16 картъ въ краскахъ и 20 хромолитографій и гравюръ (на деревѣ и мѣди) Спб. Типографія книгоиздательск. Т-ва „Просвѣщеніе“.

Это недавно вышедшій 2-й томъ цѣлой серіи сочиненій, выходящихъ подъ общимъ заглавіемъ „Всеобщая Географія“ подъ редакціей профессора В. Сиверса. Прекрасное по вѣщности изданіе, столь обычнаго въ этомъ отношеніи типа изданій, предпринятыхъ сначала книгоиздательствомъ „Просвѣщеніе“, а теперь продолжаемыхъ книгоиздательствомъ „Культура“.

Въ предисловіи нѣмецкій авторъ книги говоритъ, что этотъ томъ „Азіи“ подвергся коренной переработкѣ по сравненію съ первымъ изданіемъ, такъ что его можно назвать совершенно новымъ сочиненіемъ. Произошло это потому, что за послѣднее время, по словамъ автора, „литература по географіи Азіи обога-

товъ въ разсматриваемую книгу, подкрѣпивъ его любопытными и едва-ли извѣстными нашимъ этнографамъ отношеніями памирскихъ исмаилитовъ къ своему вліятельному главѣ, кулябскому Сейид-Феридун-Хану.

Тысяча дворовъ, слѣпо преданныхъ послѣднему изъ адептовъ племени „хазара“, живутъ въ окрестностяхъ г. Куляба (въ Бухарскихъ владѣніяхъ), причемъ, авторитетъ и обаяніе Феридун-Хана среди племенъ сѣвернаго Афганистана, кезарейцевъ, фирузкуховъ, джемшидовъ и проч. (которые въ подавляющемъ числѣ—исмаилиты) настолько велики, что не такъ давно (въ концѣ 1907 г.) эмиръ Хабибулла приглашалъ въ политическихъ видахъ, Сейид-Феридун-Хана переселиться въ Афганистанъ вмѣстѣ съ своими учениками, клянясь Кор’аномъ не дѣлать ему и его послѣдователямъ никогда никакихъ обидъ и насилій. Словомъ Сейид-Феридун-Ханъ для исмаилитовъ Бухары и вообще нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній то же, что Ага-Ханъ для Индіи.

Въ отношеніи фотографій типовъ и жанровъ сценъ, находящихся въ книгѣ, фотографу слѣдовало бы не становиться при съемкѣ спиною къ солнцу, въ такомъ случаѣ не случилось бы совершенно черныхъ лицъ и фигуръ. Пейзажи съ горными вершинами гораздо болѣе выиграли бы при передачѣ градаціи бѣлыхъ снѣговъ и чернящихся скатовъ, если бы примѣнить экспозицію со свѣтофильтрами. Несомнѣнно, что даже не при особо солнечной погодѣ вполне возможна моментальная съемка свѣтосильнымъ объективомъ съ слабоокрашеннымъ свѣтофильтромъ.

тилась почти неисчислимымъ множествомъ сочиненій преимущественно посвященныхъ русскимъ владѣніямъ, Центральной Азіи, Китаю, Японіи, Индокитаю и Малайскому Архипелагу“. Поэтому, надо полагать, авторъ и переработалъ настоящий трудъ согласно данныхъ литературы объ Азіи за послѣдніе годы. Къ тому-же выставленное на титульномъ листѣ указаніе, что русскій переводъ сдѣланъ подъ редакцію профессора Краснова, обязывало-бы смотрѣть на настоящую книгу, какъ на лучшее и удовлетворяющее во всѣхъ отношеніяхъ изданіе по географіи Азіи.

Однако, знакомясь ближе съ внутреннимъ содержаніемъ книги, невольно приходится въ этомъ разочароваться. Позволимъ себѣ указать въ этой небольшой замѣткѣ слѣдующіе промахи хотя-бы въ отношеніи Средней Азіи. Напримѣръ на стр. 237, говоря о томъ, что въ Персіи почти нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, авторъ добавляетъ: „впрочемъ, въ настоящее время Россія сооружаетъ линію Асхабадъ—Мешедъ“. На чемъ основано такое утвержденіе и почему оно не исправлено, какъ завѣломо невѣрное,—редакторомъ—совершенно неизвѣстно. Не только Россія не сооружаетъ желѣзной дороги между этими пунктами, но пока и не могла до послѣдняго Англо-Русскаго соглашенія даже думать объ этомъ въ силу небезызвѣстнаго г.г. дипломатамъ одного конфиденціального соглашенія между двумя государствами.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи эта ошибка упорно повторяется (на стр. 240, напримѣръ, фразою, что торговля Мешедъ имѣетъ „шансы значительно расцвѣсти по окончаніи сооруженія желѣзнодорожной линіи на Мешедъ“).

Знаменитому въ географіи Персіи священному мѣсту шиитовъ, столицѣ Херосана, Мешеду, посвящено всего на-всего 4 строчки, при чемъ онъ названъ селеніемъ.

Говоря о Закаспійской желѣзной дорогѣ (вѣрнѣе,—и такъ она уже давно называется,—Средне-Азіатской), авторъ говоритъ, что станціями на ней „являются оазисы Туркменской пустыни“?! При чемъ далѣе говоритъ, что „главный между ними (т.-е. оазисами)—Асхабадъ съ 20 т. жителей“. А между тѣмъ въ одномъ лишь укрѣпленіи Асхабадъ считается свыше 40 т. жителей (безъ войскъ), въ Ахаль-Текинскомъ же оазисѣ (безъ укрѣпленія Асхабадъ) до 80 т. душъ обоюга пола.

Переходя вообще къ русскому Туркеставу, съ грустью прихо-

длится констатировать полную неосведомленность автора и редактора объ этой обширной странѣ. Такъ, гор. Ходжентъ оказался находящимся въ Ферганѣ (вмѣсто Самаркандской области), и лежащимъ у желѣзной дороги (на самомъ дѣлѣ въ 9 верстахъ). Русскій Ташкентъ, оказывается, „послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ основанныхъ русскими въ Туркестанѣ городовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного лишь Семирѣченска“ (такого города нѣтъ во всѣхъ пяти областяхъ Туркестана). Извѣстный дворецъ Худояръ-Хана въ Кокандѣ „окруженъ стѣнами и рвами имѣетъ четыре башни по угламъ и нѣсколько по срединѣ“. Но на самомъ дѣлѣ рвы давнымъ давно уже засыпаны, самыя стѣны замѣнены новыми, сдѣланными русскими, и никакихъ въ срединѣ башенъ не имѣетъ.

Всѣ эти неточности и вымыслы сосредоточены на одной страницѣ (293-ей).

Освѣдомленность автора и редактора въ отношеніи Бухары достигаетъ своего апогея на стр. 288-й, гдѣ говорится, что „около желѣзной дороги лежатъ: занимающійся виноградарствомъ Каракуль, въ центральной части Кермине на Заравшанѣ, Карчи (sic!), Китабъ и Шееръ (sic!) или Шааръ съ резиденціею эмира Саида Абуулабадь, узбека по происхожденію, но съ таджикскими чертами лица и, наконецъ, уже въ горахъ,—Файсабадь и Гармъ“. На самомъ дѣлѣ это „около желѣзной дороги“—выражается въ слѣдующихъ разстояніяхъ: Кермине лежитъ въ 16 верстахъ отъ полотна желѣзнодорожнаго пути, Карши—въ 160 верстахъ, Китабъ и Шааръ,—верстахъ въ 200-хъ, Файзабадь—верстахъ въ 400-хъ, а Гармъ—верстахъ въ 500-хъ. При чемъ, никогда никакой эмиръ Саидъ-Абдулабадь *) не жилъ и не живетъ въ Китабѣ или Шаарѣ (въ послѣднемъ городѣ всегда жилъ бухарскій губернаторъ; имя теперешняго—Насрулла-Бекъ-бій-парвоначи).

Не касаемся прочихъ нелѣпостей и того вздора, которые щедро разбросаны въ столь изящно изданной по виду книгѣ, достаточно даже наудачу раскрыть ее и прочитавъ нѣсколько страницъ. Удивляемся только одному, какъ могъ „профессоръ Харьковскаго универси-

*) Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду теперешняго эмира Бухары, Саида-Абдуль-Агадь-Бахадур-Хана.

тета А. Н. Красновъ“ **) дать свою фирму этому русскому, съ позволенія сказать, переводу труда профессора В. Сиверса.

А. С—овъ.

Записки Восточнаго Отдѣленія Им. Русс. Археол. Общ. т. XVIII, выпуски II—III. СПБ. 1908.

Указанный томъ „Записокъ“ въ ряду своихъ статей (В. Смирновъ: Мнимый турецкій султанъ, именуемый у европ. писателей XVI в. *Calerinus Cyriscebles*; И. Крачковскій: Поэтическое творчество Абу-л-'Амаиу; А. Дьяковъ: Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 г.) имѣеть весьма интересное изслѣдованіе К. Иностранцева: „Матеріалъ изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи Сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья“. Авторъ основываетъ свою работу на изданіи и переводѣ текета сочиненія, возводимаго къ арабскому писателю IX в. Абӯ 'Усмāну 'Амру-ибн-Бахру ал-Джахизу. Рукопись этого сочиненія хранится въ Лейденской библиотекѣ, датирована она 757 годомъ Хиджры (1356 г. по Р. Х.). Изслѣдуемое сочиненіе не велико, но представляетъ собою большой интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ арабскихъ сборниковъ примѣтъ и повѣрій; интересъ этотъ еще увеличивается въ виду того, что данное сочиненіе приписывается извѣстному писателю Джахизу, а матеріалъ, его составляющій, возводится въ до-мусульманскую Персію. Г. Иностранцевъ разсматриваетъ содержаніе сборника и опредѣляетъ связь его съ древне-персидскими сасанидскими матеріалами, сравнивъ изслѣдуемый текстъ съ нѣкоторыми сасанидскими литературными источниками (книга *Динъ-нама*); затѣмъ авторъ разбираетъ по главамъ примѣты и повѣрья, выясняетъ вліяніе Индіи, (указанное въ самомъ текстѣ) на ихъ образованіе и отмѣчаетъ нѣкоторыя индійскія гаданія, о которыхъ упоминается въ арабскомъ сборникѣ, напр. по мистической книгѣ „джафръ“—гаданія, употреблявшіяся и у арабовъ. Примѣты и повѣрья разбираемаго трактата связаны съ календаремъ—примѣты и повѣрья о дняхъ недѣли, о началѣ года, о дняхъ свѣта и огня

**) Впрочемъ, о проф. Красновѣ, какъ географѣ, можно составить нѣкоторое мнѣніе по рецензій Д. Н. Анучина на его „курсъ землевѣдѣнія“ (въ журн. „Землевѣдѣніе“, 1908, кв. I).

(пятница— день украшенія, среда сведеніе счетовъ, тайныхъ дѣлъ; если въ началѣ года строили святилища—годъ былъ исполненъ любви и согласія и т. д.); примѣты и повѣрья касаются разнаго рода животныхъ—собаки, волка, крысъ, пѣтуха, курицы, змѣй— ихъ крикъ, встрѣча съ ними, ихъ внезапное появленіе имѣло и доброе и злое значеніе (пѣтухъ хлопаеть крыльями—несчастье хозяина; воютъ волки въ горахъ имъ отвѣчаютъ собаки въ деревьяхъ—предсказаніе тяжелой войны; если передъ человѣкомъ упадетъ змѣя—непріятность); примѣты и повѣрья связываются съ огнемъ—„признаки въ огняхъ“ (огонь кружится на очагѣ—смута, споръ; огонь бросаетъ много искръ—къ дождю), относятся къ тѣлодвиженіямъ человѣка, его наружнымъ признакамъ—цвѣтъ кожи, форма частей тѣла (маленькое ухо—хорошія качества души, любезность), волосы, жесты (склоняетъ голову къ плечамъ—хорошо поражаетъ копьемъ), манера говорить, родимыя пятна, біеніе жилъ, дрожаніе частей тѣла (правая сторона лица дрожитъ ко благу, лѣва—къ несчастью, дрожитъ край носа—разореніе; ступни, ладыжки дрожатъ—усталь человѣкъ сердцемъ, утомленъ душой)—все это даетъ матеріалъ для предсказаній, для опредѣленія характера и духовныхъ качествъ человѣка. Г. Иноземцевъ, проводя параллели между разбираемымъ трактатомъ и существующими подобнаго рода сочиненіями, выдѣляетъ его составныя части и даетъ къ нимъ весьма интересные поясненія, отмѣчая первоначальную основу трактата и возводя нѣкоторыя вѣрованія къ глубокой древности.—Въ концѣ арабскаго текста помѣщена глава, приписываемая Иппократу—„знаки смерти“, въ ней по вышнимъ признакамъ больного опредѣляется день его смерти. Подобная же глава съ этимъ же именемъ находится и въ другихъ гадательныхъ рукописяхъ Востока. Авторъ изслѣдованія путемъ сравненій выдѣляетъ нѣкоторыя подробности находящагося въ его рукахъ текста и даетъ его характеристику. Изданный текстъ представляетъ собою большой интересъ, какъ матеріалъ для изученія народныхъ повѣрій, не только существующихъ въ устной передачѣ, но и вошедшихъ въ составъ литературныхъ памятниковъ (древне-русскій Треничникъ и однородные съ нимъ сборники). Этотъ же матеріалъ можетъ дать цѣнныя свѣдѣнія для выясненія культурной исторіи до-мусульманской Персіи. Изслѣдованіе г. Иностранцева для этого изученія даетъ не мало руководящихъ мыслей.

Е. Е.

Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера (Журналъ жизни Сѣвернаго Края). 1909 г. № 1. Арх. 8°. 72 столбца.

Вновь образовавшееся Общество издало первый номеръ своего научно-общественнаго журнала. По этнографіи въ немъ ничего существеннаго нѣтъ, но въ программѣ журнала имѣется и эта научная область. Здѣсь много матеріала по изученію моря, промысловъ, общественной жизни. Среди этихъ матеріаловъ можно встрѣтить и нѣкоторые этнографическіе факты. Такъ, напр., В. Ф. Држевецкій, намѣчая программу желательной дѣятельности экспедиціи для научно-промысловыхъ изслѣдованій у береговъ Мурмана 8-мъ пунктомъ ставитъ: „приведеніе новой серіи статистическихъ изслѣдованій Мурмана, такъ успѣшно начатыхъ въ 1898—1900 гг. Управляющимъ Архангельской Казенной Палатой А. П. Ушаковымъ и выполненныхъ подъ его руководствомъ при ближайшемъ участіи Н. В. Романова“. Эти изслѣдованія дали, между прочимъ, „фотографически-вѣрную картину“ быта и экономическаго положенія поморовъ-промышленниковъ и мурманскихъ колониатовъ.

Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ трудовъ по этнографіи сѣвера, а пока пожелаемъ новому журналу счастливаго существованія и научныхъ успѣховъ.

Вл. Б.

Архангельская Карелія. Изданіе Арх. Губ. Стат. Комитета. Арх. 1908. 8°. II+II+101+39 стр. + карта.

О карелахъ ученыхъ работъ немного, и хотя настоящая книга къ строго-ученымъ причислена быть не можетъ, она все же даетъ полезныя свѣдѣнія по изученію карельской народности.

Вся книга распадается на нѣсколько самостоятельныхъ очерковъ. Первый изъ нихъ—Архангельскіе карелы—даетъ краткія историческія свѣдѣнія, колпчество населенія, населенные пункты, бытовые особенности, занятія, землевладѣніе и проч. (3—39 стр.). Второй очеркъ посвященъ дорожному дѣлу, третій—школьному. Среди пяти приложений слѣдуетъ обратить вниманіе на 2-е: „Списокъ населенныхъ мѣстъ въ Архангельской Карелии“ и особенно на 4-е: „Указатель русской литературы объ Архангельской Каре-

ли“ (34—39 стр.). Этотъ послѣдній, по нашему мнѣнiю, слѣдовало бы расширить до предѣловъ изученiя всего карельскаго племени и мѣсть ихъ обитанiя, такъ какъ ограниченiе его границами Архангельской губернiи имѣеть лишь чисто-канцелярское значенiе.

Весь трудъ составлень при комитетѣ коллективно подѣ общимъ руководствомъ И. В. Сосновскаго.

Вл. Б.

Газеты и журналы.

American Anthropologist. 1908. Vol. 10 № 4. *W. Dreyer*: „The Main Features of the Advance in the Study of Danish Archeology“.—*D. I. Bushnell*: „Research in Virginia from Tidewater to the Alleghanies“.—*J. D. Meguire*. „Ethnological and Archeological Notes on Moosehead Lake, Maine“.—*C. H. Merriam*: „Totemism in California“.—*S. C. Simms*: „Bontoc Igorot Games“.—*D. I. Bushnell*: „The Account of Lamhatty“.—*M. R. Harrington*: „Some Seneca Corn-foods and their Preparation“.—*E. L. Hewett*: „The Groundwork of American Archeology“.—*S. G. Morley*: „The Excavation of the Cannonball Ruins in Southwestern Colorado“.—*Ch. J. Montgomery*: „Survivors from the Cargo of the Negro Slave Yacht „Wanderer“.—*J. W. Fewkes*: „Further Notes on the Archeology of Porto Rico“.—*G. G. MacLurdy*: „Some Recent Paleolithic Discoveries“.—*G. T. Emmons*: «Copper Neck-rings of Southern Alaska».—*G. G. MacLurdy*: „The Sixteenth International Congress of Americanists“.—*W. Hough*: «Otis Tufton Mason»—(некрологъ), — „Boo Reviews“ (3 рецензии).—„Some New Publications“.—„Periodical Literature“.—„Foreign Notes“.—„Anthropological Miscellanea“.—„Index to Volume 10.

Anthropos 1909. Band IV. Heft. 1. *A. Grignard*: „The Orans and Mundas from the time of their settlement in India“. Авторъ пытается доказать, что „Каруша“ Махабхараты и „рагшаза“ тождественны съ Ораонами, и на этомъ основаніи пробуетъ возстановить исторію даннаго племени.—*J. Winthuis*: „Die Bildersprache des Nordoststammes der Gazelle-Halbinsel“. Статья даетъ много примѣровъ образности и картинности одного изъ языковъ Новой Помераніи, его пристрастія къ самымъ замысловатымъ сравненіямъ, иногда даже затрудняющимъ пониманіе сказаннаго.—*Bechara Chémali*: „Moeurs et usages au Liban“; начало, повидному,

довольно обширной работы; пока напечатана 1-я глава, посвященная погребальнымъ обрядамъ; есть нотныя записи похоронныхъ причитаній.—*M. Molz*: „Ein Besuch bei den Ao-Nagas in Assam“; въ статьѣ дается описаніе всѣхъ сторонъ жизни племени (географическое положеніе, физическія качества, жилища, пища, одежда, украшенія, семейная жизнь, политическая организація, религія и міѳологія), но обо всемъ сказано понемногу и новаго, въ сравненіи съ уже имѣющимися въ англійской литературѣ данными, здѣсь мало.—*A. de Clercq*: „Quelques légendes des Bena Kanioka“; подлинныя тексты и подстрочныя французскіе переводы; Bena Kanioka—одно изъ племенъ государства Конго.—*J. de Marzan*: „Le culte des morts aux Fiji“.—*J. Etienne*: „La secte musulmane des Malès du Bresil et leur révolte en 1835“; рѣчь идетъ о неграхъ-мусульманахъ, вывезенныхъ въ Бразилію съ западнаго берега Африки.—*A. Erdland*: „Die Stellung der Frauen in den Häuptlingsfamilien der Marshallinseln“.—*Ch. Gilhodes*: „Mythologie et religion des Katchins“; продолженіе статьи начатой въ предыдущемъ году.—*C. Tatevin*: „De la formule de salutation chez les indigènes du Bresil“.—*F. Wolf*: „Grammatik der Kroso-Sprache“ (сѣверное Того въ западной Африкѣ).—*Br. Otto*: „Fund einer althebräischen Münze in Natal“; монета относится ко времени правленія Симона Макавея (143—136 гг. до Р. X.) и очень хорошо сохранилась; какъ она попала въ южную Африку, гдѣ была найдена случайно довольно глубоко въ землѣ, пока остается загадкой.—*J. Boehmer*: „Zum Problem der neuarabischen Sprache“.—*Hayavadana Rao*: „The Kasubas, a forest tribe of the Nilgiris“; очень маленькая замѣтка, но сообщающая нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія: о тотемизмѣ, о брачныхъ обрядахъ и т. п.—*M. Bittner*: „Ein armenischer Zauerstreifen“.—*G. Ferrand*: „Note sur l'alphabet arabico-malgache“.—*G. Schmidt*: „L'origine de l' idée de Dieu“. Продолженіе обширной работы, печатавшейся въ журналѣ въ теченіе всего прошлаго года и все еще далеко не законченной.—„*Analecta et additamenta*“.—„*Miscellanea*“.—„*Bibliographie*“ (15 рецензій).—„*Zeitschriftenschau*“.

Heft 2. *A. Hamberger*: „Religiöse Überlieferungen und Gebrauche der Landschaft Mkulwe“ (восточная Африка); многія преданія приведены въ подлинникѣ.—*A. Schotter*: „Notes ethnographiques sur les tribus du Kouy-tcheou“; продолженіе статьи, начатой въ пре-

дыдущемъ году; въ настоящемъ выпускѣ описываются различными племена Мiao.—*J. Meier*: „Mythen und Sagen der Admiraltätsinsulaner“; окончаніе работы, начатой въ предыдущемъ году; подлинныя тексты и подстрочныя нѣмецкіе переводы безъ всякаго комментарія.—*P. Camboué*: „Les dix premiers ans de l'enfance chez les Malgaches“; обрѣзаніе, нареченіе имени, воспитаніе.—*V. M. Egigi*: „Casa e villaggio, sottotribù e tribù dei Kuni“ (британская Новая Гвинея).—*J. Etienne*: „La secte musulmane des Malès, au Brésil, et leur révolte en 1835“ (окончаніе)—*A. Marie de St. Elie*: „Aventures d'un voyage en 1861 dans le Yemen“.—*A. de Clercq*: „Quelques légendes des Bena Kanioka“ (окончаніе).—*W. Crooke*: „Death; Death Rites; Methods of the disposal of the dead among the Dravidian and other non-Aryan tribes of India“; статья пока не закончена.—*F. X. Kugler*: „Auf den Trümmern des Raubabylonismus; критическій разборъ недавно вышедшей книжки д-ра Альфреда Иереміасъ, посвященной въ свою очередь возраженіямъ противъ книги Куглера «Sternkunde und Sterndienst in Babel», гдѣ доказывается отсутствіе у вавилонянъ временъ Ассурбанипала точныхъ астрономическихъ знаній.—*A. Werner*: „Bushman Art“; очень маленькая замѣтка.—*G. Schmidt*: „L'origine de l'idée de Dieu“.—„Analecta et Additamenta“.—„Miscellanea“.—„Bibliographie“; 15 рецензій, въ томъ числѣ на „Этнографическое Обозрѣніе“ за 1906 и 1907 г.г. и на „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. 38-ой и 39-й.—„Zeitschriftenschau“.

Man. Vol. IX, 1909 № 1. *T. A. Joyce*: „On a Carved Wooden Cup from the Bakuba, Kasai District“.—*A. Long*: „Linked Totems“.—*C. G. Seligmann*: „Linked Totems in British New Guinea“.—*A. M. Blackman*: „The Fox as a Birth-Amulet“.—„Reviews“ (4 рецензій).—„Anthropological Notes“.

№ 2. *A. C. Haddon*: „Otis Tufton Mason“ (некрологъ).—„*M. E. Cunnington*: „Notes on a Late Celtic Rubbish Heap near Oare, Wiltshire“.—*J. Jetté*: „On the Language of the Ten'a“.—*R. G. Brown*: „Cheating Death“.—„Reviews“ (2 рецензій).

№ 3. *C. G. Seligmann*: „A Type of Canoe Ornament with Magical Significance from South-eastern British New Guinea“.—*J. R. Mortimer*: „The Stature and Cephalic Index of the Prehistoric Men whose Remains are preserved in the Mortimer Museum“.—

J. Edge-Partington: „Maori Burial Chests“.—*K. R. Dundas*: „Kikuyu Calendar“.—*A. van Gemrep*: „Netting without a knot“.—*H. G. O. Kendall*: „Remarkable Arrowheads and Diminutive Bronze Implements“.—„Reviews“ (4 рецензій).—„Anthropological Notes“.

№ 4. *W. E. Roth*: „Australian Huts and Shelters“.—*M. E. Cunningham*: „On a Remarkable Feature in the Entrenchments of Кнап Hill Camp., Wiltshire“.—*A. Lang*: „Mr. Gason and Dieri Totemism“.—*J. W. W. Crawford*: „The Kikuyu Medicine-Man“.—*J. Edge-Partington*: „Maori Forgeries“.—„Reviews“ (8 рецензій).

Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXXIX Band: I und II Heft. *Dr. E. Frizzi*: „Ein Beitrag zur Anthropologie des Homo alpinus Tirolensis“. Обширная статья, основанная на измѣреніяхъ 1122 череповъ и 80 живыхъ субъектовъ, отъ широкихъ выводовъ авторъ воздерживается и оставляетъ открытымъ вызвавшій столько споровъ вопросъ о происхожденіи альпійской расы.—*J. R. Bunker*: „Dorffluren und Bauernhäuser im Lungau (Herzogtum Salzburg)“; статья пока еще не окончена.—*H. Beyer*: „Über den mexikanischen Gott Quetzalcoatl“; маленькая замѣтка.—*J. Pokorny*: „Der Ursprung der Arthursage“.—„Literaturberichte“ (19 рецензій).—„Sitzungsberichte“.

Извѣстія Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. 1908. т. XXIII, вып. 6. *Высоцкій, Н. Θ.*, Каменный вѣкъ въ Казанской губерніи (съ 9 табл.).—*Лебедевъ, А. С.*, Пижемское городище (съ 2 табл. и картой).—*Wilh. Ramzeu* (въ переводѣ И. В. Альфонсова), Усамовъ Канническаго полуострова.—*Харламовичъ, К. В.*, Къ вопросу о погребальныхъ мѣстахъ и вуклахъ у западно-сибирскихъ инородцевъ.—Краткая программа для описанія киргизскаго аула Протоколы общихъ собраній о-ва за 1907 г.

т. XXIV, Вып. 1—2. *Вештомовъ, Александръ*, Исторія вятчанъ съ 1181 по 1781 г.—Вып. 3. *Высоцкій, Н. Θ.*, Роль женщины въ исторіи нашей народной медицины.—*Катановъ, Н. Θ.*, Общество исторіи, археологіи и этнографіи за тридцать лѣтъ.—*Высоцкій, Н. Θ.*, Нѣсколько словъ о погребальныхъ обычаяхъ вогулъ (съ рисункомъ).—*Кузнецовъ-Красноярскій, Инн.*, О нѣкоторыхъ находкахъ древностей желѣзнаго періода на югѣ Енисейской губерніи

(съ таблицами).—*Никитинъ, И.*, Пѣснь чувашъ Ядринскаго и со-
сѣднихъ уѣздовъ.—*Узенеръ, Германъ*, Что такое мѣтологія? (перев.
съ нѣм.).—**Вып. 4.** *Шестаковъ, С. П.*, По поводу новѣйшихъ
трудоу по исторіи и этнографіи Херсонеса Таврическаго.—
Высоцкій, Н. Ѳ., Нѣсколько словъ о древностяхъ Волжской Бол-
гаріи (съ таблицами).—*Допаткинъ, М. И.*, Подворныя описи села
Николаевскаго.—**Вып. 5.** *Диваевъ, А. А. и Андерсонъ, В. Н.*, Блр-
гизская легенда о ветхозавѣтномъ великомъ Аджѣ.—*Катановъ, Н.*
Ѳ., О нѣкоторыхъ предметахъ изъ китайской коллекціи (съ 6
рис.).—**Вып. 6.** *Хомяковъ, М. М.*, Матеріалы по антропологии Во-
стока Россіи.—*Кобловъ, Я. Д.*, Религіозные обряды и обычай та-
таръ магометанъ.—*Васильевъ, В. М.* Пѣсни черемисъ Бирскаго
и Сарапульскаго уѣз. — *Его же*, О характерѣ и строѣ черемисскихъ
пѣсней.

Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. 1908, выпускъ 24.

Соколовъ, М. Е., О дулѣбахъ.—*Зайковский, Б.*, Каменные бабы
въ Саратовскомъ Поволжьѣ.—*Соколовъ, М. Е.*, Фонетическая за-
пись сказки объ Ильѣ Муромцѣ.—*Онъ же*, О языкѣ сказокъ,
пѣсней и областныхъ словаряхъ.—*Онъ же*, Великорусскія пѣсни,
записанныя фонетически.—*Онъ же*, Историческія пѣсни Саратов-
ской губерніи.—

Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 1908. № 12. *Сташевскій, Е. Д.*,
Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли „чети“?—**1909. № 1**
и № 3. *Смирновъ, П.*, Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI столѣтія
по писцовымъ книгамъ. Оконч. курсъ.—**№ 3 и № 4.** *Гинзушевъ,*
А. М., Отрывокъ изъ писцовой книги Вотской пятины второй
половины 1504—1505 г., содержащій въ себѣ описъ двордовыхъ
земель этой пятины.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1908.
6—7. *Смирновъ, А.*, Курсъ исторіи религій (Оконч.).—**1909. 2, 3.**
Андерсонъ, В., Романъ Апулея и народная сказка.—

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1908.
7, 8. *Синайскій, В. И.*, Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права
въ древнемъ Римѣ.—**7.** *Кудрявскій, Д.*, Хптопадеша. Доброе на-
ставленіе. Сборникъ древнеиндійскихъ разсказовъ.—*Лаутенбахъ, Я.*,
Нѣсколько словъ о понятіи „сравнительнаго“ языковѣдѣнія.—**1909.**
1. 2. *Синайскій, В. И.*, Цитированное сочиненіе (прод.). *Кудряв-*
скій, Д., Цит. соч. (прод.).—

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1908. Книга 3-я (226-я). *Савва, В. И.*, Арзамасскіе и барминскіе будные станы. Приходо-расходныя смѣтныя книги 1679—1680 г.г.—*Григорьевъ, А. Д.*, Тексты повѣсти объ Акирѣ премудромъ. Древнѣйшая редакція.—*Серебрянскій, Н. И.*, Очерки по исторіи всковскаго монашества. (Окончаніе въ слѣд. книгѣ).—Смѣсь: Неуристойныя рѣчи XVII вѣка.—Сербскіе списки книгъ истинныхъ и ложныхъ.—Книга 4-я (227-я). *Орловъ, А. С.*, Видѣніе Хутынскаго пономаря Тарасія Прохира (XVI в.).—Смѣсь: О запрещеніи въ сибирскихъ городахъ „зерновой, картной и всякой закладной“ игръ и не отдачѣ ихъ на откупъ и на вѣру. 1637.—

1909 г. Книга 1-я (228-я). *Сперанскій, М. Н.*, Сербское житіе литовскихъ мучениковъ.—Книга 2-я (229-я). *Бьлокуровъ, С. А.*, Юрій Крижаничъ въ Россіи. Выпускъ 3-ій: дополнительные документы 1641—1658 г.г.—Смѣсь: Писцовое описаніе помѣстій и вотчинъ Шереметевыхъ въ Заозерской половинѣ Вологодскаго уѣзда.

Новости этнографической литературы.

Адонцъ, Н. Армения въ эпоху Юстиниана. Политическое состояніе на основѣ Харскаго строя. Спб. 1908 г. б. 8°. XIV+265 стр. („Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи“ кн. XI).

Анріевъ, А. Сборникъ черемисскихъ пѣсень, записанныхъ въ разныхъ селеніяхъ Бирскаго и Сарапульскаго уѣздовъ въ 1905—1907 гг. Русскій переводъ, исполненный В. М. Васильевымъ. Каз. 1908 8° бр.

Ашмаринъ, Н. И. Болгары и чуваша. (Съ 2 таблицами) Каз. 8°. (Изв. О-ва Арх., Ист., Этн., томъ XVIII).

Березинъ, Н. Въ Среднемъ царствѣ. Очерки жизни и быта въ Китаѣ. Спб. 1909. 12°.

Борецкій-Бергфельдъ, Н. Исторія Румыніи. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. („Исторія Европы по эпохамъ и странамъ“) подъ ред. Карѣва и Лучицкаго). Спб. 1909. 4°.

Бубновъ, Н. М. Происхожденіе и исторія нашихъ пыфръ. Палеографическая попытка изслѣдованія по исторіи науки въ Европѣ. Т. I, 2. Кіевъ 1908. 8°.

Бузескуль, В. проф. Исторія афинской демократіи. Спб. 1909. 8°.

Васильевъ, В. М. Пѣсни черемисъ Бирскаго и Сарапульскаго уѣздовъ. („Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн. Каз. Univ.“, XXIV, 6, стр. 565—584).

Васильевъ, В. М. О характерѣ и строѣ черемисскихъ пѣсень. (Тамъ же, стр. 585—587).

Вештомовъ, Александръ. Исторія вятчанъ со времени поселенія ихъ при рѣкѣ Вяткѣ до открытія въ сей странѣ намѣстничества или съ 1181 по 1787 годъ, черезъ 600 лѣтъ сочиненная въ 1807 и 808 годахъ. Каз. 1907 8°. 212+VIII стр. (Изв. О-ва Ист. и Этн., XXIV, 1—2).

Вильгельмъ, А. Русь Великая или Руй-Бель. Изысканіе о брусѣвшаго финскаго шведа по пѣснямъ „Исландской Едды“ и по корнямъ русскаго и скандинавскихъ языковъ. Часть I. Спб. 1908. 8°.

Владимирскій-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 6-е. Спб. Кіевъ. 1909 4°. VI+699 стр.

Высоцкій, Н. Ѡ. Нѣсколько словъ о древностяхъ Волжской Болгаріи (съ 10-ю таблицами). („Изв. О-ва Ист., Арх., и Этн., XXIV; 4, стр. 340—351).

Высоцкій, Н. Ѡ. Нѣсколько словъ о погребальныхъ обычаяхъ вогуль. (Съ рисункомъ). („Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“, т. XXIV, вып. 3, стр. 254—257). Каз. 1908 8°.

Гартманъ (Саданичи). Японское искусство. Перев. съ англ. О. Кринской. Съ 49-ю иллюстраціями. Спб. 1908 б. 8°.

Даниловъ, Владимиръ. Новый сборникъ украинскихъ пѣсень („Малоросс. народн. пѣсни, собр. проф. Д. И. Эварницкимъ). Отд. отт. изъ журн. „Кіев. Старина“. Кіев. 4° 20 стр.

День, В. Э. Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII вѣкѣ. и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка („Учен. Записки Имп. Моск. Унив.“, Отдѣлъ Юридическ. вып. XXI).

Диваевъ, А. А. и Андерсонъ В. Н. Киргизская легенда о ветхозавѣтномъ великомъ адѣѣ (огѣ). („Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн.“, т. XXIV, вып. 5, стр. 431—453).

Дирръ, А. М. Арчинскій языкъ. Предисловіе. Грамматическій очеркъ, тексты, сборникъ арчинскихъ словъ съ русскимъ къ нему указателемъ. Тифл. 1908. 8°. VII+227 стр. (Сборн. матер. д. о. м. и пл. К-за“, т. 39).

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка („Учен. Записки Имп. Моск. Унив.“, Отд. Ист.-Фил., вып. V):

Еланскій, Д. Старинныя пѣсни терекскихъ казаковъ. Тифл. 1908. 8° 56 стр. („Сборникъ матер. д. описанія мѣстности и пл. Кавк.“, т. 39).

Зеленинъ, Д. К. Народный обычай „грѣтъ покойниковъ“. (Изъ XVIII т. „Сборника Харьк. Ист.-Филол. О-ва“, изд. въ честь проф. Н. Ѡ. Сумцова). Харьк. 1909. 8°. 16 стр.

Ивановъ, И. Очеркъ возрѣній крестьянскаго населенія Купян-

скаго уѣзда на душу и на загробную жизнь. (Изъ XVIII т. «Сборника Харьк. Ист.-Филол. О-ва»). Харьк. 1909. 8^о. 12 стр.

„Калевала“. Альбомъ фототипій въ краскахъ и портретъ Э. Лёнпрота. 8^о.

Катановъ, Н. Ѳ. Общество археологій, исторіи и этнографіи за тридцать лѣтъ. (Изв. О-ва, XXIV, вып. 3, стр. 238—246). Каз. 1908. 8^о.

Кобловъ, Я. Д. Религіозные обряды и обычаи татаръ магометанъ (при нареченіи имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Каз. 1908. 8^о бр. („Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“, XXIV, 6, стр. 521—564).

Кобловъ, Я. (Перевелъ съ арабскаго) Народныя представленія о раѣ и адѣ. Каз. 1907 12 бр.

Ласковскій, В., составилъ. Новгородика. Опытъ словаря сочиненій, заключающимъ въ себѣ описаніе новгородской земли и ея исторіи. 3-е дополненіе. Новг. 1908. 8^о. 31 стр. („Сборникъ Новг. О-ва люб. древ.“, вып. I).

Левицький О. Невінчані шлюби на Україні въ XVI—XVII ст. („Зап. Наук. Тов. въ Київі“). Кн. 3).

Лобода, А. Праці Антоновича по этнографіи та літературі. („Зап. Наук. Тов. въ Київі“, 3 кн).

Македоновъ, Л. В. Въ горахъ Кубанскаго края. Быть и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронежъ. 1908. 4^о.

Милютинъ Д. М. Древнѣйшее населеніе Гродненской губерніи. Изд. 2-е исправленное. Гродна, 1908. 8^о. 98 стр.

Мироновъ, Ал. М. Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ („Учен. Зап. Моск. Унив.“, Отд. Ист.-Фил., вып. XXIII).

Мсеріанць, Левонъ. Этюды по армянской діалектологіи. Ч. I. Ч. II., вып. 1 („Уч. Зап. Моск. Унив.“, Отд. Ист.-Фил., вып. XXIV, XXXIII).

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Новое изданіе Русской Правды („Уч. Зап. Имп. Моск. Унив.“, Отд. Юрид., вып. XXVII).

Онъ же. Исслѣдованія о Русской Правдѣ. (Тамъ же, вып. IV).

Никитинъ, И. Пѣсни чувашъ Ядрискаго и сосѣднихъ уѣздовъ. („Изв. О-ва Ист., Ар. и Этн. При Каз. Унив.“, XXIV, 3, стр. 265—292). Каз. 1908. 8^о.

Новина, Антонъ. Бѣлоруссы. Отт. изъ книги „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ“). Спб. 1908. 8^о бр.

Ольденбургъ, С. В. Кульджинскія буддійскія терракотовыя пластинки собранія Н. Н. Кротова. Съ 4 рис. („Изв. Имп. Ак. Н., 1909, № 8).

Павловъ, А. 50-я глава „Кормчей книги“, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права („Уч. Записки Имп. Моск. Унив.“, Отд. Юрид. вып. V).

Петровъ, А. Замѣтки по этнографіи и статистикѣ. Архивы и библиотеки Угорщины. Памятники Угросурской письменности. Угросурскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Старопечатныя церковныя книги въ Мукачевѣ и Унгварѣ. („Приложеніе къ LXXXI части Записокъ Ист.-Фил. фак. Спб. Унив.“). Спб. 1906. 4^о 71 стр. (Матеріалы для исторіи Угорской Руси IV). Брош.

Петровъ, А. Л. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. V. Первый печатный памятникъ угросурскаго нарѣчія. Урбаръ и иные, связанныя съ крестьянской Маріи Терезіи реформой, документы. Спб. 1908. 8^о. II+139 стр. (Сборникъ отд. р. я. и слов. И. А. Н., т. LXXXIV, № 2).

Позднѣвъ, А. Учебникъ тибетской медицины. Томъ I. Съ монгольскаго и тибетскаго перевода. Спб. 1908. 8^о VIII+425 стр. Ц. 5 р. 50 к.

Поржезинскій, В. Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ („Уч. Зап. Моск. Унив.“ Отд. Ист.-Фил., вып. XXVIII).

Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія діалектологической карты русскаго языка. Составлена Московскою Діалектологической Комиссіей, состоящей при Отдѣленіи р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. I Южно-великорусскіе говоры. (Оттискъ изъ „Русс. Филол. Вѣсти“. 1909 г.). Варш. 1909. 8^о. 22 стр.

Протоколы зазданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Кружка Любителей Археологій. Годъ 13-й. (1 янв. 1908—1 янв. 1909). Ташк. 1908. 8^о. 57+36 стр.+рис. (*Диваевъ, А.*: О значеніи названія „Кокъ-Кесенѣ“; *Пантусовъ, Н.*: Христіанское кладбище у ущелья Зауке; *Спиридоновъ, П. С.*: Одинъ изъ вариантовъ легенды о Хоръ-Хутѣ; *Диваевъ, А.*: Легенда о великомъ Аджѣ, по прозвищу Агангеоръ-Алифъ; *Калмыковъ, А.*: Аму-Дарьинскій кладъ и греко-бактрійское искусство; *Онъ же*: Открытія Б. Н. Кастальскаго

„Бія-найманскіе оссуаріи“; *Кастальскій, Б.*: Бія-найманскіе оссуаріи).

Рамсей, В. (Ramsaey, Wilhelm). У самоѣдовъ Канпинскаго полуострова. Перев. И. Альфонсовъ. (Изв. о-ва Арх., Ист. и Этн., т. XXII, вып. 6, стр. 458—471). Каз. 1908. 8°.

Рубакинъ, Н. А. Народы и страны. Географическая бібліотека. Выпуск. VIII. Среди мусульманъ. Разсказъ о двухъ туркахъ и о ихъ путешествіи въ Мекку. Съ рисунками. Книгоизд. П. Гершунина и К°. Спб. 1903. Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина 8. д., 234+2 стр., 10.250 экз. Ц. 65 коп.

Рудаковъ, А., проф. Образцы оффиціального маньчжурскаго языка (по извлеченіямъ изъ архивовъ Ямуней съв. Маньчжуріи съ прилож. частн. писемъ бытов. содержанія). Пособіе къ лекціямъ по изученію современнаго полит. строя и народн. быта Маньчжуріи. Вып. I. Владивостоку 1908 in fol. fasc.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи Казанскаго края въ XVIII вѣкѣ, изданный подъ редакціей Д. А. Корсакова. („Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“, XVIII, вып. 4—6) Каз. 1908. 8°. 7+56+363 стр.

Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпускъ 1-й. Декабрь 1908. Новг. 1908. 8°. 87+31 стр.

Семеновъ, А. А. Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-мисріанъ. (Отг. изъ Запис. Вост. Отд. И. Р. Арх. о-ва“, т. XVIII) Спб. 8°. 4 стр.+1 фототипія.

Серебрянскій, Н. И. Очерки по исторіи пековскаго монашества М. 1908 б. 8°. IV+580 стр.+VI.

Смирновъ, П. Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI в. по писцовымъ книгамъ. Кіевъ. 1909. 8°. 85 стр. („Унпв. Изв.“, янв.).

Соболевскій, Г. В. Сонная болѣзнь. Изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній въ Конго и въ Баръ эль-Газамъ. (Труды и Протоколы Кавк. Медич. о-ва, окт.—янв., 1908—1909, стр. 113—131, 1 фототипія) Тифл. 1909. 8°.

Спицынъ, А. А. Археологическія развѣдки. Съ 110 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. 96 стр. Ц. 40 к. (описаны все виды ветрѣчающихся въ Россіи древностей, начиная со свайныхъ построекъ).

Сухомлиновъ, М. И., анад. Изслѣдованія по древней русской ли-

тературъ. Спб. 1908. 8° 687 стр. (Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. 85). Ц. 3 руб.

Уваровъ, А. С., гр. Христіанская символика. Часть I. Символика древне-христіанскаго періода. Посмертное изданіе М. 1908. 4°. IX+212 стр.

Узенеръ, Германъ. Что такое миеология? Переводъ съ нѣмецкаго. Каз. 1908. 8°. 32 стр. (изъ „Изв. о-ва Ист., Арх. и Этн.“, XXIV, 3).

Филипповъ, М. Краткая программа для описанія киргизскаго аула. (Изв. о. и. арх. и э., XXIII, 6). Каз. 1908.

Харламповичъ, К. В. Къ вопросу о погребальныхъ мѣстахъ и куклахъ у западно-сибирскихъ инородцевъ. („Изв. О-ва Ист. Арх. и Этн. при Каз. Унив.“, XXIII, 6, стр. 472—482). Каз. 1908.

Харузина, В., (на правахъ рукописи). Этнографія. Вып. I-й: 1, Введеніе. 2, Вѣрованія малокультурныхъ народовъ. Курсы лекцій, читанныхъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ. Изданіе Московскаго Археол. Института. М. 1909. б. 8°. 592 стр.

Хомяковъ, М. М. Матеріалы по антропологии востока Россіи. („Изв. О-ва Ист. Арх. и Этн., XXV, 6, стр. 497—520“). Каз. 1909. 8°.

Чернышевъ, В. И. Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровскаго до Москвы по старому московскому тракту. Верейскій, Звенигородскій и Московскій уѣзды. Спб. 1909. 8°. 74 стр. (изъ „Извѣстій Отд. р. я. и слов.“ И. А. Н., т. XIII, кн. 1).

Шабунинъ, Н. А. Сѣверный край и его жизнь. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по сѣверной части Архангельской губерніи. Спб. 1908. 8°. II+44 стр. (Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. т. LXXXIV, № 1).

Федоровъ, Н. П. Матеріалы для антропологии инородцевъ Казанской губерніи. Сравнительныя антропометрическія данныя о чувашахъ и черемисахъ. Съ предисловіемъ проф. М. Ф. Кандаратскаго. Каз. 1905. 8°. VIII+66 стр.+9 таблицъ плотныхъ+6 листовъ таблицъ. („Труды О-ва Естественныя при Каз. Унив.“, т. XL, вып. 3).

Black, George F. A Gypsy bibliography. Provisional issue 1909.

Burdach. Ueber den Satzrhythmus der deutschen Prosa. („Sitzungs-

berichte der Königl. preuss. Akad. d. Wissenschaften“, 1909, XVII, XVIII XIX). Berlin, 1909. 8°.

Hengstenberg, Ernst. Hindustan. Indische Reiseeindrücke. Mit 46 Abbildungen nach Photographien und 16 Kopfleisten und Vignetten nach Zeichnungen. Berlin, 1908, XII, 191 p. Mark 8.

Kropatschek, G. De amuletorum apud antiquos usu capita duo. 1907. (См. замѣтку въ „Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн.“, XXIV, 5, стр. 496).

Носелья српских земалъа. Книга V. С 6 скица у тексту и Атласом св. V. Уредно *Др. I. Цвијичъ.* (Српска Краљевска Академија. Српски етнографски зборник, књига једанаеста). Беогр. 1908. 8°. 426 стр. 1909. 4°, 16 табл. и 2 карт.

Pic, I. L. D-r. Čechy za doby knížecí na základě praehistorické sbírky musea Král. Českého a pramenů dějepisných. Svazek I. Čast archaeologická. V Praze. 1909. 4°. 407 стр., 40 таблицъ, 4 карты и много рисунковъ въ текстѣ.

Ramsey, Wilh., (въ переводѣ И. В. Альфонсова). У самоѣдовъ Канинскаго полуострова. Каз. 1908. 8°. („Изв. О-ва Ист., Арх. и Этн. при Каз. Унив.“, XXIII, вып. 6, стр. 458—471).

Saintyves, P. Les saints successeurs des Dieux. Paris 1908. 8°.

Saintyves, P. Les vierges meres et les naissances miraculeuses. P. 1908 12°.

Српска народна јела и питъа. Книга I. Уредно *Д-р Јован Ердельяновичъ.* Срп. Краљ. Акад. Српски етнограф. зборник, књига десета). Беогр. 1908. 8°. 126 стр.

Zeitschrift, f. Religions psychologie. Новое периодическое издание. Выходитъ съ апрѣля 1907 г. въ Halle. (Verlagsanstalt Marhold).

ХРОНИКА.

Юбилей В. В. Радлова. 14-го мая исполнилось пятидесятилѣтіе научной и служебной дѣятельности академика Императорской академіи наукъ, извѣстнаго лингвиста и этнографа Василія Васильевича Радлова. Уроженецъ Берлина, В. В. прибылъ въ Петербургъ въ 1858 году для занятій при азіатскомъ музеѣ академіи, но вскорѣ занялъ мѣсто преподавателя нѣмецкаго языка въ Барнаулѣ, въ цѣляхъ использовать свое тамъ пребываніе для изученія языковъ алтайскихъ инородцевъ. Въ теченіе 12-ти лѣтъ онъ основательно изучилъ нѣсколько тюркскихъ языковъ, познакомился съ бытомъ мѣстныхъ инородцевъ и посѣтилъ различныя мѣстности Южной Сибири, Монголіи и Туркестана. Въ 1881 г. онъ получилъ должность инспектора магометанскихъ школъ въ Казани и прожилъ тамъ 13 лѣтъ, знакомясь съ языками татаръ, башкиръ, чувашъ, черемисъ. Опубликованные имъ матеріалы по языку и народной литературѣ тюркскихъ племенъ Сибири и Джунгаріи обратили на него вниманіе академіи наукъ, которая избрала его въ 1884 г. въ ординарные академики. Въ Петербургѣ В. В. продолжалъ свой большой трудъ о народной литературѣ тюркскихъ племенъ (всего вышло 7 томовъ), занимался описаніемъ „Сибирскихъ древностей“ и опубликовалъ рядъ другихъ работъ въ академическихъ и иностранныхъ изданіяхъ. Въ 1891 г. онъ совершилъ экспедицію для изслѣдованія древнихъ памятниковъ по р. Орхону въ Монголіи и издалъ затѣмъ описаніе этихъ древностей и образцовъ древняго уйгурскаго языка. Получивъ затѣмъ въ свое вѣдѣніе этнографическій музей академіи наукъ, В. В. энергично принялся за его устройство и пополненіе. Музей этотъ, имѣвшій рядъ цѣнныхъ коллекцій, находился въ забросѣ, ютился въ тѣсномъ помѣщеніи, пользовался крайне скуднымъ бюджетомъ и пополнялся лишь случайными поступлениями. Послѣ многихъ усилій Радлову удалось выхлопотать новые штаты, увеличить зна-

чительно помѣщеніе музея и обогатить его массой цѣнныхъ коллекцій, полученныхъ отчасти въ даръ и въ обмѣнъ, отчасти доставленныхъ снаряженными спеціально экспедиціями изъ Сибири, Китая и другихъ странъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по инициативѣ В. В.—ча былъ основанъ „Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“; въ которомъ онъ занялъ должность предѣдателя. Комитетомъ снаряжаются экспедиціи для собиранія матеріаловъ по языку, литературѣ, древностямъ и этнографіи Азіи и издаются „Извѣстія“ съ отчетами объ его дѣятельности. Несмотря на свои 72 года В. В. продолжаетъ неутомимо работать въ своей области и проявляетъ энергичную дѣятельность по обогащенію завѣдуемаго имъ музея, по снаряженію ученыхъ экспедицій, по собиранію и обработкѣ лингвистическихъ, археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ. Полувѣковой юбилей маститаго дѣятеля, несомнѣнно, вызоветъ широкое къ себѣ сочувствіе въ средѣ всѣхъ лицъ, интересующихся Востокомъ, его исторіей и народностями, этнографіей вообще и способныхъ цѣнить неутомимую энергію въ преслѣдованіи и достиженіи научныхъ цѣлей.

„P. B.“, 1909, № 107.

80-лѣтій юбилей г-жи Месторфъ. „Globus“ (В. ХСV, № 14) отмѣчаетъ 80-лѣтній день рожденія хранительницы Alterthumsmuseum—а въ Килѣ, извѣстнаго нѣмецкаго археолога Frh. Johanna Mestorf. Дочь врача, г-жа Месторфъ, род. въ 1829 г., рано отдала свои труды на археологическія работы. Ея заслуги и многочисленные труды нашли себѣ признаніе въ томъ что въ 1899 г. ей было дано почетное званіе профессора. Перу г-жи Месторфъ принадлежатъ и нѣкоторыя этнографическія работы: по изслѣдованію жилищъ (Globus, В. LXVII), при чемъ сравнительнымъ матеріаломъ ей послужили урны въ видѣ жилищъ; по народному дневнику гольштинскаго крестьянина (Kieler Anthropol. Verein. В. Н. 11.) по народнымъ преданіямъ (Kieler Anthropol. Mitt. Н. 18), по дѣтскимъ играмъ (Verh. d. Berl. Anthropol. Gesellsch. 1881). и др.

60-лѣтій юбилей „Калевалы“ 28-го февраля нов. ст. праздновался по всей Финляндіи. Въ городахъ и селеніяхъ устраивали доклады, лекціи и вечеринки въ память національнаго событія. Вездѣ на-

блюдался подъѣмъ патриотическихъ чувствъ. Студентами и разными обществами былъ устроенъ въ Гельсингфорсѣ факель-цугъ къ памятнику Лёнрота, собирателю эпоса. Журналъ *Valvoja* посвятилъ свой выпускъ памяти Калевалы. Извѣстные финскіе и иностранные ученые высказываются въ немъ относительно многосторонняго значенія эпоса. Сетелъ пишетъ съ вдохновеніемъ о его художественномъ достоинствѣ и заканчиваетъ свою прекрасную статью упоминаніемъ о патриотическомъ проектѣ Галлена иллюстрировать Калевалу. Перу неутомимаго фольклориста К. Крона принадлежитъ статья о его географическомъ методѣ, вошедшемъ въ употребленіе и у другихъ изслѣдователей народной поэзіи. Отметимъ еще статью о значеніи Калевалы для музыки и драматическаго искусства, описаніе карельскихъ сказителей, статью о вліяніи Калевалы на поэзію *Leconte de Lisle*, и наконецъ отзывы иностранныхъ финологовъ и историковъ литературы (*Comparetti*, *Schück* и т. д.) о Калевалѣ. Въ концѣ выпуска Галленъ печатаетъ свой проектъ, по которому иллюстрація будетъ издаваться одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, но съ тѣмъ, что пергаментный оригиналъ останется національнымъ достояніемъ Финляндіи.

Общество финской литературы увѣковѣчило юбилей изданіемъ богатѣйшаго сборника вариантовъ, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ устъ сѣверо-восточныхъ сказителей (подъ редакціей д-ра *Niemi*).

Къ юбилею примыкаетъ еще одно радостное событіе: учрежденіе ординарной кафедры фольклора при Гельсингфорскомъ университетѣ. Новоназначенный профессоръ, К. Кронъ, читалъ 30-го января свою вступительную лекцію, напечатанную въ *Valvoja*. Любители и изслѣдователи фольклора сознаютъ важность этого событія въ исторіи науки на сѣверѣ.

В. М.—ка.

Изъ хроники Финляндскихъ ученыхъ обществъ. На годичномъ засѣданіи „Шведскаго литературнаго общества“ проф. Э. Вестермаркъ прочелъ докладъ „о священной силѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ марокканцевъ“.

Представленіе о чудодѣйственной силѣ, т. наз. „el-барака“ принадлежитъ къ пережиткамъ до-мусульманской эпохи въ Ма-

рокко; съ введеніемъ ислама, значеніе «el-барака» сохранилось благодаря тому, что источникомъ его былъ признанъ Аллахъ. Богъ надѣлилъ этой сверхестественной силой, въ большой степени, своего пророка Мухаммеда, отъ котораго она переходитъ въ его потомствѣ къ т. наз. „шерифамъ“. Помимо того, „el-барака“ водворяется въ человѣкѣ путемъ молитвъ, постовъ и т. д. Отъ человѣка эта сила распространяется на мѣста и предметы, входившіе въ тѣсное соприкосновеніе съ нимъ. Такъ развивается почитаніе святыхъ мѣстъ и предметовъ, создается своего рода культъ насѣкомыхъ и гадовъ, и отсутвіе ихъ въ одеждѣ считается какъ-бы признакомъ нетвердости въ вѣрѣ. Сила, скрытая въ „el-барака“, выражается въ разнаго рода чудесахъ: такъ, въ Танжерѣ святой напиталъ кашей до 300 человѣкъ, другой святой въ Парижѣ обратился во время обѣда во льва и т. п. Обладателемъ силы въ странѣ является также ея султанъ, Абъ-ул-Азизъ; и эта сила низводитъ на страну плодородіе и всякое благоденствіе. Несчастія, обрушившіяся послѣднее время на Марокко, объясняются сношеніями его съ европейцами, запятнавшими его „el-барака“, который вселился послѣ этого въ Мулей-Хафида. Чтобы не лишиться чудодѣйственной силы, шерифы остерегаются навлечь на себя ея гнѣвъ и воздерживаются всячески отъ плеванія въ лицо. Вообще, „el-барака“ требуетъ отъ носителя его чистоты; на этомъ взглядѣ основываются, съ давнихъ поръ, требованія чистоты (тѣла, одежды и т. д.) при отправленіи религиозныхъ требъ. Мѣсто, гдѣ пребываетъ „el-барака“, священно и всякій, кто входитъ загрязненный чѣмъ (особенно въ сексуальномъ отношеніи), наказуется. Точно также наказуется человѣкъ, прикасающійся нечистыми руками къ барану, пчелѣ, житу и т. д. На этомъ основаніи женщины не очень охотно допускались въ мечети или за прилавокъ магазина, и берберъ избѣгалъ сближенія съ евреями или христіанами (чтобы не запятнать свой „el-барака“) и т. д. Пища также оскверняетъ человѣка, почему различные магическіе фокусы исполняются утромъ натощакъ. Опасна была для „el-барака“ нечистота земли; поэтому молитва совершалась обыкновенно на коврикѣ, шкурѣ и т. п. Вредны были лучи солнца, и, чтобы спасти свой „el-барака“, султанъ ходилъ, осѣняемый зонтомъ. Такъ, „el-барака“, чудодѣйственная сила, чистая по своей природѣ, не терпитъ ничего грязнаго.

На границѣ между святымъ и нечистымъ стоитъ представленіе объ огнѣ. Съ одной стороны, напр., въ жилищѣ бербера нельзя гасить огонь, иначе „el барака“ уйдетъ изъ его дома; но съ другой стороны, огонь—мѣсто пребыванія нечистой силы. Въ присутствіи святого огонь теряетъ всю свою силу. Такъ, одинъ человѣкъ, встрѣтившись съ «шерифомъ», никакъ не могъ зажарить кусокъ мяса, бывшій при немъ. Особенную святость пріобрѣтаетъ огонь во время лѣтняго солнцестоянія; тогда берберы зажигаютъ костры, въ надеждѣ избавиться отъ всякихъ несчастій и болѣзней. Цѣлителинъ также дымъ отъ огня; уничтожающій въ человѣкѣ вредныя субстанціи. Лѣтнее солнцестояніе сообщаетъ также святость водѣ, и каждый старается искупаться въ ней, чтобы застраховать свою жизнь отъ всякихъ бѣдствій. Очистительныя церемоніи, связанныя съ водой, сохранились въ Марокко у берберовъ и уродственныхъ имъ племенъ. Еще во времена блаженнаго Августина (въ IV-омъ вѣкѣ) у ливійскихъ берберовъ соблюдался этотъ старинный повидимому языческій обычай.

Проф. Э. Вестермаркъ, во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Марокко, могъ конечно близко познакомиться съ бытомъ туземцевъ, но попытка его объяснить всѣ явленія религіозной и общественной жизни изъ идеи „el-барака“—схематична, и потому кое-какіе выводы кажутся рискованными.

— По случаю шестидесятилѣтія со времени выхода въ свѣтъ второго изданія „Калевалы“, въ Гельсингфорсѣ были организованы 28-го февраля нов. стили торжества; у памятника Э. Лёнрота сошлись въ величественной процессіи различныя общества и кружки (ученые и пѣвческіе).

Редакція журнала „Valvoja“ выпустила цѣлую книгу съ портретами („*Kalevala viikko*“), посвященную Калевалѣ въ наукѣ и искусствѣ. Въ анкетѣ, предпринятой по этому поводу журналомъ о значеніи „Калевалы“, приняли участіе какъ финляндскіе ученые (Г. Хирвъ, К. Крунъ, Э. Сетяля и др.), такъ и иностранцы (Д. Компаретти, В. Томсенъ, А. Фогаццаро, Г. Шюкъ, Г. Вивклеръ Р. Готъё и др.). Вторая половина книги занята обзоромъ переводовъ Калевалы на иностранныя языки

ХІІ-ый Съѣздъ Естествоиспытателей и Подсекція Этнографіи.

Съ 28-го декабря 1909 г. по 6-е января 1910 г. въ Москвѣ имѣетъ быть ХІІ съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Цѣль его заключается въ способствованіи ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, въ направленіи этой дѣятельности, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и въ доставленіи русскимъ естествоиспытателямъ случая лично знакомиться между собою. Членомъ съѣзда можетъ быть всякій, кто *научно занимается естествознаніемъ; но правами голоса на съѣздъ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ*, и преподаватели этихъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Никакого диплома на званіе члена ХІІ съѣзда не выдается. Засѣданія съѣзда бываютъ *общія* и *частныя* (или по секціямъ); въ общихъ засѣданіяхъ читаются статьи общеинтересныя и обсуждаются вопросы, касающіеся всего съѣзда, въ частныхъ засѣданіяхъ сообщаются и разбираются изслѣдованія и наблюденія, имѣющія болѣе специальное значеніе для одной изъ отраслей естествознанія. Отдѣленія на съѣздѣ полагаются слѣдующія: а) по математикѣ съ подсекціями механики и астрономіи, б) физикѣ, в) физической географіи и метеорологіи съ подсекціею воздухоплаванія, д) химіи, е) минералогіи и геологіи, ф) ботаникѣ, г) зоологіи, h) анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ съ подсекціею гистологіи и эмбриологіи, і) географіи, этнографіи и антропологіи съ подсекціями статистики и этнографіи. к) агрономіи, л) научной медицинѣ и м) научной гигиенѣ.

По примѣру предшествовавшихъ съѣздовъ, каждый членъ ХІІ съѣзда вноситъ въ его кассу *три рубля* исключительно для научныхъ цѣлей и на нужды съѣзда.

Для предварительныхъ работъ по устройству ХІІ съѣзда образованъ Распорядительный Комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующіе профессора: предѣдатель Распорядительнаго Комитета ХІІ съѣзда Д. Н. Анучинъ (онъ же завѣдующій секціею географіи этнографіи и антропологіи); товарищъ предѣдателя А. П. Павловъ; члены: Н. А. Умовъ (завѣдующій секціею физики), К. А. Андреевъ, А. П. Сабанѣевъ, К. А. Тимирязевъ (завѣдующій секціею ботаники), А. П. Соколовъ, Н. Е. Жуковскій (завѣдующій сек-

цією математики и подсекцією воздухоплавания), В. К. Цераскій (завѣдуюцій подсекцією астрономіи), М. А. Мензбиръ (завѣдуюцій секцією зоологіи), Н. Ю. Зографъ, Б. К. Млодзѣевскій, Н. Д. Зелинскій (завѣдуюцій секцією химіи), Л. К. Лахтинъ, В. И. Вернадскій (завѣдуюцій секцією минералогіи и геологіи), П. Н. Лебедевъ, И. А. Каблукъ, А. Н. Сабанинъ (завѣдуюцій секцією агрономіи), Д. Θ. Егоровъ, С. А. Чапыгинъ (завѣдуюцій подсекцією механики), М. И. Голенкинъ, А. М. Настюковъ, Θ. Н. Крашенинниковъ, Н. А. Каблукъ (завѣдуюцій подсекцією статистики), Д. Н. Зерновъ, Л. З. Мороховець, А. Б. Фохтъ, В. Д. Шервинскій (завѣдуюцій секцією научной медицины), В. С. Гулевичъ, С. Ф. Бубновъ (завѣдуюцій секцією научной гігіены), И. Ф. Огневъ (завѣдуюцій секціей анатоміи и фізіологіи челоуѣка и животныхъ съ подсекцією гистологіи и эмбріологіи); дѣлопроизводители сѣзда: Э. Е. Лейстъ (завѣдуюцій секцією физической географіи и метеорологіи) и Г. А. Кожевниковъ.

Довода о семь до всеобщаго свѣдѣнія, члены Комитета обращаются къ товарищамъ по наукѣ съ покорнѣйшей просьбой почтить XII сѣздъ естествоиспытателей и врачей своимъ личнымъ присутвіемъ или присылкою ученыхъ трудовъ. Такъ какъ Комитету необходимо знать заранѣе, на какое число гостей онъ можетъ рассчитывать, то онъ обращается съ просьбою къ лицамъ, желающимъ принять участие въ сѣздѣ, извѣститъ Комитетъ не позже 1-го ноября с./г. о своемъ намѣреніи прибыть въ Москву, адресуя письма въ Университетъ на имя Комитета сѣзда или его дѣлопроизводителей, а также сообщить свои адреса и обозначить ту секцію, на которую они намѣрены записаться.

Распорядительный Комитетъ употребитъ все старанія, чтобы доставить членамъ сѣзда возможность широко воспользоваться пребываніемъ ихъ въ Москвѣ для осмотра мѣстныхъ достопримѣчательностей, научныхъ институтовъ, музеевъ, лабораторій и т. д.

Подробныя программы занятій XII сѣзда будутъ своевременно сообщены членамъ сѣзда.

Подсекція этнографіи, состоящая при секціи географіи, этнографіи и антропологіи, организуется самостоятельно впервые (Завѣдуюцій подсекціей—проф. Вс. Θ. Миллеръ).

Въ настоящее время этнографія уже вылилась въ форму самостоятельной научной дисциплины, и ея права на существованіе,

какъ естественной исторіи племенъ и народовъ, нигдѣмъ не оспариваются. Ея успѣхи и колоссальный ростъ накопившагося матеріала дѣлаютъ теперь особенно настоятельнымъ совмѣстное выясненіе многихъ очередныхъ вопросовъ этнографіи. На созываемомъ Съѣздѣ подсекціи предстоитъ, не увлекаясь специальными вопросами смежныхъ наукъ и не вдаваясь въ излишнія детали частныхъ вопросовъ самой этнографіи, сосредоточить свое вниманіе, съ одной стороны, на общихъ вопросахъ этнографіи и исторіи первобытной культуры, съ другой—на изученіи отдѣльныхъ народностей, населяющихъ Россію и сопредѣльныя страны, и ихъ отношеній между собой и къ другимъ этническимъ группамъ.

Для лицъ, занимающихся этнографіей, взаимное сближеніе является особенно важнымъ въ виду ихъ разрозненности и недостатка какихъ либо научныхъ учреждений, объединяющихъ дѣятельность отдѣльныхъ изслѣдователей, а также въ виду того, что почти полное отсутствіе академическаго преподаванія этнографіи въ Россіи заставляетъ чуть ли не каждаго отдѣльнаго этнографа самостоятельно вырабатывать приемы и методы изслѣдованія. Недостаточная освѣдомленность о научныхъ работахъ другъ друга нерѣдко мѣшаетъ одному изслѣдователю воспользоваться результатами научныхъ трудовъ другого.

Организаціонное бюро подсекціи льститъ себя надеждой, что русскіе этнографы не откажутся содѣйствовать успѣху занятій подсекціи какъ личнымъ присутствіемъ, такъ и представленіемъ докладовъ при чемъ о темахъ докладовъ бюро проситъ сообщить по адресу: Москва, Политехнической Музей, въ этнографическій отдѣлъ Общества Любителей Естественнаго—по возможности въ ближайшій срокъ.

XV-й Археологическій съѣздъ состоится въ Новгородѣ въ 1911 году съ 22-го іюня по 5-е августа. Предварительный Комитетъ съѣзда, заведывавшій подъ предѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой въ Москвѣ 3—5 января 1909 года, обсудилъ многіе вопросы, связанные съ устройствомъ съѣзда, въ томъ числѣ и по этнографіи, которой, по программѣ съѣзда, удѣлено достаточно вниманія.

Изъ общихъ вопросовъ обращаетъ на себя вниманіе предложеніе Д. Н. Анучина о выборѣ особыхъ лицъ, на коихъ было бы

возложено руководство по веденію подготовительныхъ работъ отдѣльныхъ секцій. И. А. Линниченко указалъ на желательность составить общую программу изученія области, въ которой будетъ работать съѣздъ, и чтобы въ числѣ экскурсій важнѣйшей была экскурсія въ Швецію. Въ программѣ работъ съѣзда, предложенной И. А. Линниченко, есть такіе пункты: типы славянскихъ и инородческихъ погребеній и древнихъ укрѣпленій въ Новгородской области; эпоха появленія славянъ въ при-ильменской области; граница разселенія славянъ ильменскихъ (по даннымъ археологическимъ и лингвистическимъ); распространеніе новгородскихъ славянъ и обратно—колонизація инородцами при-ильменской области (пересмотръ теорій Геденова и Котляревскаго о генетической связи новгородской области съ прибалтійскими славянами); культурное взаимодействіе славянъ и инородцевъ на территоріи владѣній Новгорода; формы землевладѣній въ новгородской области и отличіе ихъ отъ формъ землевладѣній въ другихъ русскихъ областяхъ; библіографія исторіи изученія новгородской области, Мѣстный вѣсѣ, мѣры и др.

Изъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе съѣзда, можно отмѣтить слѣдующіе: Д. Я. Самоквасовъ: Удлиненные и длинные курганы въ областяхъ съ финскимъ населеніемъ; Д. Н. Анучинъ: Новгородъ и Новгородская земля по старымъ иностраннымъ картамъ; В. В. Богдановъ: Этнографическая карта Русскаго сѣвера между Скандинавскими государствами и Ураломъ; В. О. Миллеръ: Значеніе XVI вѣка въ исторіи былевого эпоса; Онъ же: Слѣды новгородскаго творчества въ народной лиригѣ; В. В. Богдановъ: Перевозочныя средства, бытующія у разныхъ племенъ русскаго Сѣвера; Н. И. Веселовскій: Колонизація съ сѣвера Верхняго Дона, С. К. Кузнецовъ: Восточно-финскіе элементы въ хорографическихъ названіяхъ Новгородской области; Яхонтонъ: Судьбы новгородцевъ, поселенныхъ московскимъ правительствомъ въ Рязанскую область въ XV—XVI в.

Изъ запросовъ, на которые желательно получить разъясненіе на XV-мъ съѣздѣ, можно отмѣтить слѣдующіе: Д. Я. Самоквасовъ: Определить результатами археологическихъ раскопокъ различія устройства и содержанія могильниковъ славяно-русскихъ, литовскихъ, финскихъ и варяжскихъ въ областяхъ

Двѣпра, Зап. Двины, оз. Ильменя и Волги; А. С. Раевскій: Финскіе могильники въ верхнемъ Поволжьѣ; А. Д. Григорьевъ: Духовные стихи сѣвера Европ. Россіи; В. А. Городцовъ: Откуда пришли Ильменскіе славяне? А. В. Марковъ: Вопросъ о новгородскихъ былинахъ Кіевского цикла; Н. В. Мятлевъ: Копорскіе (князи?) князья, упоминаемые въ лѣтописяхъ, не являются ли туземными князьками финскихъ племенъ Водской пятины? Е. Р. Романовъ: Установить ходъ колонизаціи псковско-новгородской земли полоцкими и смоленскими славянами, на основаніи археологическихъ памятниковъ и данныхъ языка; Г. Г. Павлуцкій: Черты самобытности въ древне-деревянномъ зодчествѣ Новгородской области; В. В. Богдановъ: Древнѣйшіе пути изъ Европы въ Азію черезъ сѣверный Уралъ и ихъ позднѣйшія изслѣдованія; Онъ же: Перевозочныя средства, бытовавшія на русскомъ сѣверѣ,—по свѣдѣніямъ историческимъ и археологическимъ; Онъ же: Земледѣльческія орудія въ предѣлахъ древней Новгородской области; Онъ же: Домашняя утварь у населенія сѣвера; Онъ же: Сѣверная агіографія и подвижничество у сѣверныхъ старообрядцевъ и сектантовъ; Д. И. Иловайскій: Новгородскіе говоры и подробная записка архаизмовъ для выясненія вопроса о племени ильменскихъ славянъ; И. А. Линиченко: Составить списокъ новгородскихъ личныхъ именъ, на основаніи древнихъ литературныхъ памятниковъ; Н. И. Троицкій: Славянскій элементъ въ географическихъ новгородскихъ названіяхъ. (Весь списокъ вопросовъ и запросовъ помѣщенъ въ брошюрѣ: „Правила 15-го Археол. Съѣзда въ Новгородѣ въ 1911 г.“ М. 1909, 4^о.)

Всѣ подготовительныя работы для Съѣзда возлагаются на Московскій Предварительный Комитетъ (Москва, Леонтьевскій пер., Предсѣдателю Комитета графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой).

Этнографія и антропологія въ вопросахъ алкоголизма могли бы (и это очень желательно) принять участіе на 1-омъ Всероссийскомъ Съѣздѣ по борьбѣ съ пьянствомъ, съ 28 дек. 1909 г. по 6 янв. 1910 въ Петербургѣ. Организационный комитетъ Съѣзда (Спб., Мойка 85) приглашаетъ членами съѣзда, среди другихъ, между прочимъ и представителей антропологическихъ обществъ. Съѣздъ будетъ имѣть три секціи, изъ нихъ въ 1-ой—„Алкоголь и человѣческой орга-

низмъ"—есть такіе пункты: фізіологическое дѣйствіе алкоголя на мозгъ и психическіе процессы, болѣзни нервной системы (бредовое и галлюцинаторное помѣшательство, метерія и др.), значеніе алкоголизма родителей и предковъ для потомства. Во второй секціи— „Алкоголизмъ и общество“—имѣются такіе пункты: экономическія условія быта, общественно-культурные факторы (между проч. обычаи), климатическія условія, вліяніе пола, возраста, семейнаго положенія, вліяніе расы, алкоголизмъ и вырожденіе, вліяніе алкоголизма на инородцевъ Сѣверной Россіи, Сибири и пр., алкоголизмъ, нервныя и душевныя болѣзни, алкоголизмъ и народная нравственность, способы статистическаго изслѣдованія употребленія спиртныхъ и другихъ опьяняющихъ напитковъ, причинъ и послѣдствій алкоголизма. 3-я секція посвящена мѣрамъ борьбы съ алкоголизмомъ. Здѣсь кетати было бы указать еще на одинъ вопросъ—религіозно-психическіе эпидеміи—которому, между прочимъ, д—ръ Якобій посвятилъ цѣлый очеркъ (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1903, X—XI, см. рец. въ „Этн. Обозр.“, LIX, стр. 160—163). Тамъ какъ разъ причинами, порождающими атаквстическое возвращеніе къ первобытной психикѣ, выставлены: нищета, пьянство и невѣжество въ духовномъ отношеніи.

Выставка игрушекъ и народное творчество. Кустарный Музей Московскаго Земства предполагаетъ устроить выставку русскихъ игрушекъ прошлаго. Цѣль ея обратитъ вниманіе общества на значеніе игрушки, прослѣдитъ происхожденіе русской игрушки, развитіе техники и вліяніе народнаго творчества, а равно и вліяніе эпохи и окружающей природы.

Время выставки съ 1-го по 25 ноября 1909 года. Экспонаты должны быть доставлены въ Кустарный Музей Моск. Губ. Земства не позднѣе 20 октября 1909 г. съ подробнымъ перечнемъ посылаемаго, при чемъ крайне желательны указанія, гдѣ и когда пріобрѣтена вещь, и къ какому времени и мѣсту владѣлецъ относитъ ея происхожденіе.

На выставку принимается слѣдующее: 1. Русскія игрушки прошлаго (изъ дерева, матеріи, металла и т. д.). 2. Игрушки изъ глины (свистульки, куклы и т. д.). 3. Всевозможныя народныя игрушки (въ данномъ случаѣ могутъ быть и современныя). 4. Игрушки

пнородцевъ, населяющихъ Россію (крайне желательны). 5. Фигурные и расписные пряники. О желаніи участвовать и, при мѣрно, чѣмъ именно, просить извѣщать по нижеслѣдующему адресу не позднѣе 1 октября 1909 года.

Доставка экспонатовъ на выставку и обратно владельцамъ въ предѣлахъ Москвы выполнена будетъ за счетъ Музея. Помѣщеніе для экспонатовъ и входъ на выставку бесплатны. За справками и съ заявленіями просить обращаться по адресу: Москва, Леонтьевскій пер., Кустарный Музей, Ник. Дм. Бартрамъ, обозначая на конвертѣ „для выставки“.

Собраніе куколъ въ народныхъ костюмахъ. Обращаемъ вниманіе на вышедшій въ 1909 г. (Paris, VI. В—vd Raspail, 99) каталогъ интереснаго собранія куколъ, принадлежащаго M-lles Françoise et Antoinette Guelliot (Парижъ): F. M. Martin—Guelliot, Collection de poupées en costumes populaires. Собраніе, начатое въ 1901 г., насчитываетъ въ настоящее время 350 куколъ въ національныхъ костюмахъ Франціи, другихъ странъ Европы (Россія представлена преимущественно куклами работы Кустарнаго Музея Московскаго Земства), и прочихъ материковъ: Азіи, Америки и Африки. Судя по списку жертвователей, составительницы коллекціи сумѣли привлечь интересующихся этнографіей и въ частности народнымъ костюмомъ изъ разныхъ мѣстностей и странъ. Въ коллекціи имѣются и нѣкоторыя игрушки этнографическаго характера. Въ короткомъ введеніи указано на нѣкоторыя свойства народнаго костюма. Характеръ костюма зависитъ отъ условій мѣстности (горы, море), отъ ежедневныхъ занятій. Между родственными народами есть общность въ нѣкоторыхъ формахъ одежды, въ излюбленныхъ цвѣтахъ. Родственны, напримѣръ, костюмы всѣхъ славянскихъ народовъ; нѣмецкіе крестьяне разныхъ мѣстностей имѣютъ склонность къ матеріямъ темныхъ цвѣтовъ съ цвѣтами, французскія—къ чепцамъ. Въ предѣлахъ такихъ большихъ группъ отмѣчаются строго наблюдаемыя различія въ мелкихъ группахъ. Въ Бретани такія различія наблюдаются по общинамъ, въ Тироля по долинамъ, въ Далекарніи—по приходамъ. Такимъ образомъ, мѣстный костюмъ всегда прикрѣпленъ къ большей или меньшей области. Въ такой строго опредѣленной области народный костюмъ отличается однообразіемъ, мало разнится по индивидуамъ,

мѣняется чрезвычайно медленно, и въ немъ долго можно наблюдать переживанія. Съ другой стороны, городская мода проникаетъ и въ деревню. Такъ, напримѣръ, оригинальные чепцы, которые носятъ въ настоящее время крестьянки въ Bresse, были модными въ городахъ Испаніи, Фландріи, Франшъ-Конте въ XVI-мъ вѣкѣ.

Жаворонки, пекущіеся въ Малоюрославенкомъ у. Калужской губ. 9-го марта (недавно поступившіе въ Дашковскій музей, изъ коллекціи П. И. Васильевой, три экземпляра), интересны какъ своей плоской формой, кромѣ головы, такъ и орнаментомъ: по всей спинѣ, крыльямъ и хвосту идутъ часто пересѣкающіе другъ друга выдавленные кольцомъ круги, въ кругахъ ягоды можжевельника и такія же ягоды изъ тѣста.

Прощеники, поступившіе недавно въ Дашковскій Этнографическій музей отъ Р. С. Данковской, въ количествѣ трехъ экземпляровъ, представляютъ интересъ и сами-по-себѣ и какъ нѣкотораго рода дополненіе къ тѣмъ ея же коллекціямъ, которыя описаны ею въ помѣщаемой въ этой книгѣ „Этн. Обзорніи“ статьѣ. Одинъ экземпляръ это—хлѣбъ, который въ Прощенное воскресенье зятя возятъ въ подарокъ тещамъ въ деревняхъ Бѣлгородскаго уѣзда; форма этого хлѣба—продолговатая, по концамъ закругленная, поверхъ хлѣба положенъ жгутъ, образующій по нѣскольку петель съ одной и другой стороны хлѣба. Второй экземпляръ есть пряникъ, которымъ въ этотъ день крестные отецъ и мать дарятъ своихъ крестниковъ въ пригородной слободѣ г. Бѣлгорода; форма этого пряника—плоская, въ видѣ оригинальнаго кувшина (9 $\frac{1}{2}$ верш.), нижняя часть котораго составлена изъ двухъ широкихъ колецъ, а верхняя—горло—заканчивается обычнымъ расширеніемъ съ маленькимъ выступомъ наверху посреднѣ; весь пряникъ розовый, по немъ идутъ параллельныя, наискось пересѣкающіяся, бѣлыя линіи и бѣлый же жгутъ, положенный такъ же, какъ на предыдущемъ предметѣ. Третій экземпляръ—тоже пряникъ (розовый съ бѣлыми отдѣльными частями) и съ тѣмъ же назначеніемъ, что и пряникъ—кувшинъ; распространенъ онъ въ пригородныхъ слободахъ г. Бѣлгорода: Жилой, Пушкиркѣ, Каширѣ, Савинѣ; форма этого пряника (14 вершковъ)—человѣкъ съ боро-

дой, въ полушубкѣ, въ шляпѣ на бекрень; орнаментъ—выдавленные лпніи и жгутъ въ петлю. Со всѣхъ трехъ экземпляровъ въ музеѣ имѣются прекрасно исполненныя фотографіи.

Музыкальная этнографія и шаманство на „Сибирскомъ вечерѣ“ въ Томскѣ. Девятый часъ вечера 20-го февраля 1909 года. Зрительный залъ общественнаго собранія и оба фойе наполняются публикой и сразу уже дѣлается замѣтной сама собою образующаяся

„смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній“.

Бальные туалеты дамъ, фраки, сюртуки и студенческія тужурки чередуются съ яркими разноцвѣтными костюмами татаръ, киргизъ, бурятовъ, якутовъ, тунгусовъ, алтайцевъ и другихъ сибирскихъ народностей.

На стѣнахъ фойе—десятки прекрасно сохранившихся шкуръ всевозможнаго сибирскаго звѣрья. Нѣсколько хорошихъ чучелъ: волковъ, медвѣдей. Кіоски представляютъ собою художественно-возсозданный тотъ или иной уголокъ Сибири и ея бытъ: остяцкая юрта, подузанесенная снѣгомъ, съ ея инвентаремъ и рыболовными принадлежностями; алтайская юрта съ уголкомъ тайги, съ слѣдами недавняго камланья—цвѣтныя ленты, куски одеждъ, шкуры животныхъ и т. п., развѣшанныя въ даръ духамъ... Направо отъ сцены на фонѣ декораціи, изображающей полярную ночь, громоздятся на глыбахъ снѣга и льда тяжелая фигура бѣлаго медвѣдя.

* * *

Вечеръ открывается татарскимъ отдѣленіемъ. Передъ публикой—внутренность татарскаго дома съ его обстановкой: двѣ половины, отдѣленные одна отъ другой красной ситцевой занавѣсью; тамъ за занавѣсью—женщины, украдкой приподымающія покрывало и заглядывающія на мужскую половину, гдѣ на полу сидятъ за чаемъ татары. Сначала слѣдуетъ сцена угощенія хозяиномъ гостей, общій ихъ разговоръ, потомъ двумъ изъ нихъ предлагается сыграть на дудкахъ—чрезвычайно примитивныхъ инструментахъ изъ камыша. Они играютъ пѣсню дочерп Тефкелева о своей долѣ и пѣсню похищенной дочери муллы. Цыгане похитили дочь муллы,

и она, тоскуя по всемъ домѣ, изливаетъ горе въ пѣснѣ. Игра на двухъ дудкахъ (куръй) смѣняется пѣніемъ размышленій о сотвореніи міра (хамдіа) и о жизни людской (шаркіа). Затѣмъ поются пѣснь про любовь и пѣснь матери, подъ аккомпаниментъ гармоніи. Далѣе выступаетъ милый хоръ татарскихъ дѣтей, прекрасно исполнившій три пѣсенки: тюремную (нѣкій Акмулла, сидя въ тюрьмѣ, изливаетъ свою душу въ пѣснѣ), историческую (о казанской башнѣ Сумбеки) и пѣсню нищаго мальчика (какъ ему тяжело пропитывать свою мать подаеніемъ).

Всѣ номера татарскаго пѣнія и музыки, несмотря на нѣкоторое однообразіе, заинтересовываютъ своей оригинальностью и ярко выраженной въ нихъ самобытностью.

* * *

Антрактъ. И затѣмъ хоровое отдѣленіе. Участвующие въ хорѣ одѣты въ костюмы сибирскихъ инородцевъ. Поется киргизская мелодія „Ай астында“, подражаніе инородческой пѣснѣ „Степь и пѣсня“ (муз. Рыбакова), и русская пѣсня „Сказали мнѣ про молодца“ (муз. Орлова). Хоръ звучитъ стройно и довольно сильно.

Хоръ смѣняетъ группа якутовъ. Четверо молча полулежатъ, около тепляшагося камелька, а пятый (А. Н. Малыгинъ) говоритъ и поетъ якутскую сказку „о могучемъ богатырѣ Кюне-Эрликѣ“ „Эрлики-багатыр“ (богатырь солнце) пускается въ путешествіе (описываются пройденныя мѣста, быстрота его ѣзды, его неимоверная сила), во время котораго происходитъ встрѣча съ другимъ богатыремъ, могучимъ представителемъ подземнаго царства, Абаагы-уоола (Сыномъ Дьявола). Между встрѣтившимися происходитъ разговоръ: начинаетъ первый, отвѣчаетъ второй. Сказка поется на два голоса однимъ лицомъ.

Слѣдующее отдѣленіе—самое интересное. Это—камланіе, религиозный обрядъ алтайскихъ инородцевъ, для исполненія котораго устроителями вечера специально выписанъ былъ камъ Мампылъ, алтаецъ съ р. Катуня.

Публику предупреждаютъ, что ни во время камланія, ни послѣ него аплодисменты не допускаются.

Публика настоживаетъ.

Поднимается занавѣсъ. На сценѣ—камъ въ своемъ „священномъ“ облаченіи, съ большимъ бубномъ и колотушкой въ рукѣ, симво-

лически изображающими коня и плеть. Сидя на полу, онъ тихо бьетъ въ бубенъ, потомъ начинаетъ речитативомъ обращеніе къ огню, усиливаетъ и уменьшаетъ звукъ бубна, который то чуть-чуть вздрагиваетъ, то переходитъ въ гулкіе, какъ-бы громовые раскаты. Камъ вскакиваетъ и быстро кружится, продолжая молитвенныя обращенія къ своему предку—Каньму и къ своей родинѣ—Алтаю. Странно и жутко звучитъ его сухой гортанный голосъ, щемящая, съ завываніями, молитва... Звенятъ колокольчики, привязанные на спину, рокочетъ и гремитъ гулкій бубенъ, то поднимающійся надъ головой, то ударяющійся о землю; съ шумомъ раскидываются кольцомъ ленты облаченія, какъ будто тоже пляшущія изступленную пляску...

Опускается занавѣсъ—а камъ въ религіозномъ экстазѣ все еще продолжаетъ свой обрядъ. Говорятъ, его съ трудомъ остановили и онъ остался недоволенъ. Говорятъ, что пульсъ его билъ во время камланія по 140 ударовъ въ минуту.

Камланіе распадается на части: 1) речитативъ о значеніи шамана, съ описаніемъ костюма (сидя и до облаченія); 2) быстро одѣвшись, камъ обращается къ огню (сидя); 3) обращеніе къ своему предку Каньму (камъ кружится); 4) обращеніе къ Алтаю съ восхваленіемъ его (сидя и отходя къ двери); 5) обращеніе къ Эрликъ-бію (сидя и выходя изъ жилища); 6) обращеніе къ сыновьямъ Ульгена-Хан-Каршыту, Яжил-Хану, Бурчих-Хану и Каракушу; 7) обращеніе къ землѣ и водѣ; 8)—къ Абагану; 9)—къ Телецкому озеру; 10) обращеніе къ основанію земли (кружится) и т. д. Заключительный речитативъ произносится послѣ снятія шаманской одежды.

* *

Далѣе, вперемежку между танцами, проходятъ монгольское и бурятское отдѣленія. Въ соответствующемъ костюмѣ живоно исполняются бурятскія мелодіи: 1. „Шахше зуга“ (пѣсня молодости)—призывная пѣсня молодежи къ сверстникамъ—прійти къ нимъ провести ночь; 2. „Ёхор“ (пѣсня—пляска): поется по случаю какого-либо торжества (свадьбы, пріѣзда гостей), всенародно, чаще всего по ночамъ. Въ ёхорѣ участвуетъ человекъ 20—25; взявшись за руки, участники образуютъ кругъ и поютъ, то двигаясь, то подскакивая. Ёхоръ состоитъ изъ 2 частей; въ первой—

ходятъ по кругу, пошевеливаютъ руками и ногами, какъ бы собираясь прыгать. Во второй части мотивъ мѣняется, участвующіе оживляются и начинаютъ скакать. Ёхоръ длится 2—3 часа, пока не устанутъ, а отдохнувъ, снова продолжаютъ. Это общераспространенный и любимый бурятскій танецъ. 3. „Архи зуга“ (старинная пѣсня): старики, сойдясь гдѣ-нибудь, начинаютъ будить другъ въ другѣ воспоминанія о далекомъ прошломъ, и отвѣчая и дополняя одинъ другого, вспоминаютъ такъ трогательно бывшее, что нерѣдко кончаютъ слезами.

Архи зуга—импровизація и ведется двумя лицами. 4.„зуга“—хоровая пѣсня молодежи по случаю торжества: молодежь дѣлится на двѣ группы, наприм., по улусамъ, и ведетъ хоровой діалогъ. Это импровизація; пѣсня тянется по пѣлымъ ночамъ, пока не истощится изобрѣтательность. Каждая сторона можетъ пѣть свой мотивъ.

Далѣе исполняется алтайская мелодія: „Бешъ борат“ (пять чубарыхъ лошадей):

Среди пяти чубарыхъ лошадей есть одна любимая,
Среди шести сыновей есть одинъ сердечный сынъ,
О, мой хорошій, ты послушай мои слова;
Я скажу душевное слово, ты его никогда не забывай.
Когда тебѣ трудно будетъ жить, ты его повториай,
То слово будетъ такое: люби свою родину,
Защищай ее дороую, своихъ предковъ завѣты храни.

Заканчивается вечеръ нашими русскими народными мелодіями, исполняемыми большимъ оркестромъ балалаечниковъ: „Выйду-ль я на рѣченьку“, „Во саду-ли, въ огородѣ“, По улицѣ мостовой“.

Въ 2 часа ночи публика все еще не хотѣла уходить. Создалось приподнятое, возбужденное настроеніе, потому что для большинства присутствовавшихъ все видѣнное и слышанное явилось интересной диковинкой.

Устроители вечера (Г. Н. Потанинъ и др.) заслуживаютъ искренняго спасибо. Этотъ вечеръ—единственный въ своемъ родѣ, первый, и желательно, чтобы не послѣдній, усилилъ интересъ къ саомыбтнымъ чертамъ природы и жизни нашей великой окраины.

(„Сиб. Жизнь“ и программа).

О дѣйствіи камланія на нама сдѣлалъ докладъ В. В. Карелинъ въ Томскомъ отдѣленіи Императорскаго Русскаго Техническаго общества 25 февраля 1909 года. Кратко ознакомивъ присутствующихъ съ сущностью камланья по литературнымъ даннымъ и отмѣтивъ, что онъ не нашелъ въ литературѣ ни одной работы, относящейся до изслѣдованія камовъ со стороны ихъ психики и физическаго состоянія, докладчикъ поблагодарилъ А. В. Адрианова и проф. А. В. Лаврскаго, доставившихъ ему случай такого изслѣдованія.

Изъ анализа бывшаго въ Томскѣ кама Мампыя видно, что ему 40 лѣтъ, что въ его роду было семь предшествовавшихъ ему камовъ, что камлатъ онъ началъ въ возрастѣ 25 лѣтъ послѣ тяжелой болѣзни, во время которой лежалъ безъ движенія и получилъ внушеніе свыше, что можетъ избавиться отъ болѣзни и смерти, если сдѣлается камомъ: Лѣтъ 10 назадъ Мампый женился и теперь имѣетъ 3 дѣтей: 7 лѣтъ, 3 лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ.—

Повторныя изслѣдованія Мампыя, произведенныя В. В. Карелинымъ 26 и 27 февраля, до и послѣ камланія, какъ въ общественномъ собраніи, такъ и въ институтѣ и въ клиникѣ по нервнымъ болѣзнямъ на другой день послѣ камланія, причемъ изслѣдованіе сопровождалось рентгенизаціей, дали слѣдующіе результаты. В. В. Карелинъ нашелъ, что Мампый какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и психическомъ отношеніяхъ человекъ вполне нормальный, съ довольно хорошимъ развитіемъ. Пульсъ его съ 80—100 до камланія поднялся до 200 послѣ камланія, дыханіе съ 20—24 до 36, температура съ 36,5° до 38,7°, при изслѣдованіи силъ мышцъ въ рукахъ правой и лѣвой—значительное повышеніе въ правой рукѣ—съ 130—135 до 155 и весьма незначительныя измѣненія въ лѣвой. Рефлексы въ ногахъ, вообще слабые, послѣ камланія исчезли совсѣмъ. („Спб. Жизнь, 1909, № 50).

Шаманская мистерія (камланіе)—подъ такимъ заглавіемъ А. В. Адриановъ сдѣлалъ докладъ въ общественномъ собраніи въ Томскѣ 26 февраля 1909 года. Содержаніе доклада таково: Шаманство и его жрецы; шаманство какъ древній культъ; его распро-

страненіе, сущность шаманства; дуалистическое начало въ шаманствѣ; легенда о сотвореніи міра; легенда о первомъ шаманѣ; шаманы, какъ жрецы и хранители шаманскихъ традицій; предрасположеніе къ жречеству; значеніе шамана въ пародѣ; моменты шаманскаго дѣйствія; содержаніе обряда; виды камланій; принадлежности шамана: мантия (маньякъ), головной уборъ (бюрюкъ), бубень (тюрь), колотушка (орба), жезлы, маски; описаніе шаманскихъ принадлежностей и значеніе каждой изъ нихъ.

Затѣмъ актъ камланія исполнилъ алтайскій камъ Мампый. („Сиб. Жизнь“ 1909, № 44 и программа).

Камъ Мампый въ Томскѣ. Если томичи, вытаскивъ изъ нѣдръ Алтая псаго сына его, кама Мампья, и устроили для себя цѣлый рядъ зрѣлищъ изъ его дѣйствій, какъ представителя шаманской вѣры, за то дали и ему очень много, знакомя его съ разными сторонами жизни большого культурнаго города и съ разными лицами.

Ему показали циркъ, біоскопъ, кинематографъ, познакомили съ типографіей (въ Сибирскомъ товариществѣ печатнаго дѣла) какъ съ наборомъ, такъ и съ отливкой стереотипа и печатаніемъ газеты на ротативной и другихъ машинахъ, познакомили съ паровой машиной, съ пользованіемъ телефономъ и электрическимъ освѣщеніемъ, познакомили съ цѣлымъ рядомъ опытовъ (плавкой желѣза изъ руды, горѣніемъ фосфора въ кислородѣ, горѣніемъ его въ надписяхъ и рисункахъ, сдѣланныхъ на бумагѣ растворомъ фосфора въ сѣроуглеродѣ и проч.) въ технологич. институтѣ; предполагалось еще (27 февраля) познакомить Мампья съ университетомъ и технолог. институтомъ. Вообще Мампью оказанъ достаточно внимательный и теплый пріемъ, и онъ увезетъ изъ Томска на свою родину хорошія воспоминанія. 23 февраля онъ былъ на концертѣ хорового пѣвческаго общества, гдѣ съ нимъ бесѣдовалъ архіепископъ Макарій, какъ извѣстно, въ совершенствѣ владѣющій алтайскимъ языкомъ.—Камъ Мампый представлялся 24 февраля г. томскому губернатору Н. Л. Гондатти и былъ принятъ имъ весьма радушно; Н. Л. Гондатти сказалъ черезъ переводчика Мампью, что онъ интересуется Алтаемъ и нынѣ лѣтомъ посвятитъ поѣздкѣ туда около 2 мѣсяцевъ, причемъ озна-

комится на мѣстѣ съ нуждами калмыковъ и постарается удовлетворить какія можетъ.—

25 февраля Мампый пожелалъ сдѣлать визитъ архіепископу, которымъ былъ принятъ ласково. Двое мѣстныхъ художниковъ, Л. П. Базанова и А. С. Капустина, приглашали къ себѣ Мампья, каждая на нѣсколько сеансовъ, и сдѣлали съ него портреты. П. Т. Виноградовъ, заинтересовавшійся шаманствомъ, приглашалъ кама къ себѣ и велъ продолжительные разспросы съ нимъ, дѣлая записи о шаманствѣ. 26 февраля въ обществ. собраніи происходило камланіе, которому предшествовалъ докладъ А. В. Адрианова, посвященный шаманству и жрецамъ; залъ былъ полонъ интересовавшейся публикой.— Въ тотъ же день вечеромъ, какъ докладъ, такъ и самое камланіе были повторены въ технологическомъ институтѣ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ-технологовъ, переполнившихъ аудиторію. Передъ и послѣ камланія Мампый былъ изслѣдованъ группою врачей, при помощи приборовъ, со стороны сердца, пульса, дыханія, общей чувствительности и проч., причѣмъ получены, какъ мы слышали, чрезвычайно интересные результаты. (См. здѣсь же: „О дѣйствиі камланія на кама“).

Дни черезъ два камъ Мампый уѣзжаетъ на свой Алтай, по горамъ и долинамъ котораго скоро понесутся разказы о пребываніи Мампья въ Томскѣ.— („Сиб. Жизнь“, 1909, № 44—46).

Киргизы и ихъ музыка. Въ засѣданіи Императорскаго Географическаго общества авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ изслѣдованій быта, поэтическаго и музыкальнаго творчества восточныхъ инородцевъ Россіи и Туркестана, С. Г. Рыбаковъ сдѣлалъ интересный докладъ: „Киргизы Тургайской области и ихъ пѣсенное и музыкальное творчество“.

Долговременное пребываніе въ Тургайской Области въ качествѣ крестьянскаго начальника дало возможность С. Г. Рыбакову основательно познакомиться съ бытомъ и творчествомъ киргизовъ и собрать свыше 100 пѣсенъ. Этотъ матеріалъ по его словамъ еще не былъ пепользованъ нашими этнографами. Первая запись киргизскихъ пѣсенъ была сдѣлана въ началѣ XIX ст. и нѣсколько пѣсенъ съ мелодіями изданы въ Азіатскомъ Вѣстникѣ въ Астрахани въ 1816 г. Другой разъ пѣсни (11 мелодій) напе-

чатаны г. Пфеннигомъ въ „Этнографическомъ Обзорѣнп“ за 1889 г. „Вотъ и все, что имѣлось до сего времени.

Докладчикъ констатировалъ большую плодовитость пѣсеннаго творчества у киргизовъ. Чуть ли не въ каждомъ аулѣ свои сочинители пѣсенъ и музыки. При посѣщеніи докладчикомъ одного аула въ его честь была сочинена и спѣта пѣсня женщинами. Иногда въ своемъ творествѣ киргизы отзываются на текущія событія въ ихъ жизни. Когда были среди нихъ въ 1908 году волненія противъ русскихъ и былъ убитъ ими одинъ русскій учитель, около тридцати киргизовъ были арестованы. Сестра одного изъ арестованныхъ сочинила пѣсню, въ которой оплакивается участь брата. И та и другая пѣсни были исполнены (унпсеономъ) г-жами Бояровой и Рейманъ въ засѣданіи.

Виды пѣсенъ разнообразны. Очень распространены лирическія пѣсни, называемыя кар'улѡн(г). Въ нихъ воспѣвается дѣвичья красота, любовь; пѣвцы стѣснялись порою пѣть ихъ г. Рыбакову и нужно было ободрять ихъ и настаивать на исполненіи. Повѣствовательныя пѣсни или былины—усыр—часто отличаются своими размѣрами. Иную былинку можно пѣть цѣлую ночь. Большею частью въ нихъ прославляются умершіе предки.

Особый видъ пѣсенъ—это „пѣсни состязательныя“—ајтыскан-соз. Поютъ ихъ пѣвцы другъ передъ другомъ. Судьями являются обыкновенно дѣвицы и зачастую дѣвица выходитъ замужъ за одержавшаго верхъ пѣвца.

Музыкальное творчество проявляется въ мелодіяхъ пѣсенъ (ан) въ инструментальныхъ пьесахъ (куп). Изъ музыкальныхъ инструментовъ главнѣйшіе: домбра—инструментъ съ коробкой и длинной шейкой и двумя струнами, настроенными въ кварту въ предѣлахъ квинтовыхъ звукорядовъ (звукъ получается отъ зашпыиванія струнъ пальцами), и кобызь—смычковый инструментъ съ чашкообразнымъ резонаторомъ (выдолбленнымъ изъ дѣльнаго дерева) и длинной шейкой и также двумя струнами (изъ конскаго волоса), настроенными въ кварту. Въ зависимости отъ устройства инструментовъ, часто сопровождающихъ пѣніе, гармонія музыки киргизовъ двухголосная. Особенность ея—весьма частое примѣненіе запрещаемыхъ нашей музыкальной теоріей параллельныхъ квинтъ и квартъ, сообщающихъ много своеобразія музыкѣ и не лишенныхъ красоты. Мелодіи построены, какъ и у многихъ

народовъ нашего Востока, на системѣ квинтовыхъ и квартовыхъ звукорядовъ. Онѣ вообще діатоничны, хотя повышеніе на полътона встрѣчается. Четвертей тоновъ послѣдователь не встрѣчалъ ни въ одной мелодіи не только у киргизовъ, но и у другихъ народовъ Востока—у персовъ и у афганцевъ. Г. Рыбаковъ разсказалъ также объ искусствѣ шамановъ (бакасы), къ которымъ мусульманское духовенство относится враждебно. Они закливаютъ злыхъ духовъ и лѣчатъ болѣзни. Въ ихъ пѣсняхъ чередуется грозная дикость съ чарующей прелестью. Среди пѣсенъ есть описательныя и звукоподражательныя, подражающія пѣнію курносаго или кукушкѣ. Таковую пѣсню (очень понравившуюся) въ числѣ прочихъ исполнилъ г. Гольтисонъ.

Многія исполненныя пѣсни имѣютъ несомнѣнное художественное значеніе, напр. пѣсня слѣпой дѣвушки, „Айша“ и „Не болѣау, еркемъ“ (въ минорѣ) спѣтыя артистично г-жей Яновой. Интересна и такъ называемая „сумеречная мелодія“, исполненная на домбрѣ г. Глушковымъ, аккомпанировавшимъ пѣнію на этомъ инструментахъ.

Въ заключеніе докладчикъ выразилъ мысль, что изученіе киргизской музыки можетъ оказать освѣжительное вліяніе на русскую музыку и что гениальный Бородинъ во многомъ въ своей оперѣ „Князь Игорь“ удивительно схватилъ особенности музыки нашихъ восточныхъ инородцевъ.

(„Речь“.)

Пѣсни каторги. Очень интересный докладъ о пѣсняхъ каторжанъ, бродягъ, сибирскихъ инородцевъ и заводскаго населенія Урала сдѣлалъ 18-го февраля г. Гартевельдъ въ засѣданіи музыкально-этнографической комиссіи Общества антропологіи, естествознанія и этнографіи. Это былъ собственно не столько докладъ о пѣсняхъ, сколько демонстрація самыхъ пѣсенъ, сопровождавшаяся краткими объясненіями докладчика. Г. Гартевельдъ—композиторъ, авторъ нѣсколькихъ оперъ („Пѣснь торжествующей любви“) и другихъ произведеній. Какъ музыканту и шведскому подданному, ему чрезъ шведскаго посланника удалось достать отъ П. А. Столыпина пропускъ въ тюрьмы и на каторгу для записи пѣсенъ заключенныхъ. И то, что г. Гартевельдъ привезъ изъ своей поѣздки, лишій разъ

воочію показало, какъ еще много непочатыхъ угловъ въ послѣдованіи народнаго творчества, сколько тамъ, „на визахъ“ хранится и создается истинныхъ художественныхъ сокровищъ. Конечно, среди матеріала, собраннаго г. Гартевельдомъ, есть много и мусора, любопытнаго, можетъ-быть, съ бытовой и, такъ сказать, фотографической стороны, но неинтереснаго со стороны художественной. Но и за вычетомъ всего этого сколько драгоценнаго остается еще въ этой замѣчательной коллекціи.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производятъ „каторжныя“ пѣсни, собранныя главнымъ образомъ въ Тобольскѣ, Нерчинскѣ и Акатуѣ. Поются онѣ однимъ—двумя голосами, но чаще хоромъ. И поются только внѣ тюрьмы, на работахъ. Въ самой же тюрьмѣ запрещена какая бы то ни было музыка, кромѣ богослужебнаго пѣнія. Регентъ тобольской каторги, куда г. Гартевельдъ поналъ прежде всего, со своимъ хоромъ далъ много интереснаго матеріала. Между прочимъ, они спѣли извѣстный по всей каторгѣ „Подкандальный маршъ“, который регентъ, изъ боязни начальства, титуловалъ „Маршемъ съ сопровожденіемъ инструментовъ стариннаго стиля“. Эти старинныя инструменты—гребешки и кандалы. Гребешки, получившіе на каторгѣ широкое распространеніе особенно благодаря матросамъ съ „Потемкина“, насмѣшливо выпѣваютъ мелодію; кандалы холоднымъ лязгомъ отбиваютъ ритмъ. Самая мелодія этого ужаснаго марша представляетъ странное соединеніе энергическихъ хроматическихъ оборотовъ съ чисто діатоническимъ народнымъ напѣвомъ.

Мелодіи каторжныхъ пѣсней такъ же разнообразны, какъ и ихъ содержаніе. Творчество коллективное подаетъ здѣсь руку творчеству единоличному, и часто нельзя разобрать, гдѣ кончается одно и начинается другое. Есть чудныя мелодіи, по складу совершенно родственныя лучшимъ старымъ народнымъ пѣснямъ; есть и, очевидно, новыя, недавно сочиненныя, но сильныя и глубокия мелодіи. Нѣкоторыя пѣсни поются съ сопровожденіемъ инструментовъ: балалаекъ, ли (струнный инструментъ кптайскаго происхожденія), пищурки (дудка у бродягъ). Г. Гартевельду пришлось слышать среди беззрочныхъ каторжанъ замѣчательнаго пѣвца—Клочкова, который къ тому же игралъ на балалайкѣ, „какъ Паганини на скрипкѣ“. До этого Клочкову не давали на каторгѣ балалайки и, давъ на три дня для „сеанса“ съ г. Гарте-

вельдомъ, снова отняли. Смирный Ключковъ, когда пришлось разлучаться съ балалайкой, прпшелъ въ бѣшенство, не хотѣлъ отдавать ее, цѣловалъ, рыдалъ какъ ребенокъ... Отъ этого Ключкова г. Гартевельдъ записалъ рядъ интересныхъ пѣсень, между прочимъ популярную въ Сибири тяжелую „Долю“ („Стороны родной лишился за крестьянскій мѣръ честной“) и „юмористическую“ („Воровать я научился у пріятелей своихъ“), въ которой гармонически богатый балалаечный аккомпаниментъ сдѣланъ прямо художественно. Къ числу подобныхъ же веселыхъ (!) пѣсень относится такъ-называемая „Худая слава“, повятіе о которой могутъ дать запомнившіеся два куплета: „Нашимъ предателямъ, закоподателямъ Худая слава“, „Кашъ съ обманами, шамъ съ тараканами Худая слава“. Эта пѣсня съ очень удачной мелодіей—созданіе „политическихъ“, вліяніе которыхъ замѣтно и на многихъ другихъ пѣсняхъ. Такова, напримѣръ, пѣсня „Палачъ“, которую г. Гартевельдъ слышалъ въ Хайларѣ подъ аккомпаниментъ ли. Пѣсня эта начинается стихами: „Птичка пѣсенку поетъ, а палачъ петлю плететь“ и кончается: „Не вернется твой отецъ... Вотъ и пѣсенкѣ конецъ...“ Пѣсня эта, съ мелодіей, очевидно, городского происхожденія, производитъ прямо потрясающее впечатлѣніе. Да и сколько ихъ, такихъ сильныхъ пѣсень, многія изъ которыхъ, самыя лучшія, здѣсь и не упомянуты, ибо трудно запомнить все, слушая впервые. И къ тому же слушая съ тѣмъ болѣзненно-щемящимъ напряженіемъ, которое неизбежно при мысли объ адѣ, породившемъ всѣ эти пѣсни... А вѣдь здѣсь еще не упомянуто о цѣломъ рядѣ другихъ пѣсень, собранныхъ г. Гартевельдомъ, среди которыхъ также есть превосходныя. Таковы пѣсни бродягъ, бѣглыхъ (такъ-называемая „Милосердная“, съ двумя пшурками), заводскія, рудничныя, переселенческія и др. Особую группу составляютъ пѣсни инородцевъ, впервые, кажется, теперь занесенныя на бумагу. Таковы заклинанія шамановъ, пляски бурятъ и киргизовъ, молитвы ламаитовъ, пѣсни вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, айновъ и др. Вліяніе ихъ на многія пѣсни каторжанъ и поселенцевъ несомнѣнно, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше отходить на востокъ и вглубь Сибири. Образцы такого вліянія имѣются и среди матеріала собраннаго г. Гартевельдомъ. Демонстрируемые имъ инородческія пѣсни глубоко интересны не только съ чисто этнографической стороны; несмотря на всю примитив-

ность музыкальныхъ средствъ, многія изъ нихъ поражаютъ удивительной художественной силой и оригинальностью. По своему музыкальному интересу онѣ нисколько не уступаютъ лучшимъ пѣснямъ изъ „каторжной“ и „заводской“ коллекціи г. Гартевельда. Остается только пожелать, чтобы г. Гартевельдъ издалъ собранный имъ цѣнный матеріалъ, добавивъ ноты и текстъ пѣсенъ правдивымъ описаніемъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ на каторгѣ и въ своихъ странствіяхъ.

22-го февраля въ публичномъ засѣданіи Об-ва Любителей Естествознанія г. Гартевельдъ повторилъ, въ нѣсколько болѣе расширенномъ и обработанномъ видѣ свой докладъ „о поѣздкѣ въ Сибирь для изученія пѣсеннаго творчества заводскаго населенія, каторжанъ, бродягъ и сибирскихъ ивородцевъ“. Референтъ посѣтилъ каторжныя тюрьмы въ Тобольскѣ, Нерчинскѣ, Агатуѣ, познакомился съ заводскимъ населеніемъ на Уралѣ, съ сибирскими бродягами въ разныхъ пунктахъ, особенно въ Хайларѣ, а изъ ивородцевъ могъ записать пѣсни вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, бурятъ, киргизъ, айновъ. Сообщивъ нѣкоторые данныя о строѣ этихъ пѣсенъ различныхъ категорій, объ условіяхъ, при которыхъ ему приходилось ихъ выслушивать и записывать, г. Гартевельдъ, послѣ перерыва, приступилъ къ музыкальнымъ демонстраціямъ. Онъ самъ игралъ и аккомпанировалъ на роялѣ, воспроизводя нѣкоторые мотивы и пѣніемъ, лучшія же пѣсни были исполнены подъ аккомпаниментъ рояли артистами г-жей Битавей и гг. Опустовичемъ и Карлашовымъ. Многія пѣсни произвели сильное впечатлѣніе и вызвали шумныя одобренія. Таковы, на примѣръ, пѣсни „Доля“, „Ахъ, зачѣмъ ты, мальчикъ, уродился“, „Какъ вѣчеръ я гуляла“ (женская пѣсня, записанная въ Агатуевской тюрьмѣ, „Милосердная“ (пѣсня бродягъ, на два голоса, съ припѣвомъ подъ аккомпаниментъ свирѣли); „Ой, ты, тундра безконечная, ой, тайга ты вѣковѣчная“ (запѣвало и хоръ); „Кобель“, нерчинская пѣсня каторжанъ (польскаго происхожденія); „Кандалный маршъ“ (съ аккомпаниментомъ кандаловъ и гребенки). „Посреди палатъ каменныхъ“; „Скажи мнѣ красавица“ (передѣлка стихотворенія Кольцова). „Какъ съ другомъ ты прощалася“ (женская); „Колыбельная пѣсня“ (женская, записана въ Агатуевской тюрьмѣ, поется съ аккомпаниментомъ китайскаго инструмента ли); „Въ шахтѣ батюшку убило“ (женская въ нерчинской тюрьмѣ).

„Ахъ, ты, зимушка“ (пѣсня бродягъ); „Похороны бродяги“; „Ермакъ“. Большинство пѣсенъ поется съ аккомпаниментомъ бала-лайки. Изъ инородческихъ пѣсенъ были исполнены мотивы пѣсенъ: вогульскихъ (весенняя и охотничья), остяцкихъ (свадебная, и причитальная), самоѣдскихъ (заунывной и плясовой), а въ заключеніе была спѣта молитва ламаитскихъ (бурятскихъ) ламъ: омъ мани падме хумъ. Большая зала музея была переполнена. Публика шумно благодарила г. Гартевельда и гг. исполнителей.

О натуральномъ и темперованномъ строяхъ 14-го апрѣля профессоръ А. А. Эйхенвальдъ въ помѣщеніи высшихъ женскихъ курсовъ сдѣлалъ сообщеніе.

Показавъ замѣчательную чистоту и благозвучіе отдѣльныхъ интерваловъ и аккордовъ въ натуральномъ строѣ и грубыя, по сравненію съ этой чистотой, погрѣшности при исполненіи тѣхъ же интерваловъ и аккордовъ въ темперованномъ строѣ, г. Эйхенвальдъ тѣмъ не менѣе призналъ и выяснилъ слушателямъ безусловную необходимость темперованнаго строя и невозможность пользованія натуральнымъ строемъ въ современной музыкѣ. Поводомъ къ этому сообщенію послужило изобрѣтеніе Н. В. Смирновымъ, музыкальнымъ мастеромъ изъ г. Иванова-Вознесенска, фисъ-гармоніи съ нѣсколькими клавиатурами, заключающими въ себѣ всѣ звуки натурального и темперованнаго строевъ, т. е. около 60 звуковъ въ одной октавѣ. Благодаря этому инструменту, какъ выразился проф. Эйхенвальдъ, онъ получилъ возможность, демонстрировать то, о чемъ до этого онъ могъ говорить только теоретически. Лекторъ указалъ между прочимъ, что хоръ обыкновенно поетъ чистыми интервалами, и тутъ же провѣрилъ это по средствомъ фисъ-гармоніи на симфонической капеллѣ Булычева которая по окончаніи лекціи исполнила отрывокъ изъ сочиненія XV вѣка. Публика, въ числѣ которой было много музыкантовъ, благодарила профессора долго не смолкавшими аплодисментами, а въ антрактѣ осматривала новый инструментъ. („Русс. Вѣд.“)

Роль фонографа въ музыкѣ и изученіи языка. На засѣданіи „Шведскаго литературнаго общества“ О. Андерсонъ (одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ общества: „Браге“) сдѣлалъ докладъ о роли фонографа въ музыкѣ и изученіи языка.

Референтъ далъ краткій обзоръ примѣненія фонографа въ этнографическихъ цѣляхъ. Впервые фонографы были примѣнены въ Америкѣ, гдѣ при поддержкѣ государства, записаны были тексты и мелодіи разныхъ индійскихъ племенъ. Оттуда фонографы распространились по Европѣ, и въ настоящее время значительное количество фонографическихъ записей имѣется въ Англіи, Россіи, Германіи и т. д. Наболѣе богато представлены собранія мелодій въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Финляндіи роль фонографа еще не оценена въ достаточной мѣрѣ; единственное общество: „Браге“ пытается расширить поле своихъ наблюденій черезъ примѣненіе фонографа; но такъ-какъ оно не располагаетъ для этого нужными средствами, то обращается въ „Шведское литературное общество“ за пособіемъ. („Вл. Г.“)

Новое изданіе религіозныхъ текстовъ. Подъ заглавіемъ *Främmande Religionsurkunder i urval och öfversättning*. Stockholm, Hugo Gebers проф. N. Soderblomъ предпринялъ изданіе (въ 20 вып.) собранія религіозныхъ текстовъ различныхъ народовъ. Въ первой и второй части изданія помѣщены отрывки изъ Ведъ, Тринитаки, Сиддханта, Авесты, Корана, священнхъ книгъ Китая и Японіи. Въ третью часть, кромѣ отрывковъ изъ шинтопетскихъ книгъ, священнхъ текстовъ египетскихъ, ассирійскихъ др. греческихъ, римскихъ, скандинавскихъ будутъ помѣщены молитвы, заклинанія, мѣры, записаны шведскимъ миссіонеромъ у малокультурныхъ народовъ. („Revue de l'Hist. des Rel.“).

Пав. Ник. Рыбниковъ и новое изданіе его собранія былинъ. 16-го апрѣля въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія А. Е. Грузинскій сдѣлалъ интересное сообщеніе о П. Н. Рыбниковѣ и новомъ изданіи собранныхъ имъ былинъ („Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изданіе второе, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей и указателями». Москва, 1909. 8°). Первое изданіе этого сборника давно уже стало библиографическою рѣдкостью, и давно уже чувствовалась крайняя необходимость въ его переизданіи. Редактируемое А. Е. Грузинскимъ 2-е изданіе не только удовлетворяетъ этой назрѣвшей потребности, но и выполняетъ ее съ лучшими научными приѣмами, чѣмъ это возможно было рань-

ше. У него матеріалъ расположенъ по мѣстностямъ и сказителямъ; пріуроченія отдѣльныхъ былинъ къ пѣвцамъ провѣрены на основаніи внимательнаго изученія появленій 1-го изданія и указаній Гильфердинга; о каждомъ сказителѣ дана замѣтка; выпущены, какъ совершенно ненужныя, своеобразныя и громоздкія „замѣтки“ Безсонова. Первый томъ обнимаетъ собою былины Петрозаводскаго уѣзда (почти все изъ Кижей); во второй должны войти былины изъ Пудожскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго уѣздовъ; въ третій—небылинный матеріалъ.

Съ неменьшею тщательностью редакторомъ обработаны и біографическія данныя объ интересной, свѣтлой личности самого Рыбникова. Г. Грузинскій ставитъ ее въ перспективѣ идейнаго расцвѣта русской интеллигенціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, въ последовательную связь съ отдѣльными выдающимися личностями этой эпохи. Ссылка П. Н. Рыбникова въ Олонецкую губернію, отношеніе къ мѣстной интеллигенціи и народу, дѣятельность его тамъ, — все это раньше, по цензурнымъ условіямъ, было замолчено передъ русскимъ образованнымъ обществомъ и нынѣ возстановляется передъ читателемъ. Относительно позднѣйшаго пребыванія Рыбникова въ Польшѣ (до его смерти, въ 1885 г.) біографу удалось также обнаружить своеобразныя черты духа этого человѣка, цѣнившаго всякую народность, какъ среду, гдѣ воспитывается свободная личность, признававшего объединеніе, но отрицавшего „обрусеніе“, наконецъ, съ своеобразной точки зрѣнія подошедшаго къ критикѣ художественнаго и философскаго міропониманія Льва Толстого.

Къ изслѣдованію о русскомъ сектанствѣ. В. Д. Бончъ-Бруевичъ издаетъ второй выпускъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола“; въ него войдетъ „Животная книга“ духоборовъ.

„Напишите во сердцахъ, возвѣстите во устахъ“, — говорятъ духоборы, — потому что „не диво записать на бумагѣ, а важно проникнуться въ сердца правдой и истиной“. Слѣдуя этому правилу, духоборы не дѣлаютъ никакихъ записей, сохраняя всю мудрость „Животной книги“ въ устной передачѣ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Г. Бончъ-Бруевичъ, сопровождавшій партію духоборовъ при ихъ переселеніи изъ Россіи въ Канаду и прожившій съ ними тамъ больше года, записалъ всю „Животную книгу“, обходя съ этой цѣлью поселенія духоборовъ.

Главной частью „Животной книги“, наиболѣе оригинальной и самостоятельной, является отдѣлъ „Вопросы и отвѣты“, называемые также „оборонительными псалмами“. Въ нихъ изложены не только вопросы вѣры духоборовъ, но и ихъ отношеніе къ окружающему міру. Въ „Вопросахъ и отвѣтахъ“ отчасти также затронуты общественно-политическіе взгляды духоборовъ и изложены основы ихъ повседневной жизни.

Литература о Лапландіи и лопаряхъ, русская и иностранная, въ видѣ подробнаго указателя будетъ помѣщена въ трудѣ Г. Ф. Гебель: *Наша сѣверо-западная окраина-Лапландія*, печатавшемся раньше въ журн. „Русское Судоходство“ (1904, № 10-12; 1905, № 1—4, 6—8, 10—11), а теперь издающемся отдѣльно Комитетомъ помощи поморамъ Русскаго сѣвера.

Указатель литературы о Карелии (Архангельской) трудовъ, вышедшихъ на русс. языкѣ, помѣщенъ въ недавно вышедшей книгѣ: *Архангельская Карелія*, Изд. Арх. губ. Стат. Комитета 1908, съ картою.

Къ литературѣ о самоѣдахъ. Архангельское общество изученія Русскаго сѣвера въ непродолжительномъ времени выпускаетъ свои „Извѣстія“, въ ближайшихъ номерахъ которыхъ, кромѣ статей, посвященныхъ сѣверу, будутъ печататься „Матеріалы для библіографическаго указателя литературы о самоѣдахъ“.

Древнія русскія географическія карты представляютъ вопросъ еще далеко не разрѣшенный. Сохранились ли какіе-либо слѣды отъ древнихъ чертежей Московскаго государства, существованіе которыхъ доказывается извѣстной „Книгой Большого Чертежа“, и повліяли ли эти чертежи сколько-нибудь на иностранную картографію, въ которой довольно подробныя карты „Московіи“ стали появляться съ начала ХVІ вѣка,—объ этомъ пытается высказать нѣсколько соображеній А. М. Л. въ фельетонѣ „Правит. Вѣстника“

(№ 96). Авторъ предполагаетъ, что иностранцамъ „Большой Чертежъ“ не былъ извѣстенъ, равно какъ и другой чертежъ“ (т. е. новый, составленный по указу Михаила Θεодоровича въ 1626—1627 г.г.). Между тѣмъ, думаетъ авторъ, чертежное дѣло въ Московской Руси было поставлено довольно хорошо; онъ надѣется, что памятники старинной русской топографіи еще отыщутся въ русскихъ архивахъ.

Изданія Восточнаго Института въ настоящее время представляютъ огромный запасъ матеріаловъ и изслѣдованій по Азіатскому Востоку. Такъ вышли:

а) ПО КИТАЕВЪДѢНІЮ:

Алабастеръ.—Замѣтки и комментаріи на китайское уголовное право.

Переводъ съ англійскаго *А. Д. Дабовскаго.*—1903.—Цѣна
2 р. 50 к.

Блонскій, Шт.-Кан.—Чжп-ли'ская армія.—Цѣна 1 рубль.

Вопросы Китая въ алфавитномъ порядкѣ. Переводъ англійскаго сочиненія *Things Chinese*, by *I. D. Ball.* Справочная книга о Китаѣ и китайцахъ. Выпускъ I-й. *Аборигены—Ломбарды.*—1905.—(Т. XIII, вып. 1-й „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 1 р. 80 к.

Надаровъ, В.—Матеріалы къ изученію Ханькоу.—Цѣна 2 рубля.

Позднѣвъ, А.—Монгольско-китайско-маньчжурскій словарь въ русско-французскомъ переводѣ. Вып. I,—(Изъ I вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 1 рубль.

Позднѣвъ, Д.—56 дней Пекинскаго сидѣнья. 2-е изд. 1903 г.
Цѣна 2 р.

Рудаковъ, А.—Общество И-хэ-туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востока.—Цѣна 1 рубль.

Рудаковъ, А.—Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи. Томъ I.—1903.—Цѣна 5 рублей.

Рудаковъ, А.—Богдоханскіе дворцы и книгохранилища въ Мукдени.
Цѣна 1 р. 50 к.

Рудаковъ, А.—Руководство къ изученію китайской мандаринской рѣчи. Выпускъ I.—Цѣна 25 коп.

Сивяковъ, П.—Географическія свѣдѣнія о Шаньдунской провинціи и портъ Чжи-фу.—Цѣна 1 руб. 50 коп.

Смитъ, А. Г.—Характеристики китайцевъ. Выпускъ I. Главы

- I—V. Переводъ съ англійскаго *К. Дмитріева*.—(Печатается въ V-мъ вып. II-го тома „Изв. Вост. Инст.“).
- Смитъ, А. Г.*—Характеристики китайцевъ. Вып. II. Главы VI—X. Переводъ съ англійскаго *В. Нормана*.—1904.—(Изъ X-го тома „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 30 коп.
- Шмидтъ, П.*—Опытъ мандаринской грамматики съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго Пекинскаго нарѣчія.—1902.—Цѣна 4 рубля.
- Шмидтъ, П.* Начальныя чтенія по китайскому языку. (Пособіе къ изученію разговорнаго языка китайскаго Пекинскаго нарѣчія). *Приложенія*: Китайскіе тексты для упражненій.—(Прил. къ V вып. II т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 рубль.
- Шмидтъ, П.*—Китайская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія. Выпускъ I. Стр. 1—40.—1904.—(Приложеніе къ XI-му тому „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 50 коп.

Въ „Извѣстіяхъ Восточнаго Института“ (годовая подписная цѣна безъ доставки—6 рублей, съ доставкой или пересылкой—8 рублей), помимо перечисленныхъ работъ, по Китаевѣдѣнію помѣщены еще слѣдующія статьи, не вышедшія отдѣльными изданіями: *Дмитріевъ, К.*—Сѣверно-Китайскія желѣзныя дороги. III вып. II-го т.).—*Кузьминъ*.—Политическія общества въ Китаѣ и Японіи.—(I вып. II т.).—Революція въ Китаѣ.—(I вып. II т.).—*Шмидтъ, П.*—Китайскія классическія книги. (III вып. II т.).

б) ПО МАНЬЧЖУРОВЪДѢНІЮ:

- Горашковъ, С.*—Матеріалы для изслѣдованія Бутхаскаго фудутунства. 1903.—(Изъ VIII т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 р.
- Дмитріевъ, К.*—Экскурсія для изученія порта Инъ-коу.—1903.—(Изъ VII и VIII т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 2 рубля.
- Новиковъ, Н.*—Альчукское фудутунство.—1904.—(Изъ X т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 рубль.
- Позднѣвъ, А.*—Монгольско-Китайско-Маньчжурскій словарь въ руско-французскомъ переводѣ. Вып. I. Стр. 1—48. (Изъ I вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 рубль.
- Позднѣвъ, А.*—Опытъ собранія образцовъ маньчжурской литературы. Вып. I. Стр. 1—360.—(Изъ III, IV и V т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 3 р. 50 к.

- Протодьяконовъ Святи. П.*—Гольдско-Русскій словарь.—(Изъ III вып. II т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 рубль.
- Рудаковъ, А.*—Общество И-хэ-туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ.—(Изъ III вып. II т. „Изв. Вост. Инст.“). Цѣна 1 рубль.
- Рудаковъ, А.*—Богдоханскіе дворцы и книгохранилища въ Мукдени.—(Изъ I вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 р. 50 к.
- Рудаковъ, А.*—Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гириньской провинціи. Томъ I.—1903.—(Изъ III, IV, V, VI т. „Изв. Вост. Инст.“). Цѣна 5 рублей.
- Спицынъ, А.*—Рабочій вопросъ на каменноугольныхъ копяхъ Мукденской провинціи.—1904.—(Изъ IX и X т. „Изв. Вост. Инст.“). Цѣна 1 рубль.
- Теренинъ-Рыбниковъ, К.*—Городъ Цзинь-чжоу фу и его торгово-промышленное значеніе.—(Изъ V вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 р. 50 коп.
- Тищенко, П.*—Поѣздка въ Цзя-пи-гоу.—(Изъ VI т. „Изв. Вост. Инст.“). Цѣна 25 коп.
- Цереринъ А.*—Результаты поѣздки по Ху-лань-ченскому фудутунству. (Изъ III вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 р.
- Въ „Извѣстіяхъ Восточнаго Института“, помимо перечисленныхъ работъ, по маньчжуровѣдѣнію помѣщены еще слѣдующія статьи, не вышедшія отдѣльными изданіями: *Позднѣвъ, А.*—Разысканія въ области вопроса о происхожденіи и развитіи маньчжурскаго алфавита (II вып. II т.).—*Шкуркинъ, П.*—Хулань-ченъ (IV вып. III т.).

в) ПО ЯПОНОВѢДѢНІЮ:

- Астонъ, В.*—Исторія японской литературы. Переводъ съ англійскаго В. Мендрина.—1904.—(Изъ XI и XII т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 2 руб. 50 коп.
- Бословскій, Л.*—Къ вопросу о характеристикѣ японцевъ. Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи.—1903.—(Изъ II вып. III т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 1 рубль.
- Васкевичъ, П.*—Дневникъ поѣздки въ Японію отъ порта Цуруга до порта Нігата.—1904.—(Изъ IV—X т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 4 рубля.

Кохановскій, Н. Очеркъ экономическаго положенія Японіи.—1903.—

(Изъ V т. „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кюнерь, Н.—Географическій очеркъ Японіи.—1904.—Цѣна 1 р. 50 к.

Лебедевъ, Е.—Островъ Дажелеть.—1904.—Цѣна 15 коп.

Спальвинъ, Е.—Очеркъ основъ языка и письменности японцевъ.—

1900.—(Изъ I вып. II т. „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 65 к.

Спальвинъ, Е.—Японскій прогрессъ.—1901.—(Изъ II вып. II т.

„Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 35 коп.

Спальвинъ, Е.—Хрестоматія разговорнаго японскаго языка.—1903.

(Изъ III—V т. „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 4 рубля.

Въ „Извѣстіяхъ Восточнаго Института“, помимо перечисленныхъ работъ, по японовѣдѣнію помѣщены еще слѣдующія статьи, не вышедшія отдѣльными изданіями:

Кобелевъ, А.—Хоккайдо въ 1899 году (X т.).—*Кобелевъ, А.*—

Обзоръ города Хакодате и его торговопромышленной дѣятель-

ности въ 1901 году (XII т.).—*Кузьминъ, Н.*—Политическія обще-

ства въ Китаѣ и Японіи (I вып. II т.).—*Надаровъ, В.*—Сеуло-

Фузанская желѣзная дорога (III вып. III т.).—*Мурцигеръ, К.*—

Японскій языкъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Гр. Назарова* (III вып.

III т.).—*Спальвинъ, Е.*—Японскіе анекдоты, краткіе рассказы и

пословицы. (Японскіе тексты для начинающихъ) (I вып. II т.).—

Спальвинъ, Е.—Японскіе анекдоты и сказки (тексты для перво-

начальнаго чтенія) (IV вып. II т.).

2) ПО КОРЕЕВѢДѢНІЮ:

Афанасьевъ Шт.-Кап.—Современное состояніе вооруженныхъ силъ

Кореи.—1903.—(Изъ XI т. „Изв. Вост. Инст.“)—Цѣна 50 к

Дюковъ.—Сеульское военное училище.—(Изъ VII т. „Изв. Вост.

Инст.“)—Цѣна 15 к.

Лебедевъ, Е.—Островъ Дажелеть.—1904.—(Изъ XI т. „Изв. Вост.

Инст.“). Цѣна 15 коп.

О. Павелъ (Ивановскій).—Современное положеніе христіанскихъ

миссій въ Корей.—1904.—(Изъ XII т. „Изв. Вост. Инст.“)—

Цѣна 1 рубль.

Подставинъ, Г. В.—Хрестоматія корейскаго литературнаго языка.

Вып. I, стр. 1—24.—(Прил къ XI т. „Изв. Вост. Инст.“)—

Цѣна 30 коп.

Церрингъ, А.—Чиннампо, корейскій портъ, открытый для вѣшной торговли.—(Изъ IV т. „Изв. Вост. Инст.“).—Цѣна 50 коп.

Въ „*Извѣстіяхъ Восточнаго Института*“, помимо перечисленныхъ работъ по кореевѣдѣнію помѣщены еще слѣдующія статьи, не вышедшія отдѣльными изданіями:

Афанасьевъ, Шт.-Кап.—Современное еостояніе вооруженныхъ силъ Кореи. (III вып. Шт.).—*Надаровъ, В.*—Сеуло-Фузанская желѣзная дорога (III вып. III т.).

„Извѣстія Восточнаго Института“

выходятъ въ количествѣ 4—5 томовъ въ годъ, которые выпускаются въ свѣтъ, по мѣрѣ напечатанія матеріала, приблизительно черезъ каждые 3 мѣсяца академическаго года.

Въ *Извѣстіяхъ* помѣщаются: протоколы засѣданій Конференціи Института, съ приложеніемъ докладовъ, относящихся до обозрѣнія коллекцій и состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій Института, обозрѣнія институтскаго преподаванія и распредѣленія лекцій, біографическіе очерки профессоровъ, преподавателей и вообще лицъ близкихъ Институту; публичныя лекціи и рѣчи, читаемыя въ различныхъ засѣданіяхъ Института; отчеты по ученымъ и учебнымъ командировкамъ гг. профессоровъ, преподавателей и студентовъ Института, также рекомендованныя гг. профессорами труды постороннихъ лицъ; курсы гг. профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями оныхъ; критическія и біографическія статьи и замѣтки относительно выдающихся произведеній по Востоку.

Въ видѣ особыхъ приложеній при „*Извѣстіяхъ Восточнаго Института*“ издается еще „*Современная Лѣтопись Дальняго Востока*“, выходя періодически, черезъ каждые 10 дней, съ сообщеніемъ извѣстій о выдающихся текущихъ событіяхъ въ Китаѣ, Корей, Японіи и прочихъ странахъ Дальняго Востока.

Подписная плата на „*Извѣстія Восточнаго Института*“ 6 рублей, съ пересылкою 8 рублей въ годъ. „*Современная Лѣтопись Дальняго Востока*“ можетъ быть выпнсываема еще и отдѣльно съ уплатою 10 коп. за выпускъ безъ пересылки, и 14 коп. съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Библиотеку Восточнаго Института въ г. Владивостокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 г.

Годъ XIV.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

Годъ XIV.

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля) книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОВРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОВРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терриаріумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и ответы по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: И. Я. Акинфіева, А. П. Артари, проф. П. Бахметьева, Л. И. Бородовскаго, проф. А. О. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вакуловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенкина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житкова, В. Заленскаго, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ф. Нащенна, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Наблукова, проф. Н. М. Калугина, проф. Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, К. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, К. А. Сатунина, К. Н. Сентъ-Илера, М. М. Сязова, В. И. Таліева, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторые другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп.; безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. Книжки журналы въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляюще подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА-РЕДАКЦІЯ: Москва, Донская, домъ Даниловой, кв. № 4.
Редакторъ-издатель М. П. Вѣрвава.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., председателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому издавію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1909 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Старое зданіе Университета, Географическій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“,

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей председателя Отдѣленія *проф. Д. Н. Анучина*. Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору географической литературы и т. д.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстъ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой—6 руб. Прежніе экземпляры продаются по 5 руб. за годъ.

Принимается подписка на 1909 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехнический Музей, Географическое Отдѣленіе Общества Естествознанія.

НА
1909 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

ГОДЪ
XXI-й.

НА

„Этнографическое Обозрѣніе,“

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, состоящаго при Московскомъ университетѣ,

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**, Товарища Предсѣдателя **Н. А. Янчуна** и
Секретаря **В. В. Богданова**.

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего отечествовѣдѣнія— изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи: оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библиографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденція и иллюстраціи посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ объ изучаемыхъ народностяхъ, ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, правамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, высшему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и высшей культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками около 10 листовъ каждая, въ форматѣ больш. 8^о.

Цѣна годовому изданію **6 р.** съ доставкой и пересылкой.

За границу 7 руб. съ пересылкой.

Отдѣльно книжка 1 р. 50 к. съ перес., за границу 1 р. 75 к. По той же цѣнѣ—экземпляры съ 1905 года. По особой цѣнѣ продаются ММ за прежніе годы. Немногіе оставшіеся полные экземпляры журнала за все время его существованія, а именно: книги I—LXXIX (1889—1908 гг.), продаются за 500 руб.

Книжки имѣетъ магазинъ уступки 20 коп. съ годового экземпляра.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Обращаться въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“:
Москва, Политехнической музей.